

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

**МАЙ
2004**

**ИЯР
5764**

N 5 (145)

МАЙСКОЕ СЛОВО ВЕРХОВНОГО РАВВИНА РОССИИ

«ВОТ СОЮЗ МОЙ, КОТОРЫЙ ВЫ ДОЛЖНЫ СОБЛЮДАТЬ»

Yos epoider daaei Endye Nideda, daaei es Aedaeiaa, çai'i iee iaadee. «Eiaa idoeee ia'i ou, - daieaçiaae ii, - ie ma aee aia aadna a eaiadi, çai'oaeeee daai o'aoii n'oda ai ii-e, a aii ii-oè ia aadee. Eoi ia aiiieie i'oi a oia daiodaeae».

Как-то раз во время работы подходит ко мне женщина и просит нож. Я решил, что она собирается покончить с собой – многие не выдерживали в те дни, – и попытался отвлечь ее от пагубных мыслей словами надежды и увещевания. Но тут нас заметил охранник и крикнул: «Что это вы болтаете?! Сейчас же за работу!» Тогда женщина обратилась к нему с той же просьбой. Охранник, как и я, решил, что она хочет вскрыть себе вены, вынул из ножен кинжал и протянул ей.

Наступил конец смены, нас построили и повели в бараки. И вот я вижу, как эта женщина бросается к тюку ветоши, лежащему на ее нарах, разворачивает его и вытаскивает... младенца. Прежде чем мы успели понять, что происходит, она обрезала ножом мальчику крайнюю плоть и произнесла положенное благословение. А потом сказала: «Восемь дней назад Он дал мне ребенка. Знаю, что у нас обоих мало шансов пережить концлагерь, но хочу, чтобы мой сын вернулся к Создателю настоящим евреем!»

Обрезание – одна из важнейших заповедей еврейского народа. Если не самая важная. Ведь она, по сути, утверждает принадлежность человека к народу, заключившему союз с Б-гом. На иврите «брис мила» означает именно «союз» («брис») через обрезание («мила»). Каждый может родиться евреем, но полноценным евреем становится лишь тот, кто обрезан. Поэтому даже в самые тяжелые времена, когда жестокая власть запрещала нам соблюдать заповеди, когда публичное признание своего еврейства было чревато большими бедами, многие, хоть и тайно, но обрезали новорожденных.

В Талмуде сказано, что эту заповедь «люди всегда соблюдают с радостью». В самом деле, когда младенцу делают обрезание, родители обычно приглашают гостей, накрывают праздничный стол, все поют и ликуют...

Но вот вопрос: какой смысл делать обрезание ребенку, которому всего неделя от роду? Ему даже нельзя дать обезболивающее. Правда, сейчас врачи говорят, что дитя, едва появившееся на свет, гораздо слабее чувствует боль, нежели потом, когда подрастет. Но ведь все равно чувствует! Так не лучше ли обрезать крайнюю плоть уже взрослому человеку? Мы же знаем, что это не запрещено: если по тем или иным причинам человеку не сделано обрезание во младенчестве, он имеет право пройти через него в любом возрасте. Тем более, взрослый, в отличие от младенца, уже понимает, что значит союз с Б-гом, и, стало быть, его решение совершить обряд будет сознательным.

На первый взгляд, такое рассуждение выглядит логичным. Так, большие и малые государства заключают союзы, подписывают договоры о мире и сотрудничестве, когда отношения между ними хорошие. Завтра отношения по какой-то причине испортились, но все-таки, вместо того чтобы идти воевать, правители могут вспомнить о договоре и о том, что давали слово друг другу не враждовать. Сознательные действия с благой целью – что может быть лучше?

Дело, однако, в том, что союз человека с Б-гом не схож с союзом двух государств. Если наши отношения с Г-сподом и позволительно сравнивать, то разве с отношениями детей и родителей. Б-г «породил» человека, как родители рожают своих чад. И отношения их существуют отнюдь не на рациональном уровне. Почему родители любят сына, даже если, на взгляд посторонних, сын – «тот еще подарочек»? Разум молчит. Почему ребенок, отданный в детдом, любит отца, хотя отец сидит в тюрьме, любит мать, лишенную родительских прав? Это весьма сложно объяснить, ибо родители и дети связаны некими особыми и к тому же неразрывными узами.

Неразрывна и глубинна связь че

ловека с Б-гом. Почему Б-г нас любит – даже если мы далеки от строгого исполнения Его заповедей? Почему мы любим Б-га – даже если на нас обрушивается несчастье за несчастьем? Природа этой любви близка к непостижимости. Обычной логикой ее не истолковать...

Вот почему, совершая обрезание, входя в союз с Б-гом, мы вовсе не должны стремиться к тому, чтобы это было обдуманном поступком. Как говорится, родителей не выбирают. Иначе получится, что в нашем союзе есть элемент выгоды: когда нам хорошо, мы за союз с Б-гом, когда нам плохо – мы против!

Кстати, тут и ответ для людей, полагающих, будто евреи делают обрезание из гигиенических соображений. Разумеется, медицина, развиваясь, давно уже дошла до мысли, что обрезание полезно для здоровья. Последнее подтверждение: совсем недавно медики сделали вывод, что люди, совершившие обрезание, меньше подвержены СПИДу! Но наши предки, как вы догадываетесь, получив от Г-спода заповедь, о которой речь, и понятия не имели о пользе обрезания, о том, что оно предохраняет от десятков болезней. Ни один врач на свете еще не знал о преимуществах обрезания, а мы уже делали его своим младенцам.

Поэтому неверно думать, что евреи совершают свой обряд, из-за его полезности. Они совершают его, ибо он необходим: именно его выбрал Б-г, желая закрепить наш союз с Ним.

Да, обрезание сопряжено с болью, как и всякое оперативное вмешательство. Но получаемое благодаря ему куда важнее проходящей боли! Нам даруется связь с Б-гом на иррациональном уровне. Эта связь сохраняется на всю жизнь, постоянно напоминая каждому еврею, что он часть Б-жьего народа и призван выполнять Его заповеди. И даже если в данный момент еврею плохо, память об обряде «брис-мила», некогда над ним совершенном, не позволит ему забыть, что он еврей и что Б-г о нем помнит.

Главный раввин России Берл Лазар.

МАЙСКИЕ ПОУЧЕНИЯ ЛЮБАВИЧСКОГО РЕБЕ

Î áí àââî - Î áí äë Øí àââîí

ÇÀ ÁÓÊÂÎ Ê ÇÀÊÎ Î Á

Î ñò àââò üüÿ æè âîî

Î á í î ñáí äé áí äéá ò ù ðí äè èüÿ è í á í î ñáí äé áí äéá òí ðáòü

Î î ó: áí èÿ î ò ö î á 4:29

Áóóà : æí áí äéá - ñáò è èüÿ è è Áîî î ááí ü

Î è ø è á é, 20:27

Пламя не знает отдыха, ибо покуда живо, оно разрываемо двумя противоположными стремлениями. С одной стороны, оно стремится припасть к фитилю, жадно впивая масло, поддерживающее его жизнь. С другой стороны, рвется вверх, стремясь освободиться от пут зависимости. Пламя знает: стоит утратить контакт с фитилем – и оно перестанет существовать. Однако в его природе заложены оба стремления.

Жизнь пламени парадоксальна: оно не может существовать без фитиля и топлива, одновременно питающих и его жизнь, и стремление разорвать эту связь, уйдя в небытие.

Так и человек, покуда жив, разрываем противоположными устремлениями. С одной стороны, стремится к утверждению своей самости, индивидуального бытия. С другой стороны, жаждет трансцендентности: разорвать ограничения физического бытия и выйти за пределы материального «я».

«Не по своей воле ты родился и не по своей воле умрешь» – эта формула, отражающая столкновение конфликтующих стремлений, описывает суть нашего опыта.

Из всех живых созданий лишь человеку присуще желание вырваться из ловушки материального бытия, именно оно отличает нас от животных. Однако это стремление уравновешено ультимативным желанием быть, привязывающим человека к реальности материального мира. Человек мечется между материальностью и трансцендентностью и подобен пламени, которое на мгновение отрывается от фитиля, – а потом вновь припадает к нему.

Ī īæðāī ī ūā ī'ēāī āī āī

«И взяли сыновья Аарона, Надав и Авигу, каждый свой совок, и положили в них огня, и возложили на него смесь благовоний, и воскурили перед Б-гом огонь чуждый, какого Он не велел им. И вышел огонь от Б-га, и пожрал их, и умерли они пред Б-гом. И сказал Моше Аарону: “Вот о чем говорил Б-г: в приближающихся ко мне буду Я свят и перед всем народом прославлюсь”» (Ваикро, 10:1-3).

Мудрецы поясняют, что порыв, заставивший Надава и Авигу «воскурить перед Б-гом огонь чуждый», не был «греховным». Наоборот, случившееся подвигло Моше сказать Аарону: «Я знал, что Дом освятится близкими Вездесущему, и полагал, (что будет это) либо через меня, либо через тебя. Теперь же я вижу, что они (погибшие сыновья) превосходят меня и тебя» (Раши на Ваикро, 10:3).

Рабби Хаим ибн Аттар пишет в ком

ментарии на Тору, что смерть сыновей Аарона была «смертью через Бжественный “поцелуй”, которого достаиваются лишь совершенно праведные: лишь праведные умирают, когда Б-жественный поцелуй достигает их, как умерли те, удостоившиеся его<...> Ибо хотя они и чужали свою кончину, это не остановило их в стремлении приблизиться (к Б-гу), в стремлении припасть к Нему, в восторге, восхищении, привязанности, любви, поцелуе и сладости, – приблизиться к тому пределу, где их души были от них исторгнуты» (Ор а-Хаим на Ваикро, 16:1).

Иными словами, Б-жественное пламя, пожравшее души Надава и Авигу, присуще каждой душе: горящее в душе желание ускользнуть из ловушки материальности, которая удерживает нас вдали от Б-жественного источника души. Надав и Авигу «подошли близко к Б-гу» и оказались в той точке, где души вырвались из «круга жизни»: презрели свою связь с телами – и были сожжены в экстатическом единении с Б-гом.

Īādāōāīēā ðāæīī īñōè: īō «āāñ īī ēðāā» ē «āīñīæāāīēp īī ñ'ēðāēè»

Однако в комментируемом стихе из книги Ваикро речь идет об «огне чуждом, какого Б-г не велел». Человек был сотворен не для того, чтобы сжигать материальное тело в огне духовного экстаза. Хотя Б-г вложил в нашу душу стремление к выходу за пределы «я», Он также пожелал, чтобы материальный мир

удерживал нас подобно тому, как якорь держит судно. Б-г хочет, чтобы томление по трансцендентности обрело укорененность в нашем физическом «я», став частью повседневной жизни и связанного с ней опыта.

После смерти Надава и Авигу Б-г обратился к Моше, чтобы никто не последовал примеру сыновей Аарона. В Торе сказано: «И говорил Б-г, обращаясь к Моше после смерти двух сыновей Аарона, когда они предстали пред Богом и умерли<...> “Скажи Аарону, брату твоему, чтобы не во всякое время входил он в святилище <...> дабы он не умер”» (Ваикро, 16:1,2).

Это повеление дано, чтобы указать границу нашего выхода за пределы «я» и приближения к Б-гу. Между тем, слова Б-га дают нам силы в самом нашем существе вмещать пламя, поглотившее души Надава и Авигу. (Вслед за повелением Аарону не входить в святилище («чтобы не умер тот, как умерли его сыновья», Раши), Б-г описывает, как именно следует входить в Святая Святых на Йом Кипур, обретая через это опыт приобщения к Всемогущему). Поэтому «огонь чуждый», который зажгли сыновья Аарона пред Всемогущим, был «чуждым» и в положительном смысле: неведомый ранее, этот огонь открыл людям новые измерения служения Б-гу.

Помня об этом, мы лучше поймем глубину замечания основателя хасидизма рабби Исроэла Баал-Шем-Това: «Лишь по великому милосердию Всемогущего остается человек живым после молитвы».

Ведь молитва – это усилие, направленное на преодоление пут материальной жизни, и приближение к сущности, исток которой – Б-г. Когда человек достигает близости с Б-гом (то есть когда его молитва истинна и искренна), он познает, что значит «прильнуть» к Б-гу: познает полноту, которая «освободила» души Надава и Авигу. Однако Своим повелением Б-г наделил нас способностью «встроить» опыт нематериального в ежедневную, ограниченную «человеческими измерениями» жизнь.

Постоянное движение нашей жизни к трансцендентному и обратно, к материальности мира – нечто большее, чем движение от существования к освобождению, которое может обернуться исчезновением, и обратно. Это движение не по кругу, а по восходящей спирали. «Не по своей воле ты родился» (в этой фразе прочитывается также смысл: «не своей волей ты жив») означает: человек ускользает за пределы своего «я», но его возвращают назад, чтобы достижение трансцендентного стало частью его бытия. «Не по своей воле умрешь» – тяга к «бегству», заложенная в природе человека, толкает его пересечь границы нового, обогащенного «я». Но он вновь будет возвращен к реальности.

Так «пламя» человека колеблется, то взмывая вверх, то опадая: стремления, заложенные в человеке, подталкивают перебросить мост через постоянно расширяющуюся пропасть, которая отделяет трансцендентное бытие от имманентной данности, идеал – от реальности.

Nēīāā è èì āīā

Ī nōè yçūēā

Āāyōūp dā-āīēyī è āūē mçāī ī èd

Ī īō-āīēy īōōīā 5:1

È èīāā īāāçīāē Ā-āĀīāēēū ūē èççāī èē āyēīā çādy īīēāīā è āyēp īōēōōīāāāī p, īōēāē Īī è-āēīāēō, ÷ōīāū āēāāōū, ēāē Īī īāçīāō èō è ēāē īāçīāō -āēīāē ēāēīā-ēēāī āēāīā nōīāōāī, òāē è èì y āā.

Ādāēōēñ 2:19

В Мидраше есть рассказ: «Когда Б-г собирался сотворить человека, Он обратился к ангелам <...> И сказали те ему: “Человек, что в нем?” Он же ответил им: “Его мудрость больше, чем ваша”. И привел Б-г к ним всяких тварей, диких зверей и птиц и спросил: “Каково имя каждого из этих созданий?” – они же не знали. И тогда привел Он их к человеку <...> и человек сказал: “Это шор (бык), это – хамор (осел), это – сус (лошадь), а это – гамал (верблюд)”» (Брейшис Раба, 17:5).

Казалось бы, давать вещам имена просто: достаточно выбрать один-два слога, образовать слово и установить связь этого слова с соответствующим объектом. Если человек хочет прослыть ученым, он выделяет пару присущих объекту черт и на их основе образует слово длиной в восемь-десять слогов, восходящее к латыни. Но почему тогда способность давать имена указывает на мудрость большую, чем у ангелов? И почему то, что человек обладает этой способностью, является особым достоинством в глазах Создателя?

Ī ed nēlā

Мир был сотворен Б-жественными речениями. «Да будет свет <...> моря <...> деревья плодовые <...> животные морские» – эти слова определили сущность каждой твари.

То, что мы воспринимаем как физический свет, на самом деле вызвано к бытию Б-жественными словами: «Да будет свет». Это – само слово «свет», произносимое Творцом как словесное выражение Его желания света. То же верно и в отношении всех прочих созданий: коровы, рыбы, дерева, камня, – они являются нашим физическим восприятием Б-жественных слов, воплотившихся в них.

«Десять речений», приводимых в Торе в повествовании о сотворении мира, определяют имена нескольких первосозданий (свет, вода, твердь) и основополагающих категорий творения (звезды, деревья, рыбы, птицы). Но эти основополагающие категории содержат в себе – и на лингвистическом, и на физическом уровне – мириады тварных сущностей. У всякой твари есть имя на Священном Языке, которое, может быть, не названо перечислением «десяти высказываний» первой главы книги Брейшис, однако присутствует в тексте Торы и может быть «считано» с помощью гематрии или иных систем буквенной перестановки, существующих для иврита (см. Тания, часть II, гл. 1).

В этом состоит различие между Священным Языком и другими языками.

Во всех иных языках слово соответствует существующей вещи. И если даже есть основание, в силу которого определенное слово ставится в соответствие некоему объекту, это не играет роли. Так, русское слово «бык» могло бы соответствовать упрямому, глуповатому животному с длинными ушами, а слово «осел» – крупному, мощному животному с рогами, – язык функционировал бы точно так же, исполняя свою «профанную» функцию коммуникации, идентифицируя объекты с некой группой звуков, на письме фиксируемых буквами.

Однако язык в истинном, «священном» смысле – нечто большее. На Священном Языке слово предшествует именуемому объекту, оно творит его и определяет его бытие. Слово – это артикуляция Б-жественного желания, вызывающего соответствующий объект к бытию и несущего в себе представление Творца о качествах и функции объекта – то есть о цели, ради которой этот объект был сотворен.

Это же верно и в отношении личного имени: оно формирует канал, по которому душа сообщает телу жизнь, во многом определяя характер носителя имени. Элозар бен Педат сказал: «Имя оказывает влияние на жизнь человека» (Брохойс, 7б).

Адам, чтобы назвать хотя бы одно существо его сущностным именем, должен был это знать, то есть уметь прозревать в объекте определяющие качества и цель его бытия. А истинная мудрость заключается в умении смотреть сквозь внешние формы и различать «святость» внутри объекта: содержащееся в его основе Б-жественное предназначение.

Ангелы могут обладать способностью знать суть твари, принадлежащей духовному царству. Но, сталкиваясь с жующим жвачку быком, ангелы не способны постигнуть, каким образом его физические, животные качества служат Б-жественной цели творения, – это выше их возможностей, ограниченных сферой духовного.

I dēqā

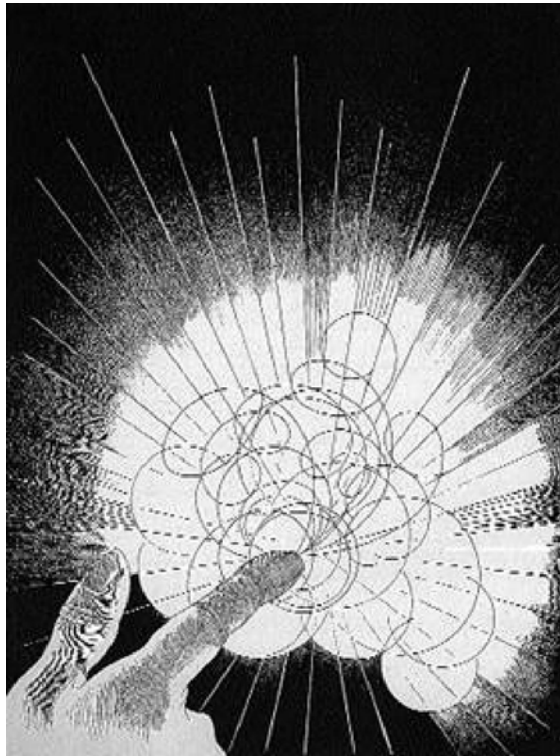
Способность различать истинную суть объекта и давать ему имя в наибольшей степени выражает роль человека в творении.

Любая тварь способна выразить совершенство и благость Создателя. Но именно человек актуализирует эту способность, объединяя всю тварь и включая ее в служение Всемогущему. Только человек наделен Б-жественным качеством «свободы выбора», поэтому лишь его поступки имеют моральное значение. Б-жественная цель творения может быть реализована только через человека.

«Мир был сотворен, чтобы служить мне, а я – чтобы служить Творцу» (Кидушин, 82а). Хасидский учитель, рабби Мендл из Коцка, в связи с этим говорил: «У человека должно быть два кармана на платье. В одном должен лежать стих: “Я только прах и пепел”, а во втором – “Во имя меня был сотворен мир”».

В этом состоит глубинное значение слова «ваикро» («и призвал он»), которое используется Торой в рассказе о том, как Адам нарекал имена разным тварям. Слово «кара» имеет два значения: «называние» и «призыв». Называя животных по именам, Адам показал, что он способен призвать их к служению и привести к свету «имя» и сущность всякой твари, ибо он осознает и способен развить потенциал, заложенный в каждом из созданий: способность послужить человеку в его служении Б-гу.

Когда человек запрягает быка в плуг и потом возвращенные на этой пашне плоды использует на дела благотворительности, когда, питаясь от этих плодов, он молится или изучает Тору, то каждый элемент творения, вовлеченный в действие человека, получает качество, которого сам он лишен. Сила быка, плодородность земли, вода, орошавшая землю, солнечный свет – через человека все эти элементы соприкасаются с трансцендентным, преодолевая опущенные им пределы самости. Так осуществляется цель творения.

Ī ēḏ : aḥōī īḥōāé

Āaḥōūp ḏā:āī ēyī ē aḥē mḥāāī ī ēḏ xōī ēḥyōīā ḥāāāō? Ḑaḥāī ī aḥūy aḥēī mḥāāōūāā īāī ēī ḏā:āī ēāī ?

Ī īō:āī ēy īōōīā 5:1

Пятая глава «Почуений отцов» открывается рядом высказываний, так или иначе акцентирующих значение десятирицы: это и десять Б-жественных речений, которыми сотворен мир (например, «Да будет свет», «Да произрастит земля зелень»), десять испытаний Авраама, десять казней египетских, десять чудес, ниспосланных в Храме, и другие высказывания.

Десять – число, выражающее законченность и совершенство. Неслучайно люди исчисляют объекты и элементы мира, в котором живут, десятками. Мир образован десятью классами первоэлементов: каждая из сущностей или сил, явленных в нашем мире, попадает в одну из этих десяти категорий.

Сказано, что Б-г сотворил мир десятью высказываниями. Несомненно, Он мог просто сказать: «Да будет мир», но тогда конституирующие особенности нашего существования носили бы вторичный характер. Один человек отличается редкой щедростью и благородством, другой посвятил жизнь поискам мудрости, а третий растит ребенка, – все эти особенности в мире, сотворенном одним высказыванием, не играли бы особой роли. Единственной реальностью в таком мире был бы лишь факт «существования» некоей сущности, а все прочее – форма проявления этого существования. Ведь мерой значимости тогда оказывается вопрос: является ли некая сущность достойной, чтобы Б-г ее сотворил.

Однако Творец пожелал, чтобы в мире была представлена не только категория «существования», но и такие категории, как «доброта», «мудрость», «женственность». Поэтому Он «взял на себя труд» дать проявиться десяти различным творящим силам, от Него исходящим. Одну из них можно определить как «милость» («хесед»): она включает такие эмоции, как любовь, отдачу и связана с физической водой. Другая сила – «мудрость» («хохма»): качество, вмещающее способность к интеллектуальному суждению, геометрическую точку, отцовство. Лидерство, восприимчивость, женственность и стихия земли будут связаны с представлениями о «царстве» («малхус»).

Творение состоит из десяти основополагающих «сущностей». Иными словами, наш мир – огромный холст, на котором представлены миллионы цветов, являющихся результатом смешения десяти основных красок Б-жественной палитры (см. Тания, часть II, гл.1).

Б-г сотворил мир десятью высказываниями, чтобы обозначить важность такого критерия, как «особенность» каждой сущей в мире вещи. Когда поучение говорит о некоей десятирице, то принцип, описываемый этим поучением, распространяется не на узкую зону реальности, но касается каждого ее аспекта. Авраам доказал свою веру не только в какой-то одной области или ситуации – этой верой была проникнута вся его жизнь. Наш исход из Египта избавил нас не от одного, но от десяти видов рабства: исход и освобождение затрагивают все существо каждого из нас. Пространство Храма не просто отлично по тем или иным параметрам от «нормального» пространства, принадлежащего естественному порядку природы, – оно свидетельствует о присутствии Б-га в каждом уголке мироздания.

Áäëíîá è ì îîæáñòááí îîá

Ááñýòùþ ðá:áí èýì è áúé ñçááí î èð ×òí èçýòíá ñæááò? Ðáçáá í æýý áúéí ñçááòú áá îáí èí ðá:áí èáí ? Ñéí ðáá ááá, ýòí áúéí ñæááí í æý òíá, ÷òíáú áçñæáòúñíá:áñò èáúá ðáçðááþúèð î èð ñçááí í úé ááñýòùþ ðá:áí èýì è, è ùááðí áíçí áááæèòú í ðáááí èéíá, í îáááæèèááþúèð î èð, ñçááí í úé ááñýòùþ ðá:áí èýì è.

Í îó:áí èý î òòíá 5:1

Это поучение можно объяснить так: Б-г предпочел «развернуть» наш мир десятью предложениями, чтобы наша жизнь и миссия, с которой мы приходим в мир, были исполнены более глубокого смысла.

Однако мы интуитивно чувствуем, что этого объяснения недостаточно. Если бы Б-гу для сотворения мира было достаточно одного предложения, тогда единичность была бы мерой ценности явленного бытия, а всякое дополнительное «развертывание» изначального высказывания вело бы к его умалению. Как сказано в комментарии «Мидраш Шмуэл», если А заплатил десять монет за вещь, цена которой – одна монета, а Б эту вещь украл, обязан ли Б выплатить владельцу компенсацию большую, чем реальная стоимость вещи?

Áíçí íæí îñòú è ááýí èá

Хасиды подчеркивают, что интересующее нас поучение указывает на существование двух измерений нашего бытия. Говоря о том, что мир мог быть сотворен одним предложением, подразумевается не теоретическая

возможность, а определенный аспект реальности. Существование этого аспекта связано с присутствием в творческой силе Б-га элемента «возможности».

Итак, есть два аспекта творения.

Первый – сам факт существования твари: прежде ее не было, теперь она есть. Б-г вызвал все сущее из абсолютного небытия. «Вещная бытийность» – это свойство всех объектов, сущих в мироздании. Бытие – как качество – присуще всякой единичной вещи. По отношению к этому качеству все прочие вторичны. В этом проявляется самое сущностное в творящей силе Б-га: Его «могу» – величественная способность наделять бытием.

Второй аспект: индивидуальная природа многообразных элементов, из которых создан мир. Б-г не только вызвал их к бытию, Он наделил каждую сущность индивидуальными чертами, сделал мироздание столь многообразным.

Конечно, Б-г мог сотворить мир во всей бесконечности его подробностей, одним-единственным речением, выражающим Его желание дать миру бытие. Но, сделай Он так, единственным значимым аспектом нашего существования был бы факт бытия. Ведь мерой ценности любой сущности является значение, которое дано ей от Б-га. А в мире, сотворенном одним речением, все различия носили бы вторичный характер, даже если вещи обладали бы индивидуальными отличиями и особенностями.

Обратимся к «десяти речениям». Они олицетворяют Б-жественную творящую силу, которая формирует специфику природы и функции каждой вещи. Поскольку Б-г вовлечен в творение и на этом уровне, то деяния человека, направленные к добру или ко злу, приобретают двойное значение. Не только творение в целом служит осуществлению Б-жественного замысла, но и каждый его элемент имеет индивидуальное назначение, обусловленное Б-жественным речением, которое наделяет бытием этот элемент. Б-жественные речения являются не разовым актом, но постоянно возобновляющимся процессом творения: Б-г все время «проговаривает» наш мир, наделяя его бытием.

Когда человек использует данные ему от Б-га талант или материальные ресурсы, он реализует (или, упаси Б-г, уклоняется от реализации) предназначение соответствующей сущности на двух уровнях: на бытийном, поскольку эта сущность как часть мироздания служит исполнению воли Творца; и на индивидуальном, поскольку для Создателя важны индивидуальные черты и проявления всякой вещи.

חַאֲוֹדָאֵי יִתְעֵי יִדְעֵי אִי אִי עֵי

Эти два аспекта бытия явлены и в «микрокосме» человека, который можно назвать «вселенной в миниатюре» (Мидраш Танхума, Пкудей, 3).

Каждый человек – это «сообщество» идей, черт характера, побуждений и склонностей. Но он еще и личность, которая переживает идеи, побуждения. Эта двойственность проявляется во всех наших поступках. То, как мы размышляем над тайной и величием Творца, как преобразуем мир вокруг нас, как обращаемся к Всемогущему в молитве и постигаем Его мудрость, Тору, – все это сочетает в себе и «тотальный», всеобъемлющий подход, и индивидуализированный, отмеченный какой-либо спецификой.

Проанализируем, как это происходит.

Восприятие человеком мира и Творца

Размышляя о природе Б-жественного творения, человек осознает величие Бга и испытывает любовь к Нему и трепет перед Ним (см. Рамбам, Законы оснований Торы, 2:1,2). Эти размышления могут иметь форму «тотального» или «индивидуализированного» восприятия Бга, причем два подхода приводят к разным результатам.

Можно мыслить о Б-ге как Творце бытия. Итогом таких размышлений станет смиренное осознание Его величия и удаленности от нашей реальности. Ибо творение из ничего (ex nihilo) может осуществить лишь Тот, кто превосходит всякие определения, пребывая вне категорий «ничто» и «нечто»: а это за пределами нашего разума.

Можно размышлять о непостижимом многообразии природы, об удивительных свойствах каждой вещи, наделенной бытием. Это порождает «личное» отношение, персонализированное чувство любви к Б-гу и трепета перед Ним, – и такое восприятие Творца ближе уму и сердцу человека.

Èmî îëüçîââî èá dáïòðmâ yò îãî î èðà

В Мидраше сказано, что Б-г хочет, чтобы мир стал Ему обителью (Мидраш Танхума, Носой, 16; см. Тания, гл. 36). Используя ресурсы этого мира для служения Всемогущему, мы служим исполнению этого желания: преобразуем окружающий мир в среду, где ощущается присутствие Б-га.

Но существуют также два мотива, определяющих наши деяния. С одной стороны, мы все делаем во имя одной цели (кроме поступков, совершенных по слабости, когда мы поддались мороку этого мира). Рабби Йоси говорил: «Пусть все твои деяния совершаются <...> ради имени Г-спода» (Поучения отцов, 2:17). Но это не значит, что все действия воспринимаются нами одинаково, без индивидуальных черт, когда средства не важны, а значение имеет только конечная цель. Можно сказать, уникальные характеристики каждого элемента воспринимаются как часть общей картины творения.

Î îëèòââ

В молитве мы приближаемся к Бгу, осознавая свою зависимость от Него: Он дает нам жизнь и поддерживает ее. Но в молитве также присутствует и «тотальность», и «детализация» восприятия.

Мы начинаем день с выражения благодарности Б-гу, даровавшему жизнь: читаем Мойде ани. Потом в течение дня мы произносим множество благословений и молитв, каждая из которых выражает определенный аспект нашей связи с Б-гом в зависимости от тех или иных нужд.

Следует сказать о специфике Мойде ани: от «я» к «Я». Согласно Закону Торы, слова Торы или молитвы могут произноситься только в чистоте помыслов и чистоте телесной. Начиная день, запрещено молиться или приступать к чтению Торы, не оmyв рук и не совершив прочих гигиенических процедур. Однако первое, что делает еврей после пробуждения, еще в постели, – произносит слова Мойде ани: «Благодарю Тебя, живой и вечный владыка, за то, что восстановил во мне душу; велика Твоя верность». Оправдание чтения этой молитвы заключается в том, что Мойде ани не содержит священных имен Б-га: мы

называем Его «Ты» и «живой и вечный владыка». На глубинном уровне формулировки Мойде ани, в которых выражена святость Б-га, – выше категорий и определений именно потому, что в них не используются «имена» Б-га. Мы обращаемся к «Ты», к самой сущности Б-га, превышающей любые представления о «святости» и «чистоте». То же относится и к уровню «я», как он выражен в этой молитве. В Мойде ани мы признаем, что жизнь – ежедневный дар Б-га. В отличие от всех иных молитв, в которых выражена та или иная потребность, тот или иной аспект нашей связи с Творцом, Мойде ани имеет отношение к самой сущности нашего «я», называя его истоком сущности Б-га – «Ты». Так Мойде ани выражает обращенность «я» еврея к «Я» Б-га. Эта обращенность не связана с обстоятельствами, а потому на нее не распространяются ограничения или запреты. Любавичский Ребе Раяц говорил: «Никакое нечестие этого мира не может коснуться молитвы Мойде ани, произносимой евреем».

יְיָ יְהוֹה אֱלֹהֵינוּ

Тора – это откровение, в котором явлена мудрость и воля Б-га. Изучающий Тору становится причастен к «уму» Б-га. Если задуматься об этой функции Торы, то наше постижение ее должно быть целостным, не сводимым к частностям. Как сказал один из великих хасидских учителей (Чортковский Ребе, рабби Цви-Гирш а-Леви Гурвиц), «есть семьдесят способов изучения Торы, и первый среди них – молчание».

Подразумевается, что весь еврейский народ – единая личность, знающая Б-га через Его Тору. Это убеждение нашло отражение в самой Торе: «... и разбил лагерь там Израиль напротив горы <Синай>» (Шмойс, 19:2) . Как подчеркивали мудрецы, в этом стихе употребление глагола в единственном числе свидетельствует о том, что весь народ Израиля понимается как одна личность, готовящаяся принять Тору от Всемогущего (Мегила на Шмойс, 19:2).

С другой стороны, Б-г облек мудрость Торы в рациональные концепции, постижимые человеческим умом. А царство разума – это область, где властвует специфическое и индивидуализированное: нет двух умов, подобных друг другу, как различные области знания осваиваются разными методами и отсылают к разному опыту.

Тора объемлет все, доступное человеческому разуму. Она включает все рациональные дисциплины, известные человеку, от мистики до аналитики, от юриспруденции до психологии. Каждая мысль, изложенная в Торе, – это целая вселенная: она многослойна, приложима к множеству областей повседневной жизни. Поэтому мы молим Б-га: «Дай нам нашу долю в Твоей Торе» (произносится трижды в день, в заключение молитвы Амида). Иными словами, дай нам проявить те таланты, которыми Ты нас наградил, чтобы мы обрели путь к постижению Твоей истины и ту долю истины, которая доступна для нас.

Odé èno idèè

*Ányou ífetéáí éé áfèáíú áfèè ídèòè íò Áááí à áí Ííy, ÷òíáú nòáéí íííyòíí, éáé ááéééí
áfèáíòáíáí éá Á-á, éáí ányòè ífetéáí éy ídèáéááéé Áá á áá ífèá íá íáéáé Íí íá épáéé áíáú
ííòíá*

*Ányou ífetéáí éé áfèáíú áfèè ídèòè íò Ííy áí Ááááí á, ÷òíáú nòáéí íííyòíí, éáé ááéééí
áfèáíòáíáí éá Á-á, éáí ányòè ífetéáí éy ídèáéááéé Áá á áá ífèá íá ííyáééíy ídèáóáó íáé
Ááááí é íá ífèó-éé cà ányò íáááá*

Í íó-áí éy íòóíá 5:23

Перечисляя первые двадцать поколений людей, «Поучения отцов» затрагивают вечно довлеющую над нами проблему, определяющую историю нашей жизни в миниатюре: как мы справляемся с отрицательными чертами, присущими нам и нашему окружению?

Первые десять поколений грешников не породили ничего благого. И когда терпение Б-га достигло предела, Он стер человечество с лица земли и построил мир заново, произведя род людской от праведника Ноя и его семейства.

Вслед за Ноем пришло еще десять поколений грешников, занятых только саморазрушением. Но Авраам «получил за всех награду» – ему удалось реализовать ту способность к добру, которая была дана всем десяти поколениям после Ноя. Аврааму удалось извлечь ядро блага, которое до него было скрыто скорлупой неправедных деяний. Жизни и усилия десяти поколений его предков не оказались потерянными, но были искуплены и очищены в личности Авраама.

Следует различать два типа зла. На первый взгляд, они сходны: и тот, и другой является пороком. Однако Тора проводит между ними границу: есть деяния, которые просто должны быть отвергнуты, а есть такие, которые могут быть трансформированы во благо.

С теми элементами, которые необходимо искоренить без следа, всякая попытка иного взаимодействия непродуктивна и разрушительна. Указанные Торой аспекты бытия, которые можно обратить во благо, нельзя вычеркнуть из нашей жизни: это все равно, что выплеснуть с водой и младенца. Более того, именно эти «низкие» элементы, преобразившись, могут обернуться для нас наибольшим благом. Цель нашего присутствия в материальном мире – извлечь эти драгоценные камни из косной и грубой породы, в которой они заключены.

Áðàí è öü «ñàì ìñò è»

Áàñyò è èm'ù ò àí èyì ì Ìáàáàñy' ì ò àí ò á ò á ò Áàðàì è áñà è ò áù áà ò è à è, áááù ì Ì è à ç à ò ù ñà ð è ð á á á ù è Áññàí è í à ì á

Ì ò : á í èy' ì ò ò ì á 5:4

Десятым, самым важным испытанием Авраама было «связывание Ицхака»:

«И было: после этих событий Всесильный испытал Авраама и сказал ему: “Авраам!”. И он сказал: “Вот я!”. И Он сказал: “Возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, Ицхака, и пойди в страну Мория, и принеси его там во всесожжение на одной из гор, о которой скажу тебе”. И встал Авраам рано утром, и оседлал осла своего, и взял с собой двух отроков своих и сына своего Ицхака, и наколот дров для жертвы всесожжения, и встал, и пошел на место, о котором сказал ему Всесильный <...> И пришли на место, о котором сказал ему Всесильный. И построил там Авраам жертвенник, и разложил дрова, и связал Ицхака, сына своего, и положил его на жертвенник, поверх дров. И простер Авраам руку свою, и взял нож, чтобы зарезать сына своего. Но ангел Б-га воззвал к нему с неба и сказал: <...> “Не заноси руки твоей на отрока и не делай ему ничего; ибо узнал уже Я теперь, что ты боишься Всесильного, когда ты не щадил твоего сына, твоего единственного, ради Меня”» (Брейшис, 22:1-12).

История «связывания Ицхака» стала олицетворением абсолютной приверженности евреев Б-гу. Каждое утро, прежде чем приступить к чтению молитв, мы читаем рассказ Торы об этом и говорим: «Владыка Вселенной! Как Авраам, отец наш, преодолел свою жалость к сыну, своему единственному, ради того, чтобы в полноте сердца исполнить волю Твою, пусть Твоя жалость преодолет Твой гнев против нас, и милосердие Твое да возобладает над строгим судом Твоим».

На Рош а-Шона, когда весь мир трепещет в ожидании суда Всемогущего, мы пробуждаем воспоминание о «связывании Ицхака», трубя в шофар. Шофар сделан из бараньего рога, потому что именно агнец заменил Ицхака и был принесен в жертву Авраамом. Трубя в шофар, мы будто бы говорим: даже если у нас нет никакой иной заслуги, вспомни Авраама. Вспомни, как первый еврей связал все грядущие поколения еврейского народа и был готов принести их в жертву Тебе: вспомни о нашем самопожертвовании во имя Твое.

יִי אֱלֹהֵינוּ ?

Готовность человека пожертвовать жизнью во имя веры является высшим испытанием этой веры. Но чем особенным отмечена жертва Авраама? Разве множество других евреев не жертвовали жизнью во имя веры, предпочитая умереть, нежели нарушить свой союз со Всемогущим?

Однако в случае Авраама речь идет об отце, жертвующем своим ребенком. А такая жертва является большим свидетельством веры, чем готовность самому «последовать долиной смертной тени». Впрочем, и в этом Авраам не одинок: из поколения в поколение евреи посылали своих детей на смерть, поскольку лучше смерть, чем вероотступничество.

Каждый еврейский школьник знает историю Ханы и семи ее сыновей. Хана обрекла семерых сыновей на мучительную смерть, но не склонилась перед греческим идолищем. Последние ее слова сыновьям были: «Дети! Идите к отцу вашему Аврааму и скажите ему: Ты принес на алтарь одну жертву, я же – семь!» (Гитин, 57б).

Еще одно замечание. Авраам был готов принести сына в жертву, между тем, на протяжении нашей истории, тысячи евреев действительно пожертвовали своими жизнями и жизнями близких во имя веры. В отличие от Авраама они не удостоились призыва Б-га, Всемогущий не обращался к ним напрямую, как обратился Он к нашему праотцу: их жертва была предопределена только их личными убеждениями и верностью Б-гу. Они предпочли расстаться с жизнью, чтобы не предать мельчайшие из заповедей веры. Заметим, Тора настаивает лишь на том, что еврей должен предпочесть смерть нарушению закона, когда альтернативой является совершение убийства, нарушение сексуальных запретов (инцест, супружеская измена), идолопоклонство или отречение от веры.

Но почему именно «связывание Ицхака», словами дна Ицхака Абарбанеля, «вечно пребывает у нас на устах и присутствует в наших молитвах <...> Ибо в нем сокрыта внутренняя сила Израиля и наша заслуга перед Отцом Небесным?» А как же тысячи и тысячи евреев, которые принесли в жертву свою жизнь в залог верности Б-гу?

«I á èi á pù áá çí à ÷ áí èý»?

Так ли все просто в истории Авраама? «Акида» была последним, десятым испытанием, ниспосланным Аврааму. Первым было испытание, выпавшее ему дома в родном Ур-Касдике. Авраам учил истине, исповедуя единого, бестелесного и всемогущего Б-га, и отказался поклоняться Нимроду, царствовавшему над страной и почитаемому как верховное божество, за что был брошен в печь огненную (Брейшис Раба, 38). И было это до того, как Б-г открылся ему и избрал Авраама и его потомков служить «светом для народов» (Ишаяу, 49:6) и возвещать слово Б-жье живущим на земле.

Не является ли эта готовность к самопожертвованию важнейшей по сравнению со всеми последующими деяниями Авраама? Он сам постиг истину, принял ее и целиком посвятил себя служению ей – до того, что готов был отдать за это жизнь. А ведь тогда еще Аврааму не было ни знамений, ни повелений свыше.

И все-таки именно «связывание Ицхака» считается главным испытанием веры Авраама. В Талмуде звучит вопрос: почему Б-г, веля принести Ицхака в жертву, начинает свои слова обращением, которое с иврита можно перевести как «ищу тебя, обращаюсь с просьбой»? Этому дано объяснение: «Б-г сказал Аврааму: многим испытаниям подверг Я тебя, и ты выстоял. Теперь же, прошу – выдержи, во имя Мое, это последнее испытание, чтобы не говорили, будто остальные не имеют значения» (Сангедрин, 89б).

I á dái i ói ói ááó

Бывают такие дикие места, куда не ступает нога человека, где нет дорог. Не существует карт этих местностей, и отторгнут будет всякий, кто попытается углубиться в эти земли. Тем не менее, однажды случается невозможное: является некий человек, проходит эти земли и прокладывает через них путь.

По его следам идут многие. Это нелегкое странствие, но у них теперь есть карта, составленная первопроходцем, и они идут по проложенному им пути. Годы спустя найдется еще кто-то, кто примет вызов: возможно, даже больший, чем тот, на который отозвался первопроходец. Он шел через эти земли при свете дня – идущие за ним рискнут пройти их ночью. Он шел налегке – они пройдут, неся на плечах тяжелый груз. Однако своими достижениями они будут обязаны первопроходцу.

Авраам был «первопроходцем самопожертвования». И «связывание Ицхака» было первым истинным самопожертвованием в человеческой истории.

Y á èi ò è ÷ í ú é á èi ò d è ç í

Пожертвовать собой – не то, что пожертвовать жизнью другого. Между этими жертвами – непреодолимая пропасть.

История человечества знает множество жертв. Каждое поколение и каждое общество давали своих мучеников за веру, за отечество и еще за тысячу вещей, существующих под солнцем.

Этими людьми двигали разные мотивы. Для кого-то жертва была актом отчаянья: они полагали, что не стоит жить, если некая цель упущена. Другие считали, что жертва будет щедро вознаграждена посмертно: временное благо жизни они отдавали взамен вечных благ для души. Были и те, для кого нечто стало дороже жизни: они настолько отождествились с некоей идеей, что она превратилась в центр их личности, который оказался дороже самого существования личности.

Во всех случаях мученик жертвовал жизнью, но не своей личностью. Обратим внимание: жизнь приносилась в жертву во имя цели, избранной самим мучеником, то есть во имя его личностного выбора. Это было своеобразной проекцией личности вовне: или духовного «я» бессмертной души, или иного «я», с которым человек отождествлялся. Так или иначе, это был эгоистический выбор, в основе которого – самоутверждение. Эгоизм выступал здесь в самом альтруистическом обличье, и человек преодолевал материальные ограничения «самости», которая довлеет над нашим телесным бытием. Однако следует понимать, что в основе подобных жертв была именно «самость».

Ἰσραὴλ ἐστὶν ἡ ἐδδαίειά

Авраам был человеком, выполняющим миссию. Ради этой миссии он принес в жертву всё, она была для него важнее собственной жизни.

Многие годы он скорбел о том, что у него нет потомка, чтобы продолжить выполнение этой миссии: нести веру в Б-га и этику, связанную с монотеистическим пониманием Б-га, в языческий мир. Но когда Аврааму было уже 100 лет, исполнилось обещанное Б-гом: у него родился сын, от которого должен был произойти народ Израиля. «Наречешь ему имя Ицхак, и заключу Я союз Мой с ним – союз вечный с ним и с потомством его после него» (Брейшис, 17:19).

И вот Б-г повелел Аврааму уничтожить это будущее собственными руками. Когда Авраам связывал Ицхака и клал его на жертвенник, это делалось не во имя реализации какого-либо призвания. Это перечеркивало все, во что Авраам верил, чему он учил, на что положил свою жизнь, – и это противоречило всему, что было возвещено ему Бгом. Авраам не видел в этом деянии пути к осуществлению сокровенных чаяний, как не видел вообще какого-либо рационального смысла в жертвоприношении своего сына. Каждая частица его «я» восставала против этой жертвы: его материальное «я», его духовное «я», альтруистическое «я» ничего не обретали для своей реализации. И все же Авраам это сделал. Почему? Потому что Б-г потребовал этого.

До Авраама «самость» была основанием, на котором «стоял» человек. Человек мог «высветлить» свои приоритеты, «расширить» и возвысить свое «я», – но не мог его переступить. Как бы ему удалось это сделать? В основе каждого человеческого деяния лежит мотивация (осознанная или неосознанная), которая проявляет себя в некоем рациональном обосновании того, какую пользу принесет это человеку. Поэтому невозможна мотивация, ведущая к полному стиранию «самости». Инстинкт самосохранения, реализующийся в стремлении к получению благ, участвует в формировании побуждений и желаний человека. Перешагнуть эти побуждения так же невозможно, как вытащить себя за волосы из болота.

Однако Авраам сделал невозможное: он принес «я» в жертву тому, что превосходило возможность самоидентификации Авраама с этим объектом. Если бы он этого не сделал, все остальные акты самопожертвования были бы обречены остаться в пределах тех проекций высшего «я», о которых уже говорилось.

Но, когда Авраам положил на алтарь связанного Ицхака, голос с небес возвестил: «узнал уже Я теперь, что ты боишься Всесильного» (Брейшис, 22:12). Это значило: теперь Я знаю, что воля Б-га довлеет над тобою больше, чем твои инстинкты. Теперь Мне ведомо, что в основе всякого твоего поступка, – даже если кажется, что он продиктован порывами твоего «я», – лежит желание служить Создателю. Теперь Мне ведомо, что пробудилась твоя истинная внутренняя жизнь, в основе которой – самоотвержение.

Когда мы говорим о «связывании Ицхака», мы говорим о том, что проложило тропу ко всем последующим великим достижениям нашей веры. Мы говорим о неисчислимых тысячах тех, кто положил жизнь за веру Авраама, о миллионах тех, кто прожил жизнь в этой вере. Их жертвы, великие и малые, принесенные в критические моменты их жизни или пронизывающие повседневную ткань существования, поверхностному взгляду кажутся лишь утверждением их личной веры и убеждений, то есть реализацией устремлений души, их высшего «я». Но «акида» свидетельствует, что речь идет о гораздо большем, чем просто самореализация и самоутверждение.

Авраам завещал своим потомкам хранить суть иудаизма: в сердцевине нашего бытия лежит не наше «я», но – наша преданность Творцу. Поэтому каждый наш поступок и каждый выбор становится выражением той «частицы Б-жественного», что пребывает в нас.

Ἰὸνὸνὸ ἀὰ ἱὶ δαῖαι ἐέ

*Ἄπυὸν ἰάαι ἀίεε ἱεῖν ἱεῖαι ὑ ἱάοει ἱ δαῖαι ἁ ὀδαι ἁ ἱά αῖεῖ ἱεὸ-ἄν, ἰὸἱαῦ ὁ ἀαι ὑεῖ ὑ ἱεὸ-εῖν
ἁίεεἰ ἰε ες-çà çàῖ ἁῶἁ ἁεἰδὸ ἁἱ ἱ ἱἁ ἱ ἱἁ <...>*

Ἰ ἱε-ἁί εῖ ἱ ὀδῖἁ 5:8

Некоторые родители хотят, чтобы у них родилось ровно столько детей, сколько они запланировали, и ни в коем случае не больше. Они приводят разнообразные социальные и экономические резоны. Порой «рациональное планирование семьи» пытаются представить как нечто позитивное и предлагают разумные доводы: меньше детей – больше энергии и времени на их воспитание и образование, больше денег на благотворительность.

Однако в поучении сказано: «не было случая, чтобы у женщины случился выкидыш из-за запаха жертвенного мяса». Никакие соображения самого возвышенного порядка не могут оправдать тех, кто препятствует сотворению новой жизни.

ЛЕХАИМ МАЙ 2004 ИЯР 5764 – 5 (145)

ИСТОКИ ДУШЕВНОЙ СТОЙКОСТИ

Извечные преследования, дискриминация, гонения, доходившие до погромов, до Холокоста, не привели к желанной победе гонителей, имя которым легион. Очередные враги, вынашивая новые планы, вряд ли представляли себе испытания, через которые прошли спесиво третируемые ими люди. Своей цели не достигли и средневековые погромы и погромы, инспирированные российским самодержавием. Даже травля, даже издевательства советских лет (от иезуитских анкет до ржавой гулаговской проволоки) в конечном счете явили свое бессилие. Отечественная сатира ушедшей эпохи подтверждает тщетность попыток подавить талант нации, якобы обреченной на истребление.

Сколько раз ее обрекали на уничтожение, столько раз она и доказывала тщетность злодейских поползновений. Упорство это оплачено страданиями, реками крови. Можно было расстрелять Бабеля и Кольцова, но бабелевский дух, но кольцовская отвага все равно побеждали. Несмотря на гибель Мандельштама, на «шум погони» за Пастернаком творениям обоих великих поэтов уготована вечная жизнь.

Кто-то отступал – не без того, – поспешал в Каноссу. Однако у большинства неизменно сохранялось чувство собственного достоинства. Звучали песни Галича, читалась проза Лиходеева, Горина, Жванецкого, фельетоны Рыклина, не забывались остроты Полякова и Ласкина. Вопреки цензуре, вопреки запугиваниям передавались из уст в уста анекдоты, шутки, самим своим появлением напоминавшие: мы живы, работаем, с презрением отвергая угрозы. Они смеялись над недругами, эти люди, и посылали друг другу шуточные телеграммы типа: «Привет вашей нации от пионерской организации». Ныне, в условиях отказа от государственного антисемитизма и снисходительного отношения к антисемитизму, так сказать, низовому, проблема собственного достоинства не лишилась злободневности. Поддержка русского национализма верхними эшелонами власти, очевидная всем, кто не носит темных очков, не позволяет евреям забывать о ней ни на миг. Как не смели они забывать прежде и вряд ли будут иметь повод забыть в будущем. А достоинство человеческое не слишком-то зависит от газетных статей и надписей на заборе.

Иные недостаточно искушенные и дальновидные еврейские активисты, вопреки Галичу верящие «в чистое небо и в улыбки сиятельных лиц», проморгав очередной всплеск русского национализма, который обеспечил грызловским сторонникам (то бишь сторонникам Путина) думское большинство, должны, повинившись, сделать из сложившегося самые серьезные выводы. А не просто пламенно одобрять всё идущее сверху.

Душевная стойкость предполагает самостоятельность, независимость и критичность позиции, не имеющей ничего общего с национальной спесью или самодовольным похлопыванием себя по тугому карману. Она исключает суетливый гамлетизм, какой некогда имел в виду все тот же незабываемый Александр Галич: «То ли стать мне президентом США, то ли взять да и окончить ВПШ?»...

Душевная стойкость, доказанная, проявленная на протяжении веков, не ушла в песок. И сегодня необходимость в ней не отпала.

Жертва?

Nei ií Áææíáíí

Íçá:ááò èè ñéæáíéá Á-ííáá ÷òí ÷áéíáé áíéæáí æáðòáíáòú æéçíúþ ááé Íáí? Áúòúòáí, ÷áí áí íá ýáéýáòáíí óíé:òíæéòúííá «ý» – ñááíáíáòíý èè ýòí ñçáéííí Á-æúèí?

Áíáíá íá óáéæòáéúíí, áíéè òáéáý íáííáæòéáá íòíóáéááò ááí Éáí ííá – íá òíéúéí íáááòíá, íí ííá áíéþúá íðíòéáíðá:èò ñáí èí ííííáúí éúáéçí á!

Í ú ççíááí èç Ááééðí – òðáòúáé éíéæ Òíðú, ÷òí éáæáúé èç íáíí ííæáò è áíéæáí ñéæéòúí Á-ííáá Íáíáéí æá Ááééðí íééíèí íáðáçí íá ðéííáò ááçí ýòáæíðþ éáðòéíó áððíáííá áéáæáíííá íòáúòá. Íòíþáú íáò – Ááééðí íííáýúáíá òáí á éíòíðáý ííðíáéò íá áíçáúóáííá ñíðíýíéá áúóé, á, ñéíðáá, ñí ýòáíéá Á íáéíòíðúò – ááæá è íòíóááò.

Á ýòíé éíéáí íáí íòéðúáááòíý éðíáááíé íéð ááééííá æéðáðý á Ñáýòíí Óðáí á íá éíòíðíí ááðáéíééé íáðíá íðéíííéé á æáðòáó æéáíòíúò áí éíéóí éáí éá ñáíéò áðáðíá

Í íæáò èè çáééáíéá áúéíá è íááò èí áòú éáéðþ-òí ñáýçí ñ áíòáí íáéáí éáí ñþçá ñ Á-áí – ñþçá, íðéíííýúáá áíéúéíá óáíáæáò áíðáí éá ÷áéíááéú?

Рамбан, классический комментатор Торы, говорит (Ваикро, 1:9): когда кто-то приносит «корбан» (жертвенное животное) на altar Храма, «тогда его внутреннему взору должно представиться, будто происходящее с этим животным должно было случиться с ним».

Это нам нужно очиститься от всех своих грехов – очистить свою плоть и кровь. И именно для достижения этой благой цели милосердный Господь и дал нам альтернативу: разрешил взамен себя принести в жертву животное. Оно, это животное, и подвергается наказанию – вместо нас...

Тора – это не урок древней истории: каждое ее слово – вечно и приложимо к каждому из нас в любой день и в любой век.

В мире, где Святой Храм разрушен, необходимо вдумчивее читать Тору. Читать более вдумчиво, чтобы удалось уловить неразрывную связь между жертвоприношениями и нашей современной жизнью.

В каждом из нас действуют две полярно противоположных силы. Одна стремится к материальным благам, другая – тянется к духовности и Б-гу. Проще говоря, поиск цели в жизни, желание понять смысл жизни и служить Господу – постоянно вступают в противоречие с «животным началом». В каждом из нас присутствует «животное начало» – именно та часть существа любого человека, которой больше хочется удовлетворить наши эгоистические желания, чем отдать свое время и ресурсы на высокое дело.

Приношение в Храме животных в жертву отражает суть нашей Б-жественной задачи: стремление пожертвовать животным началом в себе ради Б-га.

Когда мы читаем, как человек принес жертву на алтарь: «Адам ки якрив микем...», мы замечаем странное искажение. Действительно: вместо того чтобы сказать «когда кто-то из вас приносит жертву», говорится: «когда человек хочет принести себя в жертву». Это, безусловно, означает одно: принося животное в жертву на алтарь, человек на самом деле приносит на алтарь животное начало в себе самом.

Принесение в жертву Господу животного начала в человеке – краеугольный камень иудаизма. Однако вопрос в том, как это делается? Нужно ли подавить в себе животные страсти и стремление к удовольствию и уже затем вести невеселую жизнь, состоящую из горя и сплошных лишений?

Ответ кроется в слове «корбан». Хотя зачастую его переводят как «жертва», следует исходить из корневого слова «кирув», что означает «приблизиться».

Мы превращаем себя в «корбан», приближая к Б-гу животное начало в себе. Мы не уничтожаем его, не подавляем. Опираясь на животное начало в себе, мы приближаемся к Б-гу.

Мы таким образом используем свое животное начало именно для того, чтобы преодолеть свою ограниченность. А тем самым – и приблизиться к той главной цели, ради которой мы и были созданы Б-гом.

Быки – агрессивны, овцы – прожорливы, козлы – упрямые. Но животное, кроющееся в человеке, имеет выбор. Мы можем быть отвратительными злодеями и всем окружающим портить жизнь. А можем и направить свои страсти в русло активной любви к Б-гу. Можем потакать своей страсти к удовольствиям, ублажать себя, подобно овцам. А можем и наоборот – черпать удовольствие и радость в добрых делах, помогая другим и живя осмысленной жизнью.

По существу, в каждом нашем помысливании – даже в тех, что выражаются в отрицательной форме, – имеется некое ядро, которое и может быть направлено на угодное Б-гу дело. При этом мы жертвуем объектом, на который нацелено наше желание. Жертвуем теми незрелыми и узкими взглядами, которых мы придерживаемся. Жертвуем нашим невежеством, нашими «слепыми местами». Но всем этим мы жертвуем осмысленно: дабы выявилась наша главная суть – подобно тому, как садовник выпалывает сорняки, чтобы могли расцвести цветы.

Должны ли мы пожертвовать своей жизнью ради Б-га?

Конечно – нет!

Мы не должны жертвовать данными нам от Господа талантами, свойствами и поведением. Однако их следует приблизить к чистому состоянию.

Когда вы становитесь «корбаном», вам предоставляется возможность преобразовать каждый аспект своей жизни, вырасти во весь рост, реализовать свои возможности и силы. Словом, стать человеком, который ходит не среди животных, а рука об руку с Господом.

История традиции «корбонойс» – законов обряда жертвоприношений в книге Ваикро – учит нас, что служение Б-гу имеет в виду отнюдь не самоистребление. А совершенно противоположное – реализацию того, что заложено в нас Господом.

Ì ÓÆÁÑÒÁÌ Í ÒÈ ÈÑÌ Í ÈÌ ÁÍ ÈÈ ÁÐÀÆÁÁÍ ÑÈÌÁÌ ÁÌ ÈÁÁ

Èτοδομής είναι ο ΑΑΪ απόδοσης η Οαούγίτε Ναισίττε - ίφείτε ίφφάε:έτε, ίφφάε:έσάε 27 ί άγ 2002 άάά ογφάεύά οδάι ú ίδè ίφφύδèά σάδδου η ίαί:είú Èεάφείτá σίφφά ίεάεάδ άίδèφάι εόνφείτá φάάδèάίεγ. Í εάεάδ ίεάφάεφφ çáι είεδφάί ίúι. Οαούγία ίφφά:έεά φάδφάί úά ίφφείφ:ίúά δάίάίεγ è ίεφάε, ίδφφάά άεέδάεφφίά έά:άίεά ίάδάίάφά ίάφφείφφεί άεάφίúδ è έφφά άδè:άφφέφ ίάδάάέε. Í ίά άφφά ίάάφάεάίά δφφφέεφφεί ίδάίφί Í φεάφφάά, έάε φεάφάί á φεάφά Í δάφφάί δά Δφφφέ: «çá ί φεάφφάί è φάι ίφφάάδèάίφφφφύ ίδφφάέάί ίúά ίδè έφφίφείάί έε άφάεάίφφείτá άίεά». Οαούγία - :έάί Í άύάφφάάίφφά φάάφά ΑΕΔΑ è άέδèάίφ çáιεί άάφφφ άέάφφάφδèδάεφφίφ έφφφάεφφίφ φφφφφ.

– Татьяна, прежде всего вопрос, который волнует нас всех: как ваше здоровье?

– Спасибо всем, спасибо врачам. Я хорошо себя чувствую и живу нормальной жизнью. Никаких проблем со здоровьем у меня нет.

После того что произошло, я неделю лечилась в Москве, лежала в Первой градской больнице. Но я очень боялась, что больше не буду видеть. Меня пригласили лечиться в клинику «Тель а-Шомер» в Израиле: там очень хорошие глазные врачи. Конечно, проблема с глазами осталась, но я даже могу водить машину.

– Вам, наверное, очень тяжело вспоминать то, что случилось?

– Я прошла психологические курсы доктора Нарбекова и могу говорить об этом совершенно спокойно.

– Почему в тот момент, когда вы увидели на дороге антисемитский плакат, вы остановились, не проехали мимо?

– Мне часто задают этот вопрос. Знаете, мне кажется, это было настолько естественно! В жизни каждого, наверное, был такой момент, когда понимаешь, что можно было поступить только так, а не иначе, и это правильно – и всё. Просто я считаю, что надо начинать с себя, если хочешь что-то сделать. То, что я вижу здесь, не чужое мне. Ведь я живу в этой стране, езжу по этой дороге.

– И поэтому вы активно занимаетесь общественной и благотворительной деятельностью...

– Знаете, я охотно этим занимаюсь. Я участвую в акции «Спешите делать добро!», организованной ВКРЕ. Я рада, что меня пригласили принять в ней участие. Все те люди, которые жертвовали деньги, тоже ведь начали с себя. Они не прошли мимо, не подумали: «Это случилось не со мной» или «Дай Б-г, чтобы со мной такого не случилось». И деньги, собранные во время акции, получили те, кто действительно очень остро в них нуждался. Я рада, что была возможность им помочь.

– Татьяна, вы очень много говорите о других и совсем ничего не рассказываете о себе. Расскажите о себе, о своей семье...

– У меня очень хорошая большая семья. Мама, дочь, два брата, сестра. Мы очень дружны и всегда поддерживаем друг друга. Я считаю себя абсолютно счастливым человеком. Конечно, я не ожидала, что со мной случится несчастье, не знала, что так будет. Я вовсе не мужественная женщина, как все об этом говорят. Я просто считала, что убрать этот плакат будет правильно. И моя семья меня очень поддержала, очень помогла и сейчас помогает.

– Что вы пожелаете читателям?

– Быть вместе. Все помнят о трагедии, которая недавно случилась в Испании. Помнят и о том, что в этот тяжелый момент множество испанцев вышли на улицы, чтобы быть вместе. Надо быть вместе – только тогда можно победить. *А. Ашраф*

«*יְהוָה - אֱלֹהֵינוּ אֵלֵינוּ, יְהוָה יִשְׁמַח בְּעַמּוֹתָיו אֵלֵינוּ!*»

14 марта в Московском еврейском общинном центре прошел благотворительный концерт «Еврейское искусство против террора». На вечер пришли участники акции «Спешите делать добро!», организованной Всемирным конгрессом русскоязычного еврейства (ВКРЕ) в 2003 году. Российские евреи собрали около миллиона рублей в помощь тем, кто пострадал от террористических актов в России и Израиле. В акции приняли участие более двух тысяч евреев разного общественного положения и материального достатка. Вечер в МЕОЦ посетили и те, кто непосредственно пострадал от рук террористов, в том числе мать погибшего при взрыве возле гостиницы «Националь» студента ИСАА Игоря Акимова и мать Дениса Булгакова, погибшего в теракте в Ессентуках 5 декабря прошлого года. Среди гостей была и член Общественного совета ВКРЕ Татьяна Сапунова, получившая травмы при попытке сорвать заминированный антисемитский плакат, и восемнадцатилетняя Людмила Лакир, тяжело раненная при взрыве в иерусалимском автобусе 11 июня прошлого года.

Раввин Берл Лазар:

«...Каждый задается сегодня вопросом: “Что мне делать?” Сегодня все поняли, что с терроризмом нужно бороться, но что должен делать каждый из нас?..»

Программу вечера открыл заслуженный деятель искусств России Григорий Кантор. Перед собравшимися выступил главный раввин России Берл Лазар.

«К сожалению, мы почти каждую неделю видим новые свидетельства силы террористов, – сказал он, – видим, как эта сила продолжает действовать и понимаем, что эта сила вовсе не собирается сдаваться...Только что мы слышали об ужасном теракте, который произошел в Мадриде. И наверное, каждый задается сегодня вопросом: “Что мне делать?” Сегодня все поняли, что с терроризмом нужно бороться, но что должен делать каждый из нас?..»

«Акция “Спешите делать добро!”, – продолжал раввин Берл Лазар, – это маленький эпизод в нашем противостоянии терроризму, который каждый из нас в отдельности никогда не остановит. Важно не забывать, что террор живет вокруг нас. Не менее важно понимать, что террористы нас никогда не испугают – мы будем продолжать жить обычной повседневной жизнью... Но самое главное – нести добро тем, кто пострадал от уже свершившихся терактов. Покажем, что мы с ними, что мы чувствуем их боль. Пусть каждый из нас сделает что в его силах, чтобы тяжесть их положения хоть немного уменьшилась. Покажем, что мы вместе с ними в их борьбе!

Люди, которые пострадали в терактах, говорят, что в первую неделю, в первый месяц после теракта о них еще думают. Но проходит полгода, год – и о них забывают. Они становятся просто цифрами статистики. Мы должны понять, что эти люди представляют нас всех в борьбе с террором. Когда мы им говорим: “Мы понимаем, что вам слишком тяжело, мы никогда о вас не забудем и сделаем все, чтобы быть рядом с вами”, – это наш вклад в борьбу против террора. Это та сила, которая победит силу террора. Это как раз то, что принесет победу... Это позволит нам уже в ближайшем будущем увидеть, как исчезнет сила террора».

В заключение своего выступления главный раввин России поблагодарил всех, кто участвовал в акции «Спешите делать добро!».

Затем слово было предоставлено послу Государства Израиль Аркади Мил-Ману, который назвал терроризм «величайшей эпидемией XXI века», успевшей коснуться многих точек земного шара. «К сожалению, – сказал он, – не все еще поняли масштаб угрозы, которую представляет собой терроризм. И мы должны бороться с ним сообща. В России, Израиле и США, пожалуй, лучше всего это понимают. К сожалению, теперь это понимают и в Испании».

Ēādī āi Ōīfōāī

Посол Израиля поблагодарил всех, кто принял участие в благотворительной акции «Спешите делать добро!». «Хотим мы этого или нет, – сказал он, – но лишь когда с Государством Израиль будут солидарны собратья по крови во всем мире, мы сможем бороться с террором. И не важно, сколько денег было собрано в результате этой акции, – самое главное, что каждый, решивший их пожертвовать, делает тем самым большое дело. И если Израиль будет сильным государством, то сильной будет чувствовать себя и каждая еврейская община».

Āī ēōdēē Ōāēīī āī.

На вечере также выступили исполнительный директор ФЕОР Валерий Энгель, руководитель московского офиса ВКРЕ Матвей Членов, заслуженный артист России Александр Левенбук, председатель еврейской религиозной общины Тверской области Игорь Эльгард, главный редактор газеты «Еврейское слово» – информационного спонсора акции – Владимир Подольный и другие. Выступление депутата израильского кнессета, члена Общественного совета ВКРЕ Юрия Штерна прозвучало в видеозаписи.

Άεζαεί εδ Ί τάρειυ τίέ.

Затем были показаны хроникальные кадры, посвященные композитору Арону Гурову, убитому арабскими снайперами 25 февраля 2002 года, в день Поста Эстер. Жизнь музыканта оборвалась, когда ему было 45 лет.

Среди почетных гостей вечера была полномочный министр по делам культуры посольства Испании в Москве г-жа Кармен Фонтес, которая поблагодарила собравшихся за слова поддержки народу Испании.

Έειυ Άτòι άί.

Ведущий вечера Григорий Кантор сообщил, что ВКРЕ и ФЕОР стали организаторами Международного фестиваля-конкурса «Золотая Ханукия», в котором приняли участие музыканты из разных

стран мира. Итоги были подведены в декабре минувшего года в Берлине, куда съехались победители конкурса, лауреаты первых премий в различных музыкальных номинациях. «И сегодня, – сказал он, – лауреаты конкурса – музыканты из России решили принять участие в акции ВКРЕ “Спешите делать добро!”».

В программе концерта выступили лауреаты конкурса «Золотая Ханукия» Аркадий Резник, Геннадий Абрамов, Илья Гофман, Светлана и Вероника Аптекарь-Айнагауловы, Дани Фокин, Евгений Валевиц. Особенно запомнилось зрителям выступление молодого пианиста Александра Якобидзе-Гитмана. Незадолго перед концертом Александр сломал правую руку. Но он так хотел выступить на благотворительном вечере, что нашел выход – исполнил «Прелюдию и ноктюрн для левой руки» Скрябина. Всем лауреатам «Золотой Ханукии», участвовавшим в концерте, были вручены памятные подарки и грамоты.

А. Абрамов

דײַ צאָי אַאָוײַ אַ נײַ אַאִי אַאִ י אַאָדאַ אָדאַ

11 марта в синагоге Петербурга собралась почти вся семья Розенбаумов: 85-летний Яков Шмарьевич, его супруга, 75-летняя София Семеновна, и их внучка Анна Чакель. Сын Владимир прийти не смог, а старший, Александр, выступал на сцене. Он дал благотворительный концерт, выручка от которого пойдет на восстановление синагоги.

«Мы давно говорили об этом концерте, – сказал Александр Розенбаум. – Загвоздка была в сроках: я много езжу по стране, выступал в синагогах Днепропетровска, Москвы, а вот в Питере бываю редко. Очень рад выступить перед вами. Единение еврейской общины – это наше общее дело. Евреям, как и всем людям, важно быть вместе».

Александр Розенбаум спел двенадцать песен и ответил на записки из зала. Вопросы были разные: его спрашивали про «борьбу рока против попсы», про отношение к президенту, который «борется с еврейским капиталом», про целесообразность вступления в «Единую Россию» и о многом другом.

«Я могу быть трижды народным артистом, – подчеркнул певец, – но, только будучи членом пропрезидентской партии, я смогу сделать гораздо больше хорошего – не для себя: у меня все в порядке – для всех нас. Но если мне скажут, что эта гитара белая, и я, соблюдая партийную дисциплину, должен буду это признать, то сразу возникнут разногласия, потому что я не дальтоник и вижу, что гитара у меня – черная...»

jewish.ru

Аño ðá: à á ñéí ààãã

По традиции фарбринген открыл главный раввин Донбасса Пинхас Вышецкий. «Сегодня в нашей общине знаменательный день, – сказал он. – Приезд главного раввина Украины – большая честь для нас... Наш гость неоднократно встречался с Ребе, имел с ним продолжительные беседы, общался и заочно, получая от главы нашего поколения исчерпывающие ответы на свои вопросы. Раввин Хайкин имел честь быть посланником Ребе во многих странах мира многие годы. Свою благородную миссию он продолжает и сегодня на посту духовного лидера евреев Украины. Уже одно его присутствие здесь благотворно влияет на еврейский климат, ведет к повышению качественного уровня общин. И именно с раввином Хайкиным мы связываем новый этап в нашем поступательном развитии».

В ответном слове высокий гость поблагодарил за радушие и теплый прием, рассказал о своих впечатлениях от Донецка, поделился мыслями о современной еврейской жизни. «Я завидую тем, кто моложе, кому выпало счастье поднимать из руин еврейскую жизнь, заниматься распространением еврейских знаний, находить отклик в сердцах соплеменников, – сказал он. – Мне бы ваши годы – и я с радостью стал бы одним из вас».

Утро следующего дня раввина Азриела Хайкина началось с молитвы в синагоге. А затем в конференц-зале он имел продолжительную беседу с лидерами еврейских общин четырнадцати городов Донецкой области. Каждый из них рассказывал о своей общине, спрашивал совета, делился планами. Этот неформальный, искренний, заинтересованный разговор пошел всем на пользу.

Â ääðñéîî ðäðð «Âäí Î äí äðäí ».

Встреча главного раввина Украины со студентами ешивы «Томхей Тмимим» лишний раз показала, какие поистине революционные перемены произошли в еврейском самосознании. По словам раввина Хайкина, знания, которые показали студенты, достойны уважения.

Р. Азриел Хайкин посетил также еврейский детский сад «Ган Менахем» и общеобразовательную школу «Ор Менахем». В школе раввин ответил на многочисленные вопросы учащихся, в том числе и о его семейной жизни. Ребята неплохо изучили биографию раввина Хайкина и узнали, в частности, что один его сын – живописец, а другой пошел по стопам отца. Они поинтересовались, что он сказал сыну, решившему стать художником. «Я сказал ему: будь кем хочешь, главное – оставайся хорошим евреем», – ответил раввин. Он побывал также в благотворительном фонде «Хэсэд-Цдока» и выступил перед коллективом его работников.

Кульминацией визита Азриела Хайкина в Донбасс стала его встреча с губернатором Донецкой области Анатолием Близнюком, на которой обсуждались вопросы развития еврейской жизни в Украине и, в частности, в Донецкой области. Азриел Хайкин поблагодарил губернатора за поддержку всех еврейских начинаний и подчеркнул, что очень рад видеть добрые и конструктивные отношения между областной властью и еврейской общиной. Передав губернатору в подарок изображение еврейской святыни – Стены плача, Азриел Хайкин пожелал ему удачи и всяческих благ.

Ï. Âñåíü

Í Î Â Æ Ñ È Í Á Ä Î Ã Ä Å Æ Æ Æ Á Ä Ð Å Ä Å Ó Ô Û

В августе нынешнего года в Уфе начнется строительство новой синагоги. Об этом заявил главный раввин Башкирии Дан Кричевский на состоявшейся 16 марта в агентстве «Башинформ» пресс-конференции с участием руководителей трех традиционных религиозных конфессий республики. Старое здание в советское время было передано Башкирской государственной филармонии, и лишь в 2000 году для религиозной деятельности еврейской общине выделили полуподвальное помещение в центре города. Однако в маленьком молельном зале могут разместиться далеко не все желающие. По уже утвержденному проекту здание новой синагоги будет четырех-этажным. По словам раввина Кричевского, она станет не только местом, где будет совершаться богослужение, но и еврейским центром столицы Башкирии. На площади семь тысяч квадратных метров расположатся молельный зал на триста человек, детский сад, еврейская школа, спортивный комплекс и благотворительная столовая, в которой будут готовить кошерную пищу. Завершить строительство предполагается к началу 2006 года.

Í . Ê ä å å å å å å å

Ä Î Ñ Ñ Ò Ì Í Î Ä Ä Í È Ä Ñ È Í Á Ä Î Ã Ä Å Æ Æ Á Ä Ð Å Ä Å Ó Ô Û

В Оренбурге начался капитальный ремонт здания синагоги, построенной в 1871 году. После закрытия синагоги при коммунистах там располагался железнодорожный архив, и, естественно, планировка и декор помещений за эти годы изменились до неузнаваемости. Спонсором нового проекта по восстановлению здания стал член еврейской общины города бизнесмен Юлий Твердохлеб. Сейчас на его средства ремонтная бригада разбирает перегородки кабинетов, на которые был поделен молельный зал синагоги. Главный раввин Оренбурга Гоел Майерс сказал в беседе с журналистами: «Когда рабочие сняли пол, под ним обнаружился хорошо сохранившийся мраморный пол старой синагоги, а когда со стен сняли старый цемент и штукатурку, мы увидели красивые окна традиционной для синагог полукруглой формы».

Ý . Ô è ò ì à í

Í Á Ð Å Ä Æ Á Ä Ð Ì È Ö Å Ä Í Î Ä Î Ã Ä Å Æ Æ Á Ä Ð Å Ä Å Ó Ô Û

В еврейской общине Астрахани впервые за много лет прошло празднование бар-мицвы. Самый старый член общины, которому недавно исполнилось 94 года, не помнит, когда последний раз евреи города отмечали совершеннолетие. Виновник торжества, новоиспеченный совершеннолетний еврей Радион Рафаилов задолго до своего дня рождения начал занятия традицией с раввином города Шлоймо-Залманом Гольденбергом. Отец Радиона, Нисон Рафаилов, активно поддерживает еврейскую общину и в день бар-мицвы своего младшего сына пожертвовал на ее нужды солидную сумму. После молитвы и торжественного поднятия к Торе Радион и все присутствующие на празднике были осыпаны градом кошерных конфет, которые родственники специально для этого случая прислали из Израиля; затем была устроена праздничная трапеза. Отца и сына поздравляли раввин и председатель общины, друзья и родственники.

Ø . Ç à è ì à í

COBÎ EÒÀÈÛŃOĂÎ ÑÈÍÀĂÎĂÈ ÈĂĂÒ Î ÎËÎ ÛÎ ÔÎĂÎÎ

ŃòðòèòàèÛŃòĂÎ òàààðòàñèîĂÎ ààðàèñèîĂÎ èèèòòòîî-ðàèèèèîîĂÎ òàîòòà èààò ïîèÛîî òîĂîî. Áîòòè ðààòòò òàà ï îîĂ, à àîò ïàðòèèàÿ îòààèèà òèà àèèèè è èààòòàèèè. ŃòðÛÛàÿÛÛ ñèíààñ àèèè-àî à à ñèèèè ïîòòÛÛÛîòò ïààèèòà ïñàîĂ àèè àèèÿ àààòòàòòòà òàààðòàñèîĂ èðàÿ Àèèèòòà Èèèèè. Î òîî, èàè èààò ñòðòèòèòàèÛŃòĂÎ, ðàññèàèèèèè ààòòàèÛŃîè ïîòòÛà-èè, àèðàèèòò ñòðòèòèòàèÛŃîè èè ïàèèè «Đîî» Àèèèè èò Î èèèèèèèè.

«Общая площадь здания составляет 1600 кв.м, – рассказывает Владимир Владимирович. – Сейчас идет работа по сооружению главного купола, проводится утепление, заканчивается наружная отделка, устанавливаются окна. Конечно, в процессе работы возникает множество вопросов, ведь мы впервые ведем такое строительство. Накрыть купола и положить кровлю непременно нужно до начала таяния снега».

Осмотрев здание снаружи, мы заходим внутрь. По эскизам, которые изготовила мастерская «Архитектор», можно представить, как здесь будет красиво, когда все это станет реальностью. Пока же ничто не указывает на будущее благолепие: строители штукатурят стены, носят ведра с раствором, устанавливают леса, – словом, идет обычный рабочий день.

«По плану здесь будет размещаться столовая, – продолжает Владимир Никлонский. – А вот кухня – она в помещении под миквой. Видите, уже положен кафель, как и полагается в пищеблоке».

По лестнице поднимаемся на второй этаж. Там тоже кипит работа.

«А вот здесь будут проходить собрания и встречи, – продолжает вести экскурсию Никлонский. – К сожалению, площадь будущего центра не так велика, как хотелось бы, но помещения, которые обязательно должны быть предусмотрены, будут построены. Вот, например, офис для переговоров».

Мы проходим в следующий зал, минуя еще две небольшие комнаты, где, как сказал Владимир Владимирович, расположатся компьютерный класс и небольшой спортивный зал с тренажерами. Сейчас в здании центра практически закончены электромонтажные работы, на 80 % смонтирована вентиляционная система, ведутся сантехнические и канализационные работы, подходит к завершению внутренняя черновая отделка. Ежедневно на объекте работает около ста человек – до сдачи центра времени осталось не так уж много, учитывая тот объем работ, который еще предстоит сделать. В будущем молельном зале штукатуры ведут отделку. Внизу, как и полагается, будут молиться мужчины, а женщины расположатся на верхнем ярусе, за специальным стеклом.

Здание будет сдано в октябре, ко Дню рождения края, – это уже ни у кого не вызывает сомнения. Но работы по отделке скорее всего продолжатся и после этого.

Строительная компания «Русь» работает в городе уже более 12 лет. Среди законченных объектов – здание «Хабаровскэнерго», «деловой центр» администрации края, жилые дома и магазины, торгово-выставочный комплекс.

Строительство еврейского культурно-религиозного центра привлекает к себе особенно пристальное внимание всего города. Появление в Хабаровске синагоги воспринимается как крупное событие, ведь это красивое здание не только придаст городу новый колорит, но и в значительной мере станет культурным центром городской жизни.

Á. Àèî àí

СЕБЯ БЕЗ РОССИИ

*17 יאדוֹא אַ באַאדלענען אַיאַ ידאָסן מןפּוֹלענען אַיאַדן ייאַ-עֶזֶרענען מַאָס אַ
פּוֹדלענען אַדלענען עֶזֶרענען דאַענען יאַוּעֶנען אַיאַדן יאַ אַדוֹא-אַ יןפּוֹלענען יוֹיִס
מַאָסען, ידענען אַיאַעֶ אַיאַיִע דאַענען אַיאַדלענען עֶזֶרענען בַּעִיָא נִיאֶעֶיָא ידאָסן אַעֶ אַיאַדלענען
אַדלענען יאַוּעֶנען «יֶעֶדוֹא» יֶאֶד אַדלענען, -עֶיִעֶ-עֶדוֹא ייאַיִס אַדלענען אַעֶ אַיאַיִע עֶ יאַעֶ,
אַדלענען עֶיִעֶ אַעֶ יעֶיִיעֶ-אַעֶ עֶיִעֶ אַיאַיִע יאַעֶ יֶעֶיִעֶ, צֶיִי אַדלענען ידאָסן אַעֶ
ידאָסן אַעֶ אַיאַדלענען עֶזֶרענען אַעֶ אַיאַיִע אַדלענען ידאָסן מַעֶ אַעֶ אַעֶ
אַיאַיִע עֶ יֶיאַ אַדלענען עֶ אַיאַיִע יאַ יאַ אַיאַיִע עֶ אַעֶ אַיאַיִע אַיאַיִע*

Раввин Яков Снетков рассказал о будущем общинном центре, представив вниманию собравшихся макет здания и эскизы внутренних помещений: молитвенного зала, культурного центра, ресторана кошерной еврейской кухни и миквы. Александр Левинталь от имени правительства края выразил поддержку этому начинанию, отметив при этом, что созданием финансовой базы должны будут заняться члены попечительского совета строящегося общинного центра. После этого был избран попечительский совет, в который вошли семь человек.

Один из них, генеральный директор строительно-монтажной фирмы «Спецгазстрой», заслуженный строитель России Михаил Прилуцкий, всегда очень занят, однако он сумел найти время, чтобы приехать на первое заседание попечительского совета.

– Михаил Леонидович, прежде всего позвольте поблагодарить вас за помощь, которую вы оказываете в строительстве центра, ведь все сантехнические работы ведет именно ваша фирма. Кроме того, менора, которая установлена возле будущей синагоги, тоже изготовлена в ваших мастерских...

– Да, это так. Менора – украшение сквера на Уссурийском бульваре, неподалеку от строящейся синагоги.

– Вы как-то упоминали, что родились в Биробиджане.

– Даже не в Биробиджане, а, если так можно выразиться, в самом еврейском месте Еврейской автономной области – селе Валдгейм. Село расположено возле Биробиджана, там был первый еврейский колхоз на Дальнем Востоке. Назывался он «Заветы Ильича». Родители мои – переселенцы. Отца привезли сюда в 1935 году с Украины, из Винницкой области, совсем ребенком. А у мамы родители погибли в войну, и она попала в Крым, а уже оттуда после войны часть евреев переселялась на Дальний Восток. С ними она и приехала сюда.

Отцу хоть и было всего семь лет, когда он с семьей приехал на Дальний Восток, но он хорошо помнил, с какими трудностями столкнулись переселенцы. Ведь все приехали с семьями, а условий для людей не было никаких. Отец много рассказывал о своей жизни в колхозе «Заветы Ильича», о том, как тяжело было в войну: взрослые мужчины на фронте, и вся работа легла на плечи женщин и подростков. В 14 лет отец уже был бригадиром тракторной бригады.

Потом родители переехали в Биробиджан. Это был типичный еврейский городок, я с удовольствием его вспоминаю и с большой радостью приезжаю туда до сих пор. Сама атмосфера там была особая. Сидели на лавочках бабушки-еврейки, они иной раз разговаривали по-русски, но их еврейский акцент был неистребим, это я даже сейчас помню. Почти все в городе друг друга знали, здоровались при встрече, дружили домами. Но когда я учился, еврейских школ в городе уже не было, вообще ничего еврейского – ни театра, ни института. И о том, что это еврейский город, говорило, по существу, лишь название автономии. Многие просто боялись назвать себя евреями.

– И вы уехали учиться в Хабаровск?

– Да, я поступил в политехнический институт, и с этого времени вся моя жизнь была связана с Хабаровском. Но, поскольку здесь довольно много евреев-биробиджанцев, которые тоже приехали сюда учиться, а потом остались работать, у нас образовалось свое землячество, маленькая биробиджанская община. Мы с друзьями Наумом Адассом, Александром Аршанским, Львом Полищуком, Семеном Лавочкиным и многими другими встречаемся по пятницам в одном из клубов города.

– Когда вы возглавили «Спецгазстрой»?

– После института я, как полагалось в то время, отслужил в армии, а в 1975 году пришел в эту организацию и вот уже более 28 лет в ней работаю. Вначале работал мастером, потом меня перевели руководителем сварочно-строительной лаборатории, затем я стал начальником производственного отдела, в 1977 году – главным инженером, а еще через год – начальником управления. Тогда начальников назначали, но впоследствии, когда произошла приватизация предприятия, коллектив оставил меня в этой должности. Так что я уже 22 года возглавляю «Спецгазстрой».

– Соблюдались ли в вашей семье еврейские традиции?

– Еврейского воспитания я, к сожалению, не получил. В то время возможность соблюдать наши законы была не у каждого, хотя, конечно, и тогда были люди, которые умели жить по вере. Моя мама не знала еврейского языка, но бабушка строго соблюдала все обычаи. У нее было настоящее еврейское воспитание. К сожалению, нам мало довелось пожить вместе. Сейчас повсеместно можно наблюдать возрождение еврейских традиций. Я этому очень рад и жалею только, что мои родители не дожили до нашего времени.

– Ваши родные живут сейчас в Израиле?

– Да, моя сестра живет в Израиле уже 12 лет. Я езжу туда довольно часто – раз в два года обязательно. А когда первый раз ступил на Землю обетованную, знаете, о чем я подумал? Не зря эта страна была предназначена для евреев. Все там говорит именно об этом. И я рад за тех, кто живет там. Но сам не мыслю себя без России и без Хабаровска. Поэтому я здесь.

Y. Oèèi àí

ПОБЕДИТЕЛИ ОЛИМПИАДЫ

Ученики еврейской школы «Ор Авнер» Петербурга заняли первое место в театральной олимпиаде, проходившей в двадцати школах города. Под руководством директора школы Сары Певзнер ребята представили театральную постановку на тему «Жизнь еврейской семьи в гетто» о жизни людей, которым удалось выжить в условиях фашистской оккупации. В заключительном слове судей было сказано что «одержавший победу спектакль достоин выхода на большую сцену. Он сможет донести до зрителя осознание идей толерантности и неприятие расовой дискриминации».

Y. Oeoi ai

ÈÁÐÀÁÎ Á ÔÓÒÁÎË

29 марта в Анапе торжественно открыли стадион для мини-футбола. Член еврейской общины Борис Невкипелов пожертвовал под него собственный огород размером в тысячу квадратных метров. За воротами установлена девятиметровая сетка, а по периметру размещены мощные прожекторы, позволяющие играть ночью. Еврейский лидер города Иосиф Рогельберг отметил, что в строительстве стадиона участвовала вся община. По мнению владельцев стадиона, затраты окупятся в первый же курортный сезон, начинающийся в мае. На стадионе уже прошел матч по мини-футболу между командами еврейской и армянской общин.

N. Èááïæñáÿ

ÈÇ «ÈÑÒÎ ÐÈÈ ÁÂÐÁÁÁ ÔÐÀËÁ»

В еврейскую гимназию «Ор Авнер» поступила благодарность из отдела районного образования Кировского района Екатеринбурга преподавателю истории Ольге Черниховской – руководителю в подготовке реферата по теме «История евреев Урала» ученицей 9 класса Евгенией Бабич. Реферат занял третье место на конкурсе. Автор приводит в своей работе неизвестные факты из истории поселения и жизни евреев на Урале, насчитывающей уже 280 лет. Оказывается, в XIX и начале XX веков еврейская община в Екатеринбурге была уже довольно активной и сплоченной. В городе действовали две синагоги, которые посещали люди разных профессий – доктора, фармацевты, артисты.

Y. Oeoi ai

ÂÛÕÎÄËÀ ÂÂÎÄÀËÎÂ

В ночь на 29 марта были разбиты камнями два из трех окон единственного в Петербурге еврейского кошерного ресторана «Шолом». В обращении, подписанном главным раввином города Менахемом-Мендлом Певзнером и председателем еврейской общины Марком Грубаргом, выражается глубокая обеспокоенность случившимся.

ÂÂÎ

ΑΑΟΑΔΑΪ ΔΙΝΝΕΕΝΕΙΕ ΕΙΝΙ ΙΙΑΟΕΕΕ

***Αϊαθί ηέτι αάαεηέτι ίαυέίίίί οάιόδα «Οάααά Εραάαε- Ιθ-Αάίαδ» αϊου οϊθιεαυ
οδαάεοεγ: εαεαφ ηαάιόο ίίηα ί ίεεοάι αϊ αάι υ οδαίαυ ίοι α-αφò αϊε θραάίεγ, ε αείίαίεε
οίθεαίόαα δαίηεαυααφò ί ηαά***

Когда он пришел, я посмотрел на часы и поразился его точности. Пунктуальный, аккуратный, подтянутый, выглядит намного моложе своих лет. Зовут его Иосиф Лазаревич Гельштейн.

Всю жизнь Гельштейн работал в космической промышленности. Считает себя молодым пенсионером, потому что два последних года не работает. А ему ведь уже 75 лет!

В чем секрет его жизненной энергии? Особых секретов нет, все от природы, к тому же – хорошие гены: прадед и дед прожили более 90 лет, а отец – почти 90.

Всегда много работал, вел активный образ жизни: в студенческие годы занимался штангой, боксом, потом бегал кроссы, до семидесяти ходил на лыжах. Доброжелателен, никому никогда не завидовал и не делал зла.

Родился Иосиф Лазаревич в Сибири, в городе Ачинске, что, согласитесь, для еврея нетипично. Почему в Сибири? А это уже отдельная история. Его прадед, Григорий Гельштейн, член еврейской организации «Бунд», за участие в теракте и убийство офицера в 1880 году был сослан на вечное поселение в Сибирь. Первую зиму жил в землянке, потом начал строить дом. К нему приехала жена Бейла. Человек он был сильный – говорят, подковы разгибал. Занимался разведением и продажей лошадей. В Сибири вырос и дедушка, Абрам Григорьевич. Он работал бригадиром в колхозе, членами которого были только евреи. В поисках лучшей доли семья переехала в Ачинск. Отец, Лазарь Абрамович, был строителем элеваторов; по роду его работы семья каждые два года приходилось переезжать. Последним местом жительства перед войной был Барнаул.

В день начала войны 13-летний Иосиф беззаботно отдыхал в пионерском лагере. Отец ушел на фронт в августе 1942 года добровольцем. Войну Иосиф Лазаревич помнит хорошо, особенно тот день, когда соседка сообщила ужасную новость: погиб отец. Он очень переживал. Даже сейчас, рассказывая это, волнуется так, как будто это было вчера. Желая уберечь мать, которая кормила грудью маленькую сестренку, он ничего ей не рассказал и хранил эту страшную тайну. В семье тогда было уже трое детей, он – старший. Чтобы помочь матери, бросил школу и в четырнадцать лет пошел работать на оборонный завод, где на револьверном станке делал гильзы для запалов гранат. А через полгода свершилось чудо: от отца пришло письмо. Тяжело раненный в шею, он был на волоске от смерти, лежал в госпитале и не мог писать. Едва оправившись от ран, снова воевал. К счастью, остался жив и в 1945 году с боевыми наградами вернулся домой.

После войны министерство заготовок направило отца на Украину, где он стал директором элеватора. В те годы мальчишки мечтали о небе, летчики были в большом почете, а Иосиф хотел конструировать самолеты. Поэтому после окончания школы в 1948 году он поехал в Харьков. Несмотря на большой конкурс поступил в авиационный институт. Учеба давалась легко, учился хорошо, без проблем переходил с курса на курс, и впереди уже «маячил» диплом с отличием, но наступил печально известный 1953 год.

Этот год чуть не перечеркнул всю его жизнь. Иосифа Гельштейна, студента 5-го курса, кандидата в члены КПСС, вызвали в партком и показали письмо, где было сказано, что его отец и дед были кулаками, а он скрыл грязное прошлое своей семьи от партийного комитета и от администрации института. Решение партийного собрания по персональному делу Гельштейна прозвучало, как выстрел: «Из партии исключить!» Это означало исключение из оборонного института.

Он долго не мог прийти в себя, махнул на все рукой, перестал ходить на занятия. Потом решил бороться, предоставил документы и попытался доказать, что письмо клеветническое. В обкоме оказался честный, порядочный человек, который внимательно изучил документы, помог восстановить справедливость и даже предложил снова вступить в партию. Все закончилось вроде бы хорошо: окончил институт, получил «красный» диплом. Однако после этого случая в партию решил не вступать.

У отличников была привилегия: при распределении им предоставлялось право выбора места работы. Он мог бы поехать в теплое Запорожье, но выбрал Пермь – тогда еще город Молотов – только потому, что на большом современном заводе имени Сталина была интересная для него работа: здесь создавали ракетные двигатели для космических кораблей. Молодой грамотный инженер быстро поднимался по служебной лестнице: мастер, старший мастер, зам. начальника цеха, а в 30 лет он стал начальником цеха, в котором работало более тысячи человек. Несколько лет был единственным на заводе беспартийным начальником, но в то время в каждом цехе большую роль играло партийное бюро, поэтому в партию пришлось вступить – так сказать, в связи с производственной необходимостью.

Работа на оборонном заводе приносила удовлетворение. А успешное продвижение по службе – уверенность в себе и в том, что здесь ценят за ум, знания и деловые качества, а национальность значения не имеет.

О том же говорят и многочисленные награды. Самая дорогая из них – медаль за создание и отработку двигателя первой ступени ракеты «Протон», которая на сегодняшний день является самой мощной и надежной. Этой работе было отдано 37 лет жизни, за нее же в 1999 году ему была присуждена Государственная премия.

За работу по производству ракетных двигателей в 1969 и 1980 годах Иосиф Гельштейн награжден орденами «Знак почета». В 1970 году он представлял пермский ракетный двигатель в Москве на ВДНХ и получил серебряную медаль. Федерацией космонавтики России он был награжден медалями «За непосредственное участие в освоении космического пространства», «Первый в мире искусственный спутник земли», «25 лет полета человека в космос», «За заслуги перед отечественной космонавтикой», медалью им. К.Э. Циолковского.

Иосиф Лазаревич неоднократно участвовал в запусках космических кораблей с космодрома «Байконур» и имеет почетное звание «Ветеран космоса». В 1967 году приказом министра авиационной промышленности он был назначен на очень ответственную должность – главного контролера ракетного производства.

Ну а как же все-таки пресловутая «пятая графа»? Лет через десять кандидатура Гельштейна была представлена на более высокую должность – заместителя главного инженера завода. После обсуждения и одобрения в коллективе и в парткоме документы были отосланы в Москву, в министерство, но ответ оттуда пришел неожиданный: «А что, у вас там русских не хватает?»

Более 48 лет он отдал ракетостроению и за это время ни разу не сменил места работы, менялись только должности. За год до завершения служебной карьеры, в 2001 году, он получил свою самую престижную награду – почетное звание и знак «Ветеран космонавтики России». Несмотря на возраст Иосиф Лазаревич много читает, увлекается художественной и научно-популярной литературой, особенно по физике, его занимает теория относительности. А еще он, оказывается, любит и умеет хорошо готовить – особенно ему удаются плов и жареная картошка...

Дорогой Иосиф Лазаревич, мы от души поздравляем Вас с днем рождения, желаем здоровья Вам и Вашей семье! Мы гордимся Вами!

А. Аарей

ЕЖЕДНЕВНАЯ ЗАБОТА О ВЕЧНОМ ПОКОЕ

*26 יאדוֹא צאָאָדוֹאָיאַ אַעֶאָאָיִיף ייִ-זֶע אַװ עִיאַיִוֹאדֶעֶצֶאָעֶיַ יוֹאָדֶעֶאָיִי אֶעֶיאַאָדֶיִיאַ
יאָדֶעֶיִיאַ עֶאָאָעֶיאַ וֹאָעֶיאַ וֹאָ, עֶאָע אַיִי יֶאָצִיאַאָבֹ - וֹאָעֶיִיִיאַ. יִעֶיִיאַ עֶאָעֶאָיִי יִאָעֶעֶ, וֹיִ-יִי
וֹיֹאָיִיאַעֶיאַיִי, -יִי יִיאַ, יִיאָעֶיאַ וֹיִ עֶיִי אַיִיֹו יֶאָיִיאַ יֹוֹיִעֶיאַ*

«Эта информация теперь доступна любому, – сказал Роман Бенстман из ташкентского представительства “Хабад Любавич”. – Она выставлена на сайте jewish.uz. Мы готовы оказать помощь всем репатрировавшимся и эмигрировавшим из Узбекистана евреям, кто обратится с просьбой привести в порядок дорогую сердцу могилу. Расстояние не помеха. Увидеть сделанную работу и оплатить ее можно и по Интернету».

Кладбище расположено на бывшей окраине узбекской столицы. Сегодня тут густонаселенный жилой район. Неподалеку – крупнейший в Средней Азии текстильный комбинат. Отсюда и название кладбища. Формально оно находится на балансе мэрии Ташкента. Но в том-то и дело, что формально. От еврейской общины за кладбищем присматривает Лариса Мишина. Прежде она помогала матери, которая следила за порядком более полувека, последние семь лет справляется сама. Идем по чистым, ухоженным дорожкам Текстильного, вокруг цветут жасмин, крокусы, японская айва. Высокий забор, поставленный недавно, оберегает от уличного шума строгую тишину места последнего упокоения.

Увы, захоронений, забытых родственниками, здесь немало. Зачастую и рады бы близкие навеститься, привести могилку в порядок, да нет возможности. За последние десять-пятнадцать лет снимались семьями, перебирались в Израиль, Америку, Европу. Редко у кого есть возможность хоть изредка прилетать за многие тысячи километров на «малую родину». Мир, однако, не без добрых людей. На помощь, сохраняя верность еврейским традициям и обычаям, пришли глава еврейской общины Ташкента Владимир Шапиро, один из руководителей совместного узбекско-израильского предприятия «Туфон» Ефим Пифлакс, предприниматель Владимир Гальперин, директор малого предприятия Яков Синаль. Кто-то выручил песком, цементом, другой завез бетон, третий – камень, четвертый перечислил на банковский счет приличную сумму. А все вместе сделали большое и нужное дело: привели кладбище в порядок и поддерживают его как подобает.

Изрядную сумму выделила Федерация еврейских общин СНГ во главе с Леви Леваевым. «Мы крайне признательны за этот вклад», – сказал главный раввин Центральной Азии Абе-Довид Гуревич. По его словам, именно помощь из Москвы сделала доступной для еврейской общественности всю информацию о кладбище, позволяет содержать смотрителей, оперативно решать возникающие вопросы по ремонту памятников и обустройству могил.

Но есть и проблемы. Старое еврейское Текстильное кладбище для погребений закрыто. Хоронят за кольцевой дорогой, в двадцати километрах от Ташкента, на Ахангаранском кладбище. Здесь для иудеев выделены два участка. «Беда в том, – говорит Гуревич, – что люди никак не могут отучиться от приобретенных при советской власти привычек: некоторые провожают в последний путь близких, минуя синагогу. Отсюда один шаг до страшной ошибки, которая на иудейском кладбище с опытными смотрителями была бы просто невозможна».

Ждут заботы и другие еврейские кладбища Ташкента – Боткинское, Домрабад. До них, однако, руки пока не доходят – туго с финансами. Но, считает раввин Гуревич, Б-г даст, и там будет все так, как завещано предками и верой.

А. Аади ай

ПОГРОМ НА КЛАДБИЩЕ В КАЛУГЕ

31 i adòà àí àòíðñé ìíéíàéíà àíÿ à Èàéòàà íà ààðéíéíì èèàààéíà àíé ìáàðòàí àéò ààí ààéèçì à - ìíàéàíí è èçòðíàíààíí 18 íàí ÿòí èéíà ìíéààðí àíí àíà í àíéíéúéí í íàé.

Как сказал АЕН председатель общины Владимир Фельдман, данный акт вандализма может быть напрямую связан с приближающимся еврейским праздником Пейсах. Председатель общины с горечью отметил, что на калужской земле все еще есть место проявлениям национализма и религиозной нетерпимости. Владимир Фельдман выразил искреннее сочувствие тем членам общины, могилы родственников которых подверглись вандализму.

По факту погрома на еврейском кладбище были направлены заявления начальнику УВД Калужской области и начальнику областного УФСБ. Утром 1 апреля на место происшествия прибыла оперативная бригада милиции, были составлены протоколы.

В известность поставлен губернатор Калужской области А. Артамонов.

Еврейская община Калуги надеется, что виновные будут найдены и понесут справедливое наказание.

È. Í àéààí

ХУЛИГАНСКАЯ ВЫХОДКА ИЛИ АКТ АНТИСЕМИТИЗМА?

Ñéíàààí íààííéé ààðéíéé ðàéçàíçíéé íàúéíú Òàààà «Òíí ðàé Òààíí» ìíààðéààíí í àí ààéèçì í àéçàíðí úà

Было разбито несколько окон на фасаде здания. Конечно, материальный ущерб причинен незначительный и, к счастью, никто не пострадал, однако совпадение по времени инцидента с угрозами хамасовцев отомстить евреям всего мира за гибель лидера шейха Ахмеда Ясина не позволило одесским евреям отнестись к этому событию как к просто хулиганской выходке. Возможно, считают в Одессе, таким образом экстремистские элементы пытаются прощупать надежность охраны еврейских объектов, чтобы найти наиболее уязвимое место для следующих атак, которые, не дай Б-г, могут оказаться куда более серьезными, чем битье окон в синагоге. Поэтому еврейская община Одессы надеется, что правоохранительные органы всерьез отнесутся к расследованию происшествия.

«Мы обсудили инцидент с сотрудниками Одесского управления службы безопасности Украины, – заявил главный раввин Одессы и Юга Украины Авроом Вольф. – Они выразили понимание нашей озабоченности и пообещали принять самые решительные меры для обеспечения спокойной жизни евреев Одессы и всей Украины».

Û. Æ. Àééíààð

ἈΔΑΪ ἘΛΟΒΙΝ ΝΕΪΑΪ ἌΑ - Ἰ ἈΔΑΪ ἘΛΟΒΙ ἘΛ ἈΔΑΪ ἈΪ Ἐ ΝΟἈἈ

Ἐσσεῖ ἡεεε δαεῖῖ Ἀσδαῖεεεαῖα - ἰαῖῖ ες ἡαῖ ὑῶ αεεῖῖεῖῖ ὑῶ ἰ αῖῶ ἁ δαῖῖεεεεεα - δαῖῖῖεῖῖεαῖ ἰα ἡαῖα δαῖῖῖῖ. Ἀῖ εῖῖῖδῖεῖ ἰδῖεεεεεεε ἡαῖῶ ἰα ἰ ἰῖῖεα ἡαῖῖῖεῖ ἡαῖῖεῖ ἁῖεε ὀαῖ ἰαδῖῖῖῖῖῖεε, εῖῖῖῖῖῖ ἰαῖῖῖῖῖῖῖῖ Ἐσσεῖ ἡεεεε δαεῖῖ. Ὀαῖ δαῖῖῖεῖῖεαῖ ἁ Ἐδῖῖῖῖ ἡεῖῖῖῖῖ, ἡαῖῖῖῖ ἰαῖ ἡ ἰῖῖῖῖῖε εῖῖῖῖεεε ἁδῖῖῖῖ ἁ ὀδῖῖῖῖῖῖῖῖ ἰαδῖῖῖῖ - ἁδῖῖῖῖῖ ἡαῖῖῖῖ, ἁῖ ἡῖῖῖῖ ἁῖῖῖῖῖῖ ἁεεεε ἁ δαῖῖῖῖεεεα δαεῖῖῖῖ.

История Слободы начинается с 1722 года, когда евреи получили право селиться в этих местах. В 1758 году после смерти Хусейна Али Хана правление Кубинским ханством, которое находилось тогда в составе России, перешло в руки его сына, Фатали Хана. Куба была крепостью стратегического значения, ее часто называли «гала», что означало просто «крепость». Еврейская Слобода находилась на пересечении караванных путей и имела важное значение. Там сформировались значительные поселения евреев, поскольку Кубинский Хан обещал еврейским старейшинам и религиозным деятелям разнообразную помощь.

Во времена Фатали Хана горские евреи занимались производством сельхозпродукции, выращиванием новых сортов сельскохозяйственных культур, запасались хлебом на год, до будущего урожая, были развиты также многие ремесла. Словом, были созданы условия для основательной оседлой жизни.

За счет пожертвований горских евреев в Слободе было построено 13 синагог. Многие жители получили религиозное образование. Имена некоторых из них навсегда останутся в памяти горско-еврейского народа. Раввины Беньямин Иосиф, Исхаг Бенрабби Гуршум, Гуршум Бен Рабби Исхаг, Шугми Бен Шамаил Баджи, Нувах Авраам, Савгил Рувинов, Ифиел Ошир внесли большой вклад в развитие иудаизма на Кавказе, стремясь донести слово Торы до каждого еврея. Шестикупольная синагога была построена в 1890 году и стала центром религиозного образования.

В середине 20-х годов прошлого века в Слободе появились новые источники занятости населения: организовывались коллективные хозяйства; позже появились мебельная фабрика, ковровый цех, средняя школа, медицинские учреждения, дома культуры.

После падения советского строя и последовавшего затем продолжительного кризиса в Слободе было разрешено изучение иврита, открыт класс по изучению еврейских традиций. Председателем религиозной общины горских евреев в Красной Слободе стал Борис Юсифович Симандуев. Жители поселка избирают его на эту почетную должность уже в третий раз. Его организаторские способности вывели общину горских евреев Красной Слободы на новый качественный уровень: община стала известна не только в СНГ, но и за ее пределами. Ее стали посещать зарубежные делегации, деятели науки и культуры. Горские евреи живут своим трудом, высоко ценят честность и порядочность. Верность традициям и учению, которое завещал Моисей, сделало жизнь Красной Слободы духовно богатой и красивой.

Ἰ. Ὀαῖ εεεεε

СЕССИЯ ЗАВЕРШИЛАСЬ. СКОРО ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЭКЗАМЕНЫ

А יאעאוי אדראי יי עיפווערודא XXI יאה (אאדערע יי איעאדעווא) צאנדעעאני יאדא יא א יי עיפווער יאדע.

Об ее итогах рассказал проректор института раввин Юда Бронфман.

В целом итоги сессии положительные. Особенно если принять во внимание высокие образовательные стандарты и напряженность учебного процесса. К сожалению, некоторые студенты были отчислены за академическую неуспеваемость, однако большинство успешно сдали все экзамены.

В качестве поощрения студенты, отлично или хорошо сдавшие сессию – а таких было 25 человек, – посмотрели спектакль Театра на Малой Бронной «Жида города Питера» по пьесе А. и Б. Стругацких. А через несколько дней преподаватели со студентами поехали играть в пейнтбол.

Институт еще совсем молодой, но уже пытается соответствовать высоким образовательным требованиям, и это получается. Растет инициативность студентов – постепенно они становятся коллективом. Мы постоянно вводим новые направления обучения и новые специальности. Так, в следующем учебном году к списку уже имеющихся специальностей добавятся юриспруденция и психология.

Совместно с дирекцией культурных программ МЕОЦ организованы подготовительные курсы для желающих поступить в институт. Эти курсы были созданы для того, чтобы повысить общий уровень абитуриентов. На них ведут занятия преподаватели из нашего института и из МЕОЦ.

И еще. Стоит обратить внимание на то, что вступительные экзамены проходят у нас три раза: в июне, июле и августе.

«БЕЯХАД» – ЭТО ЗНАЧИТ «ВМЕСТЕ»

17 марта в Днепропетровске состоялась презентация новой образовательной программы «Бяхад», направленной на совершенствование учебного процесса в еврейских школах стран СНГ. Программа реализуется днепропетровским женским педагогическим колледжем «Бет Хана» совместно с Федерацией еврейских общин Украины при поддержке израильского фонда Л.А. Пинкуса для еврейского образования в диаспоре.

У программы «Бяхад» два направления: повышение квалификации и заочное высшее образование. Она обобщает как зарубежный, так и отечественный педагогический опыт. Организаторы программы рассчитывают, что она сможет улучшить качество преподавания в школах с еврейским этнокультурным компонентом. Кроме того, программа привлечет внимание не только преподавателей общеобразовательных школ, но и тех, кто ведет занятия на всевозможных воскресных курсах, в народных университетах, лекториях. «Бяхад» уже сейчас вызвала огромный интерес у всех, кто по роду своей деятельности связан с еврейским образованием. В программе принимают участие около ста человек, и с каждым днем число участников растет.

На торжественную презентацию программы съехались гости не только из многих городов СНГ, но и со всего мира. Актный зал колледжа «Бет Хана» был переполнен. Президент колледжа, председатель Совета Федерации еврейских общин Украины Меир Стамблер, председатель днепропетровской еврейской общины Григорий Король, глава еврейского агентства «Сохнут» в Украине и Молдове Алекс Кац, заведующая отделом областного Института последипломного образования Елена Козловская отмечали в своих выступлениях, что повышение уровня еврейского образования особенно необходимо в странах СНГ, где выросли поколения евреев, очень мало знающих о своих традициях и культуре.

Главный куратор учебных заведений, поддерживаемых фондом «Ор Авнер», доктор Рувен Мамо, призвал участников проекта не останавливаться на достигнутом, а продолжать совершенствовать свои педагогические знания.

В завершение программы презентации координатор фонда Пинкуса по образовательным программам Лайонелл Линк отметил, что согласно традиции изучение Торы равноценно всем остальным заповедям. «Причем, эта заповедь выполняется не только когда человек сам учит Тору, – добавил он, – но и когда обучает Торе других. Поэтому я поздравляю и колледж «Бет Хана», и участников нового проекта с выходом на совершенно новый уровень выполнения этой важнейшей заповеди».

А. Гейланд

נָאֵוִי עֵוִי בְּאֵב אָוֹאֵ

У детей 3 класса школы «Ор Авнер» Калининграда замечательное приобретение! Теперь у них есть буква в Книге Жизни – еврейской Торе.

Ребята знают: Святая земля находится в центре мира, а ее сердце – в Иерусалиме. В этом святом городе, недалеко от Храмовой горы, есть дом. Там сидит сойфер, переписчик Торы, и выводит на пергаменте таинственные буквы. Каждая из букв является частью кода, на основе которого Всевышний строит мир. Эти буквы и души евреев связаны. Иногда эта связь ясно видна, иногда ее нужно расшифровать. Если соединить между собой еврейские буквы, то и души евреев станут ближе, их единства никто не сможет разрушить. Более миллиона еврейских детей уже приобрели «свою» букву в Свитке Торы, который по указанию Любавичского Ребе пишется для девочек до 12 лет и мальчиков до 13 лет, живущих в разных концах земного шара.

Каждый школьник получил удостоверение, где указано, в какой главе Торы находится именно его буква. Удостоверение формата настенного календаря выполнено на мелованной бумаге, богато иллюстрировано; на нем написано имя ребенка – «покупателя», а также название главы, в которой он «купил» себе букву.

В верхнем правом углу видна западная стена Храма, который будет отстроен, когда Мошиах, глава евреев и всех народов, живущих на земле, появится и наденет свой золотой венец. Под этим рисунком видна Меарат Амахпела. В пещере, которая находится под этим зданием, похоронены праотцы еврейского народа и их праведные жены: Адам и Ева, Авраам и Сара, Ицхак и Ривка, Яков и Леа. Внизу слева помещено изображение могилы кабалиста рабби Шимона бар-Йохая, написавшего книгу Зогар, которая содержит величайшие тайны Торы. А над этим рисунком видна могила нашей прааматери Рахели, второй жены Яакова. Она похоронена в Бейт-Лехеме и, согласно преданию, неустанно молится о тех евреях, которые находятся в плену, в беде, в изгнании, и даже о тех, кто почти забыл, что он еврей.

Вручая удостоверения, главный раввин Калининграда Довид Шведик сказал, что евреи получили Тору более трех тысяч лет назад в подарок от Всевышнего на горе Синай. С тех пор жизнь всех еврейских поколений связана с этой Книгой. Мы учим ее, мы выполняем все, что в ней написано, мы дышим и живем с этой книгой. Благодаря Торе мы – самый древний и самый молодой народ на земле. Все еврейские девочки и мальчики должны соединить свою судьбу с Книгой Жизни, став владельцем «своей буквы» в Свитке.

Мы радуемся вместе с вами. Мазл Тов!

ע. דיצטל

À ÑÈÌÀÃÎÁÓ ÍÀ ÁÐÌÍÍÎÉ ÁÍÁÑÁÍ Í ÎÂÛÉ ÑÀÈÒÎÉ ÒÎÐÛ

*2 ài ðàÿÿ à ñèì àããã «Àãããã Ñàñèããé Ñãããã» àùé òíðæ àíð àáí íí àí àáí í îâúé ñàè òíé òíðú.
Áàò à áí àáí èÿ í ðèòòí: àí à èí àí ð ðí æ ááí èÿ Èð áááé: ñèì àí Ðããã*

Около семи вечера к синагоге двинулась праздничная процессия. Несмотря на холодную погоду и пронизывающий ветер участники процессии искренне веселились и плясали под хупой со свитком Торы под звуки оркестра. На членов общины сыпался серпантин, из изображения магендовида, укрепленного на стене синагоги, брызгали бенгальские огни.

Остановившись возле синагоги, главный раввин синагоги Ицхок Коган прочел молитву «Обращение к небесам» с просьбой, чтобы поскорее кончилось изгнание и наступило освобождение. Окончив чтение, рав Коган привязал текст молитвы к гириянде воздушных шаров торжественно отпустил шары в небо.

«Сегодня особый день, потому что написание этого свитка началось в тот день, когда началось становление “новой Бронной”, ровно год назад, – сказал он. – Реконструкция синагоги еще не завершена, но свиток нас опередил, он готов. И пусть впереди нас всегда идет Тора. Сегодня особый день еще и потому, что это день рождения Любавичского Ребе, который нес Тору всему миру.

История этой синагоги, построенной в XIX веке, весьма драматична. В 1937 году был расстрелян ее раввин. Потом 54 года она служила местом для профсоюзных собраний. И вот она ожила заново 13 лет назад. 13 лет – это возраст совершеннолетия. Новое здание было возведено вокруг старого здания синагоги, сейчас в нем ведутся отделочные работы.

Наши мудрецы сказали: “Каждый, кто радуется жениха и невесту, отстраивает развалины Иерусалима”. Настоящая преемственность поколений не в том, чтобы разрушить фундамент старого здания и возвести новое, а в том, чтобы укрепить старое здание и старый фундамент. На крыше здания будет гореть шестиметровая ханукия, как символ света, который Тора несет в этот мир».

«Я – простой скромный еврей, – заявил корреспонденту АЕН Амиэль Якубов, оплативший написание Свитка Торы. – Перед угрозой антисемитизма, который сегодня являет свои самые уродливые формы, мы, евреи, должны объединиться и забыть все раздоры. Все мы должны поскорее вернуться к Б-гу, ибо мы Б-жьи дети».

После того как свиток Торы был торжественно внесен в здание, прошла служба. Затем для членов общины был устроен праздник в помещении кошерного ресторана. Звучала живая музыка (в том числе специально написанная к празднику песня «Синагога на Бронной»). Главный раввин России Берл Лазар, присутствовавший на празднике, первым подал пример, начав танцевать, и вскоре многие из гостей и членов общины пустились в пляс.

«День рождения Ребе – это всегда большой праздник, – сказал корреспонденту АЕН рав Берл Лазар, – особенно, когда мы видим, сколько дел и мероприятий в Москве связано с этим днем. Процветание евреев – это самое большое желание Ребе, и сегодня эта мечта стала реальностью. Поэтому сегодня – действительно особенный день для нас».

À. Áàñèàéí àá

сделанная из алюминиевых планок, была шириной около сорока сантиметров. Новорожденная дочь лежала в коляске, которую часто вывозили на балкон общий с соседями, где она спала и летом, и зимой, зато на воздухе.

В 1961 были арестованы практически все начальники цехов и мастера. КГБ вел тогда громкое дело по экономическому подрыву основ государства. В управлении появились новые люди. И конечно, с новым руководством немислимо было говорить о соблюдении Субботы. Мы переехали в Ташкент.

– А как у вас налаживалась жизнь в Ташкенте?

– После Львова, где было всего пять еврейских женщин, ходивших всегда с покрытой головой, ситуация в Ташкенте была иной: на женщин с платками на голове никто не обращал внимания. К тому же здесь жили несколько десятков хабадских семейств. Почти Иерусалим! А жили как все. Дети росли. Пришла пора определять их в школу. Но в какую? Ведь в государственных школах по субботам работали. А других школ тогда не было... Восьмилетнего Боруха отправили в Самарканд, в ешиву «Томхей Тмимим». Через год реб Довид организовал в Ташкенте филиал самаркандской ешивы, и Борух продолжил религиозное обучение дома. Мальчик целый год выходил подышать свежим воздухом только ночью, когда все вокруг спали, так что никто из соседей не догадывался о том, что ребенок школьного возраста живет дома, но в школу не ходит. Наша семья была единственной, во всяком случае в Ташкенте, в которой дети не ходили в советскую школу, где постулировалось официальное безбожие и вульгарный материализм. Лишь в последний год перед выездом в Израиль сын надевал ранец и шел мимо школы на занятия к раввину Залману Боберу.

Однажды наши друзья сообщили, что КГБ известно «о преступных занятиях» моего мужа с детьми. Жизнь держала нас в постоянном напряжении. Не было стабильности, уверенности, что «завтра будет лучше, чем вчера». Вся надежда была только на Б-га и на Ребе. И в 1971 году мы наконец вырвались из «коммунистического рая» и уехали в Израиль. Приехав в Израиль, наши дети продолжили образование со сверстниками, родившимися и учившимися в свободном мире, но разницы в уровне образования не ощущалось. Старший сын получил согласие и благословение Ребе учиться в самой престижной ешиве мира – «Томхей Тмимим».

– Вы расскажете о ваших встречах с Ребе? Ведь вам довелось не один десяток раз бывать у него на аудиенции. Что для вас наиболее значимо?

– Все! Все встречи знаменательны и значимы. Вспоминаю, как в 1972 году я приехала на Пурим и впервые удостоилась аудиенции у Ребе. Ребе говорил «об особом призвании быть женой талмудиста». Он с глубоким сочувствием сказал: «Нелегко вам жилось. Но теперь от вас потребуются самоотверженность только потенциальная, уже не придется рисковать жизнью...» А однажды я посетовала, что один из моих внуков слаб здоровьем и спросила, что надо сделать, чтобы ребенок окреп и выздоровел. Ребе даже не отреагировал на мое беспокойство, а только ответил: «Вы будете иметь от него и от других внуков много счастья». Внук с тех пор здоров, отлично учится. Это – чудо!

– Как вы восприняли жизнь в Узбекистане после двадцатилетней эмиграции? Почему решили снова приехать?

– Произошло чудо: Советский Союз стал меняться, хотелось убедиться в этом. А главное, Ребе благословил нас на возвращение и пожелал удачи. Его благословения всегда сбываются. Первое, что мы увидели и что нас поразило, – вещевые рынки, где люди свободно продавали и покупали домашнюю утварь и одежду. Их никто не преследовал. В Ташкенте мы сразу въехали в свой дом, купленный, что называется, «не глядя». Несколько месяцев пришлось обходиться без хлеба, поскольку привезенный с собой кончился и прошло немало времени, пока мы договорились о приготовлении кошерного хлеба.

– Но трудности, с которыми вы столкнулись, не помешали активной деятельности: вы председатель женской организации, вы ведете регулярные занятия в женском клубе; курируете еврейский детский сад и микву. Кроме того, много внимания уделяете «страждущим и жаждущим», «немошным и неимушым»...

– Но ведь мы посланники Ребе, и наша цель – возрождение не только традиций, но и духа нашего народа. В еврейской среде всегда были и есть люди, нуждающиеся в материальной или моральной поддержке, и дело каждого еврея – помогать другим. *צוֹרֵםֶּנָּה אֵל אֲדוֹנָיִי יְהוָה*

АВГУСТ ПЯТНАДЦАТОГО...

Àðèãðèé Í èíèáðíá

Лето 1915 года стало для России периодом больших военных неудач. Бои на Восточном фронте первой мировой войны вначале велись с переменным успехом. Имелся ряд серьезных достижений, особенно на тех участках фронта, где русские войска сталкивались не с германской, а с австро-венгерской армией.

Но в первых числах июня 1915 года был сдан Перемышль, город-крепость, с огромными потерями захваченный в марте. В конце июня был оставлен Львов. Все военные приобретения были утрачены. А дальше пошла потеря собственной территории Российской империи. В июле была сдана Варшава, вся Польша и часть Литвы. И противник продолжал наступать.

В этой ситуации одни военачальники думали о том, как выправить сложившееся положение, а другие – как снять с себя вину за неудачи и промахи, как обелить себя перед начальством, а также в глазах фронта и тыла.

«Виноватых» долго искать не пришлось. Ими, как и всегда, оказались евреи.

«Ì ÐÌ ÒÌ ÈÌ ÈÛ ÐÌ ÑÑÈÈÑÈÈÕ Ì ÓÁÐÁÕÌÁ»

Если в мирное время евреи препятствовали нормальному развитию экономики страны, а также пагубно действовали на нравы населения, то что же они вытворяли в военное время? Ясное дело – те же евреи подрывали боеспособность армии. Каким же образом им это удавалось делать? Да известно каким – своей трусостью, предательством и шпионажем. Такова была, по крайней мере, официальная версия одной из причин военных поражений, быстро сделавшаяся едва ли не основной.

Следует особо отметить, что в рядах русской армии в это самое время находилось около четырехсот тысяч евреев. Дома у них оставались пожилые родители, жены, дети...

Позже многие монархисты и русские националисты пытались обелить лик царской России.

Так, философ-эмигрант Иван Ильин писал в своей работе «Основы борьбы за национальную Россию»:

«Следуя тайным указаниям европейских политических центров, которые будут впоследствии установлены и раскрыты исторической наукой, Россия была клеветнически ославлена на весь мир как оплот реакции, как гнездо деспотизма и рабства, как рассадник антисемитизма...»

То, что обвинение руководства царской России в антисемитизме не было оговором, вряд ли у многих вызывает сомнение. И все же уместно привести ряд свидетельств – вольных или невольных – современников событий первой мировой войны по этому, интересующему не только одного меня вопросу.

Следует также отметить, что все эти свидетели – не евреи. Большинство из них – крупные сановники царской России, и им не было никакого резона клеветать на тот режим, опорой которого они являлись.

*Μητρώμ ἀποδέεσθου: ἰατρίδαα -ἀδλ: δαεά Ἄ ἰοῖδι εἰεε ἐπιτεῦφουῖ οἰοῖ- ε
ἀδαε-ἀπεία ἰ ἀοἀεαεῖ ες εςαἰεῖ «Ἐαοῖ ἐπιαἰεῖ ὕ. 1914-1915 αἰ». Ἰ ἀοῖ ἀαἰ*

В основу данной статьи положены материалы, опубликованные в 1926 году в XVIII томе издававшегося И.В. Гессеном «Архива русской революции» под названием «Тяжелые дни». Тем, что эти материалы стали известны миру, мы обязаны А.Н. Яхонтову, который с мая 1914-го по октябрь 1916 года занимал должность помощника управляющего делами Совета Министров Российской империи – и по обязанностям службы присутствовал на заседаниях и собраниях этого учреждения. По указанию своего начальника И.Н. Лодыженского, он вел подробные протоколы секретных совещаний, где обычно запечатлевались в кратких словах высказанные министрами суждения, поскольку это могло понадобиться для выработки правительственных постановлений. Сознвая несомненный исторический интерес того, чему приходилось быть свидетелем, А.Н. Яхонтов начал записывать отдельные важные прения почти дословно, стараясь сохранить образность выражений, яркость мысли и настроения выступавших. Оказавшись в эмиграции, он обработал собранные материалы и предлагал свою рукопись для ознакомления многим бывшим государственным деятелям России, в том числе и непосредственным участникам заседаний, отмечавшим полноту и объективность отражения происходивших на глазах автора событий.

Из записей А.Н. Яхонтова я выбрал лишь материалы, касающиеся интересующей меня темы, и, в свою очередь, счел необходимым дополнить их сообщениями, почерпнутыми из мемуаров и дневников ряда других действующих лиц того времени.

Ἰ ὄν οἰ ἔ αἰ ἔ α

«Считаю своим долгом заявить Совету Министров, что отечество в опасности».

Так начал свой доклад о положении на фронте в ходе заседания 16 июля 1915 года управляющий Военным министерством (и.о. военного министра. – Г.Н.) генерал Алексей Андреевич Поливанов.

Сообщение его повергло министров в шок, а сам Яхонтов счел необходимым дать ремарку, что при дальнейшей записи у него «дрожали руки».

Далее, на просьбу Председателя Совета Министров Ивана Логгиновича Горемыкина о разъяснениях Поливанов рассказал следующее.

«Наше отступление развивается с возрастающей быстротою, во многих случаях принимающею характер чуть ли не панического бегства...», «пользуясь огромным преобладанием артиллерии и неисчерпаемыми запасами снарядов, немцы заставляют нас отступить одним артиллерийским огнем», «неприятель почти не несет потерь, тогда как у нас люди гибнут тысячами».

Так, 30 июля Государственный контролер Петр Алексеевич Харитонов вопрошает:

«Куда мы зарываемся на Кавказе? Как бы это не кончилось катастрофой... Все знают исключительные симпатии Наместника (графа Воронцова-Дашкова. – Г.Н.) к армянам... Мы тут еще будем рисковать ради воссоздания Армении».

Ему вторит Горемыкин:

«Создание Армении будет только нам на шею и явится в будущем источником различных осложнений на Востоке».

Главноуправляющий землеустройством и земледелием Александр Васильевич Кривошеин поддерживает:

«...Не можем же мы молчать, когда видим, как кавказские власти готовы жертвовать русскими интересами во имя армянских».

В продолжение этой темы 4 августа тот же Харитонов сетует:

«А на Кавказе шествие вперед не прекращается... Куда мы там, с позволения сказать, прем».

Поливанов отвечает без фигуры умолчания:

«Известно куда – к созданию великой Армении...»

Царскому правительству нужны Дарданеллы, но не нужен Арарат.

ÀÀÀ Í ÈÈÎ ÈÀÈ Í ÈÈÎ ÈÀÀÁÈ×À

На заседаниях постоянно раздаются жалобы на действия Верховного Главнокомандующего – великого князя Николая Николаевича и на начальника его штаба генерала Николая Николаевича Янушкевича. На необозримо обширной территории театра военных действий, где главнокомандующему принадлежит вся полнота власти, включая и Петербург, – полное игнорирование гражданских властей, в том числе и Совета Министров.

Выступает 16 июля Поливанов:

«Ставка Верховного Главнокомандующего не сообщает главе военного ведомства никаких данных о положении на боевой линии».

Поддерживает и Кривошеин:

«Совершенно ясно, что вопрос об урегулировании взаимоотношений со Ставкой не терпит никаких отлагательств. Ставка приближается, а с нею и все, что грозит России неисчислимыми последствиями».

Осторожный Горемыкин намекает на то, что императрица интригует против великого князя и, дескать, не следует подливать масло в огонь. Неизвестно, к каким последствиям это может привести. На заседании 24 июля Кривошеин сообщает, что им было вчера получено письмо от генерала Янушкевича. Начальник штаба Верховного Главнокомандующего писал:

«...сказочные герои, идейные борцы и альтруисты встречаются единицами», «таких не более одного процента», «драться за Россию красиво, но масса этого не понимает», «тамбовец готов грудью стоять за Тамбовскую губернию, но война в Польше ему чужда и не нужна», что «поэтому солдаты сдаются во множестве».

Отсюда генерал Янушкевич приходит к заключению:

«... русского солдата надо имущественно заинтересовать в сопротивлении врагу», «необходимо поманить его наделением землей, под угрозой конфискации у сдающихся».

Письмо вызвало общее возмущение. Его выразил Кривошеин:

«Необычайная наивность или, вернее сказать, непростительная глупость... Янушкевич заботится только о том, чтобы отвести от себя ответственность за происходящее...»

Поддержал мнение коллеги Харитонов:

«Если Янушкевич думает покупать героев и только этим способом обеспечить защиту родины, то ему не место в Ставке... Мы обязаны предупредить Государя».

Едко вошел в обсуждаемую тему управляющий министерством внутренних дел князь Николай Борисович Щербатов:

«В ответ на письмо генерала Янушкевича следовало бы послать ему ведро валериановых капель. Очевидно, у него расстройство нервов, и он нуждается в успокоительном... Да и вообще, дает ли себе отчет Янушкевич, что он предлагает не только с нравственной точки зрения, но и с практической... Фактически невозможно наделить землю многомиллионную армию, так как, конечно, почти вся она пострадала или отличилась. Все равно всех не купишь – а горожане, рабочие и пр.?»

ÀÀDÁÈÑÈÈÉ ÂÎÏ ÐÎÑ

Большая часть территорий, охваченных военными действиями, входила в так называемую «черту оседлости», то есть в ту полосу на западе Российской империи, в которой разрешалось проживать (причем, только в городках-местечках) евреям.

Евреи, иначе говоря – «лица иудейского вероисповедания» – были практически поголовно причислены к мещанскому сословию. Следовательно, они так же платили государству соответствующие (к слову, еще и увеличенные по сравнению с платой мещан-христиан) подати и, как все, подлежали призыву на военную службу. В период первой мировой войны, напомним, было призвано под ружье около 400 тысяч евреев. В черте оседлости без права выезда остались их семьи, родные и близкие: жены, сестры, дети, старики, и именно в этих местах зачастую и шли боевые действия...

Если для русских солдат Янушкевич предлагает и кнут и пряник – в виде раздачи земли – единовременно, то для евреев у него есть только кнут.

В общей беседе 30 июля говорится следующее:

«...Внешний разгром России дополняется разгромом внутренним. Среди беженской струи можно различить три течения. Во-первых, евреи, которых вопреки неоднократным указаниям Совета Министров, поголовно гонят ногайками из прифронтовой полосы, обвиняя их всех, без разбора, в шпионаже, сигнализации и иных способах пособничества врагу. Конечно, вся эта еврейская масса до крайности озлоблена и приходит в районы нового водворения революционно настроенною; положение усложняется еще тем, что местные жители, без того все тяжелее испытывающие бремя военных невзгод, встречают голодных и бездомных евреев далеко не дружелюбно. Во-вторых, служебный персонал гражданских и тыловых военных учреждений с десятками вагонов грузов; в то время, как десятки тысяч народа плетутся пешком около железнодорожного полотна, мимо них проходят поезда, нагруженные диванами из офицерских собраний и разным хламом включительно до клеток с канарейками птицелюбивых интендантов. В-третьих, добровольные беженцы, в большинстве гонимые слухами о необычайных зверствах и насилиях, чинимых немцами. Наконец в-четвертых (обсчитались! Впрочем, в-четвертых, речь идет практически о тех же людях, что и во-первых. – Г.Н.), беженцы, выселяемые насильственно по приказу военных властей в целях обезлюждения отдаваемых неприятелю местностей. Эта группа наиболее многочисленная и наиболее озлобленная. Людей отрывают от родных гнезд, давая на сборы несколько часов, и гонят в неведомую даль... И вся эта сбитая с толку, раздраженная, измученная толпа сплошным потоком катится по всем путям, мешая военным передвижениям и внося в тыловую жизнь полнейший беспорядок... Люди сотнями мрут от голода, холода, болезней. Детская смертность достигает

ужасающих размеров. По сторонам дорог валяются непогребенные трупы. Повсюду падаль и невыносимые миазмы...»

*«Ἄ γαῖν-ίτῃ ἀτέλῃ ἀεὶ ἰθαῖεῖ: εἰ δὲ δαῖο - ὑαῖεῖ εἰσὺο. Ἴί εἰε ἀνὸν ἰδὲ
γαῖο γυαῖ γαῖν-ἰεῖν ἰ ἀπὸ δαῖ? Ἄ ἰ αἰεὶ δαῖ γὸε “ὑαῖεῖ” ἀπὸ γὸε γαῖ-ἰ ἰ γαῖ-ἰ ἀπὸ δαῖ
ἰδὲ-ἰί», εἰ ἰ ἰ ἀπὸ δαῖ Βοῖ ἰ δαῖ*

ἈΥΝΘΟΪ ΕἸ Ἰ ΕἸ ὙΑΔΑἸΟΪ Ἰ Ἰ

Заседание 4 августа того же 1915 года. Щербатов:

«Со времени нашего отступления Совету Министров неоднократно приходилось сталкиваться с вопросом об евреях. В Ставке сложилось убеждение, что еврейское население на театре войны является сосредоточием шпионажа и пособничества неприятелю. Отсюда возникла мысль очищать прифронтовую полосу от евреев.

Применение этой меры началось в Галиции. Тыловые власти стали высылать тысячи и десятки тысяч австрийских евреев во внутренние русские губернии. Производилось это, конечно, не добровольно, а насильственно. Евреи изгонялись поголовно, без различия пола и возраста. В общую массу включались и больные, и увечные, и даже беременные женщины.

Слухи об этой мере и сопровождавших ее насилиях тогда же распространились как в России, так и за границей. Влиятельное еврейство подняло тревогу. Союзные правительства начали протестовать против подобной политики и указывать на опасные ее последствия. Министерство финансов почувствовало различные затруднения в проведении финансовых операций.

Совет Министров неоднократно как в письменной форме, так и в порядке устных сношений через Председателя и отдельных министров обращал внимание Верховного Главнокомандующего и генерала Янушкевича на необходимость отказаться от преследования еврейской массы и огульного обвинения ее в измене, поясняя, что этого требуют как внутренние, так и международные соображения. Однако Ставка оказалась глухою на всякие доказательства и убеждения. Напротив, когда наше отступление повлекло за собою очистку уже русских губерний, то сначала в Курляндии, а затем и в других местностях принудительное еврейское переселение выполнялось в массовых размерах особо для сего назначаемыми воинскими отрядами.

Что творилось во время экзекуций – неопишимо. Даже непримиримые антисемиты приходили к членам правительства с протестами и жалобами на возмутительное отношение к евреям на фронте. В конце концов в тех входивших в черту оседлости губерниях, куда выдворялись гонимые военными властями невольные беженцы, становилось невыносимо жить не только пришлому разоренному люду, но и самому коренному населению. Обострились всевозможные кризисы – продовольственные, квартирные и проч. Появились заразные болезни. На местах настроение принимало все более тревожный характер; евреи обозлены на всех и на вся, а жители – на непрошенных гостей, к тому же объявленных предателями и изменниками, и на порядки, при которых существовать у себя дома становится невозможным.

Еврейская интеллигенция и объединенные с нею русские общественные круги возмущены до крайней степени; печать, думские фракции, различные организации, отдельные видные представители русского еврейства требуют от правительства решительных шагов для прекращения массовых преследований. В союзных странах и особенно в Америке раздаются горячие призывы помочь страждущим в России евреям, собираются митинги протеста против политики племенного утеснения и т.д. Последствия этого движения – возрастающие препятствия в получении кредитов, и на внутреннем, и на иностранных рынках. Наиболее тяжело отражались такие последствия на наших финансовых интересах, связанных с Соединенными Штатами, которые к тому времени все более становились влиятельными в качестве банкира воюющей Европы... Наши усилия вразумить Ставку... остаются тщетными. Все доступные нам способы борьбы с предвзятыми тенденциями исчерпаны. Мы все вместе и каждый в отдельности неоднократно и говорили, и писали, и просили, и жаловались. Но всемогущий Янушкевич считает для него необязательными общегосударственные соображения. В его планы входит поддерживать в армии предубеждение против всех вообще евреев и выставять их, как виновников неудач на фронте. Такая политика приносит свои плоды, и в армии растут погромные настроения. Не хочется этого говорить, но мы здесь в своей среде, и я не скрою подозрения, что для Янушкевича евреи едва ли не являются одним из тех алиби, о которых прошлый раз упоминал А.В. Кривошеин...

Впрочем, если бы даже Ставка отдала распоряжение прекратить расправы над евреями, зло уже успело настолько проникнуть вглубь, что все равно не обойтись без сильнодействующих лекарств. Сейчас положение таково. Сотни тысяч евреев всех полов, возрастов и состояний продвинуты и продолжают продвигаться на восток от территории театра войны. Распределение всей этой массы в границах черты оседлости не только трудно, но прямо невозможно. Местные губернаторы доносят, что все заполнено выше пределов вместимости, и что если дальнейшее вселение не будет немедленно прекращено, они не отвечают за безопасность новых поселенцев в виду возбужденного состояния умов погромной агитации, особенно со стороны возвращающихся с фронта солдат. Не только бытовые, но и экономические, и санитарные соображения требуют разрежения населения.

Все это приводит нас к необходимости хотя бы временно разрешить водворение эвакуированных принудительно евреев вне черты оседлости.

Должен сказать, что уже и теперь эта запретная линия во многих случаях нарушается. Воспитанники средних и высших учебных заведений, перевезенных из занятых неприятелем районов, евреи солдаты – георгиевские кавалеры и раненые и т.п. элементы рассасываются повсюду. Неизбежны и полицейские поблажки за плату...

Отдельные изъятия не могут помочь беде и сколько-нибудь заметно смягчить кризис... Руководители русского еврейства настойчиво домогаются общих мероприятий и легальных оснований для облегчения положения их соотечественников. В пылу беседы мне прямо говорилось, что среди еврейской массы неудержимо растет революционное настроение, что люди доведены до последней степени отчаяния, что с каждым днем становится все труднее бороться со стремлениями к активной самозащите, что возможны крупные беспорядки и т.д. Мне указывалось, что за границей тоже начинают терять терпение и что может получиться такая обстановка, в которой Россия не найдет ни копейки кредита... Пожелания принимают почти ультимативный тон: если вы хотите иметь деньги на ведение войны, то... Пожелания же эти сводятся к изданию правительством такого акта, который, внося облегчение в положение еврейских беженцев, служил бы реабилитацией для заклеянной слухами о предательстве еврейской массы...

«Решаясь на такой шаг, мы должны использовать его и в политическом отношении: надо позвать еврейских вожаков и предъявить им требование – мы идем вам навстречу, а вы извольте употребить ваше влияние для успокоения массы, и тогда можно будет говорить с вами и о дальнейшем... Возникает только одно сомнение... допускать водворение евреев лишь в городах вне черты оседлости или же и в сельских местностях. Я высказался бы за первую комбинацию...»

Эта длинная цитата из выступления князя Щербатова почти исчерпывает существо дела. Высказывания прочих участников совещаний, этого и последующих, по данному вопросу являются, по существу, репликами, передающими их взгляды и настроения.

Выступление Щербатова, следует признать, почти благородно. В первой его части он говорит о несправедливостях, творимых по отношению к евреям как к людям, насильно изгоняемым из своих домов без особой военной необходимости и затем попадающим в невыносимые условия в местах последующего пребывания. Просматривается в этом выступлении вместе с тем и заинтересованность в улучшении положения коренного мирного населения мест изгнания, и забота о сохранении социального мира в этих регионах, что непосредственно входит в его служебные обязанности. Несколько коробят, правда, рассуждения о кредитах, но кредиты, должно быть, и в самом деле нужны, а заседание – не митинг, здесь обсуждаются практические вопросы. Потому, возможно, остаются за скобками проблемы бытования черты оседлости в довоенное время и моральные аспекты массового ущемления граждан по национально-религиозному признаку.

А может статья, и вовсе по совершенно другой причине. Такие гуманитарные общечеловеческие понятия, как социальная справедливость, честная игра, имея широкое распространение в интеллигентных слоях общества, отнюдь не проникли в среду государственного чиновничества. Потому-то раньше, как и теперь впрочем, не приходилось считать образованность, занятие интеллектуальным (допустим) трудом безусловными признаками интеллигентности.

Несколько наивно звучит мысль о предъявлении требований «еврейским вожакам». В общем-то понятно, о ком идет речь, тем более, что в последовавшем выступлении Кривошеина названы имена: Каменка, барон Гинцбург, Варшавский – короче говоря, это всем известные еврейские богачи. Возможно, эти люди и могли бы повлиять на предоставление их западными коллегами-банкирами, евреями и неевреями, кредитов России. Вместе с тем, однако же, повлиять на

настроения озлобленных невольных переселенцев они не могли ни в малой мере. Вряд ли бы к тому же и стоило титулованного еврея барона Гинцбурга, скажем, рассматривать как «еврейского барона» по аналогии с цыганским.

«І І А Е А І Д Е О»

Между тем, Кривошеин, рассказывая о визите указанных господ к министру финансов Петру Львовичу Барку, резюмировал содержание их высказываний словами:

«Дайте и мы дадим...» и прокомментировал: «Нож приставлен к горлу и ничего не поделаешь».

То есть три еврея-банкира приставили нож к горлу если не всей Российской империи, то, во всяком случае, к горлу ее Совета Министров.

Впрочем, была еще возможность поторговаться.

О том как раз и толкует Кривошеин.

«Нас пока еще вежливо просят, и мы можем ставить условия... Я считаю необходимым использовать случай и извлечь из нашей уступки наибольшие выгоды. Надо предъявить представителям евреев, в ответ на их намеки (с ножом к горлу! – Г.Н.), не менее откровенный ультиматум: мы даем вам изменение правил о черте оседлости и притом весьма существенное, а вы пожалуйте нам денежную поддержку на русском и иностранных рынках и окажите воздействие на зависимую от еврейского капитала (это равносильно почти всей) печать в смысле перемены ее революционного тона».

Пожалуйте денежки, пожалуйста бритесь!.. Кривошеин – дворянин и «особа, приближенная к императору», но обороты речи у него явно купеческие.

В свою очередь получает слово министр иностранных дел Сергей Дмитриевич Сазонов.

«Союзники тоже зависят от еврейского капитала и ответят нам указанием прежде всего примириться с евреями».

Почему только союзники? Право же – да ведь и противники зависят. Бравый солдат – чех Иозеф Швейк, как и его «отец-писатель» Ярослав Гашек сражавшийся под знаменами австро-венгерской монархии, расшифровывал инициалы на своей фуражке FJI (Franz-Josef I – Франц-Иосиф Первый) как Fahr Jydische Interesse – За еврейские интересы.

По обе стороны фронта, таким образом, пелась одна и та же «патриотическая» песня.

Вот солирует Щербатов:

«Мы попали в заколдованный круг. Сейчас мы бессильны, ибо деньги в еврейских руках и без них мы не найдем ни копейки, а без денег нельзя вести войну».

Вообще же, если вдуматься, то впору недоумевать: какая все-таки странная манера – воевать на «еврейские деньги»! Почему бы, в конце концов, если уж так приспичило, не повоевать на свои кровные?!

Что же касается прессы, то все буржуазные газеты, еврейские они или не еврейские, с самого начала вели ура-патриотическую пропаганду «войны до победного конца». Кстати, именно это отметил даже известный идейный антисемит В.В. Шульгин. И только лишь творимые властями беззакония заставили их, да и то слегка, изменить тон.

ÁÁÐÁĚ Á ÁÁÐÁĀÍÁ

Далее начинается дискуссия, если ее можно так назвать, поскольку у всех одно и то же мнение: пускать евреев в сельские местности или не пускать. (Притом, следует заметить, что даже и в пределах самой черты оседлости евреям строго запрещалось проживать в сельской местности.) Мнение: не пускать. Причины для такого мнения не высказываются, по крайней мере во всеуслышание. А посему и остается неясным: предполагается ли, что евреи, скоту подобно, вытопчут все хлеба или же, подобно саранче, съедят их на корню?! Приводится только «мотив», то есть повод:

«В деревне растет погромное настроение».

С чего бы оно тамросло, коли в деревнях евреев доселе и не видывали?!

Свою арию исполняет Кривошеин:

«Да их не тянет в деревню. Все их интересы связаны с городскими поселениями».

Поливанов, как министр, ведающий казачьими областями, предлагает запретить проживание там евреев заодно еще и в городах:

«Казачи и евреи исторически никак не могли ужиться друг с другом. Встречи их всегда кончались неблагополучно».

Бедные казаки!

Соображениям царского министра Поливанова противоречит высказывание белогвардейского генерала времен гражданской войны А. Шкуро. В своих «Записках белого партизана» тот пишет:

«На Дону, Кубани и Тереке нет еврейского населения. Единичные евреи – врачи, адвокаты и вообще интеллигенты, живущие в городах, ничем не отличаются от русской интеллигенции. Таким образом, в начале гражданской войны казачество совершенно не знало еврейского народа и даже не подозревало о существовании еврейского вопроса».

История отношений казаков и евреев требует, очевидно, отдельного исследования.

Á ÐÁÐÁĚÒĚÁ ÓÁĀ Ū

На заседании 6 августа того же 1915 года еврейская тема получила продолжение.

Запел все тот же Кривошеин.

«Я уверен, что... льгота евреям будет полезна не только с политической, но и с экономической точки зрения. Интересы народного хозяйства и особенно нашего захиревшего центра давно уже требуют привлечения туда широкой предприимчивости. Перенос с западной окраины еврейских предприятий даст толчок развитию промышленности и обеспечит подъем местной жизни. До сих пор наша политика в этой области напоминала того скупого, который спит на своем золоте, сам не извлекая из него доходов и другим не позволяя. Нельзя всю нашу экономическую будущность строить на одном только земледелии. На этом мы далеко не уйдем, особенно когда наступит время ликвидации экономических и финансовых последствий войны. Евреи встряхнут сонное царство и расстроят изленившееся на покровительственной системе русское купечество. Они быстро создадут конкуренцию там, где безраздельно господствует несколько фирм, заставят перейти от старозаветных приемов хозяйства к более совершенным... Повсюду, даже в самых исконных русских городах, немало евреев, но по преимуществу богатых, нашедших те или иные лазейки. Весьма выгодно противопоставить им еврейскую массу и ослабить их путем конкуренции со стороны их же единоверцев. Вот деревня – другое дело. В этом отношении не может быть сомнений...»

Короче говоря: кто нам мешает, тот нам поможет. Только деревня в улучшениях не нуждается... Впрочем, да! – там «погромные настроения».

×ÔÏ ÆÓÏ ÆÐ Ò ÐÏ Ò Ø È Æ Æ Æ Æ Æ Æ

И с заграничными евреями вполне можно договориться.

Об этом – Сазонов:

«Я знаю из верного источника, что всемогущий Леопольд Ротшильд и не идет дальше городов».

Подпел и Барк:

«Могу прибавить, что и французские Ротшильды далеки от требования полного равноправия... Должен отметить, что Ротшильды действительно искренно желают помочь союзникам в победе над Германией. Всем известен факт, что их дом не воспользовался мораториумом во Франции, а это возложило на них огромные жертвы».

Ну вот, не такие уж они страшные, эти Ротшильды. А разговоры... С ножом к горлу!..

È Ð È Æ Ó Ø È

Решение назрело, кабинет это понял. Впрочем, есть один министр, в котором все противится принимаемому решению. Это министр путей сообщения и по совместительству ярый юдофоб Сергей Васильевич Рухлов.

Вот что на заседании 4 августа заявляет сам Рухлов:

«Вся Россия страдает от тяжести войны, но первыми получают облегчение евреи. Мое чувство как-то не может этого переварить. Подтверждается поговорка, что за деньги все покупается».

С.В. Рухлов. С 1909 по 1915 гг. – министр путей сообщения. Помощник Государственного секретаря. Юрист.

Спустя пару дней, 6 августа, будто бы совершенно запомнив о той четырехсоттысячной части взрослого мужского населения из «народа избранного», одетой в те самые дни в военные мундиры русской армии и гибнущей на фронтах, все тот же Рухлов развивает свою жидоедскую мысль далее – и еще неприкрытее:

«Откровенно сознаюсь, что высказанные мною в прошедшем заседании сомнения отнюдь во мне не рассеялись и чувство мое еще сильнее протестует. Не считаю себя вправе заявлять разногласие и

переносить бремя разрешения столь кардинального вопроса на Русского Царя. Но не могу и молчать. В сущности говоря, допущение евреев к свободному жительству, хотя бы только в городах, за чертою оседлости является коренным и бесповоротным изменением исторически сложившегося законодательства, имеющего целью оградить русское достояние от еврейских захватов, а русский народ – от разлагающего влияния еврейского соседства... И все это производится под давлением еврейской мощи! Не правительство считает нужным, а его заставляют, пользуясь критическими обстоятельствами, переживаемыми родиною. Русские мрут в окопах, а евреи будут устраиваться в сердце России, извлекать выгоды из народного бедствия и всеобщего разорения. А как на это взглянет армия и весь русский люд? Есть ли гарантия, что не будет кровавых последствий? Ведь слухи о еврейском предательстве далеко не сплошная клевета. Ни для кого не секрет, что большинство шпионов принадлежит к избранному племени...»

А.И. Ефремовъ № 1911 и 1915 № – І дізнання до акції Нїаїоа І сієїюдіа

И еще три дня спустя, 9 августа, тот же Рухлов взывает посочувствовать – понятно, что отнюдь не гонимым евреям, а – ему.

«Мое чувство и сознание протестуют...».

И так далее. В общем: «кипит мой разум возмущенный...». Ослабление удавки на шее Рухлов почитает за неслыханную льготу.

Значительная часть министров, тем не менее, дружно вторит Рухлову.

Так, 4 августа исправляющий должность обер-прокурора Синода (глава церковного ведомства) Александр Дмитриевич Самарин заявляет:

«Я вполне понимаю то чувство протеста, которое поднимается в душе Сергея Васильевича...»

Вторит ему 9 августа и Щербатов:

«Конечно, С.В. Рухлов глубоко прав в своих указаниях на разрушительное влияние еврейства. Но что нам делать, когда нож приставлен к горлу...»

Опять этот нож!

Вносит новый, хотя и порядком уже затасканный нюанс Кривошеин.

«Я тоже привык отождествлять русскую революцию с евреями, но... Нельзя одновременно вести две войны – с германцами и с евреями. Это непосильно даже для такой могучей страны, как Россия.»

Εἰς τὴν Ἀ. Ἀ. Γὰρ ἐὰν ἴδῃς (ἢ δᾶσα). Γὰρ ἀπὸ αὐτῶν

ἐἴτε δὲ ἀπὸ αὐτῶν ἀπὸ αὐτῶν ἀπὸ αὐτῶν.

Выходит, что Россия ведет одновременно и войну империалистическую и войну гражданскую?! Таким-то вот образом и выходит, что чуть ли не самый знаменитый омерзительный лозунг большевиков надо понимать не как призыв к организации новой (гражданской, сиречь – братоубийственной) войны, а просто к изменению соотношения в войнах, которые затеяло само же проклятое царское правительство?!

Одновременно идут разговоры о том, как бы «сейчас – дать, а после войны – отнять». Но даже взбудораженный Рухлов понимает, что сделать это будет непросто.

И вот как 6 августа выступает Рухлов.

«Вы оговариваете, что льгота даруется только на время войны... Неужели вы серьезно думаете, что после войны можно будет снова погнать евреев обратно за черту оседлости? Само собою очевидно, что это немыслимо: не найдется такой власти, которой это было бы по плечу».

Однако нам, потомкам, впору вспомнить о том, что Сталин впоследствии чуть было не совершил этот «подвиг», организовав, правда, «черту» не на Западе, а на Дальнем Востоке.

А. И. Харитонов в период работы в 1915-1916 гг.

История и судьба евреев

Харитонов все неустаннее твердит о продажности полиции (4 августа):

«Сейчас главная острота и тяжесть положения евреев проистекает из неясности и запутанности законов, чем пользуется полиция для произвола и поборов... Полицейские крючки искуснее любого сенатского обер-секретаря в истолковании законов».

«А вы, господа, не боитесь осложнений среди полиции? – Ведь она лишается хорошенького куска хлеба. Чего доброго, пристава и околоточные... произведут погромчики для доказательства несоответствия принятой меры желаниям истинно русских людей».

Вот откуда и растут ноги «погромных настроений».

Он же 6 августа:

«Циркуляр должен быть исчерпывающим по своей ясности... Иначе не оберемся придирок, рассуждений и, говоря откровенно, полицейских поборов».

Рассуждают о позиции Думы, о крайне правых, о газетах. Член Государственной думы от правых Макогон, прослышавший что-то о готовящихся изменениях, сказал Щербатову:

«Если равноправие, то колья неизбежны».

На заседании 26 августа Щербатов сообщает, что была запрещена вся еврейская печать, вплоть до детских журналов, под тем предлогом, что там печатаются условные объявления для германской разведки.

Вот уж, действительно, кардинальная спасительная мера! Как будто объявление о «продаже славянского шкафа» нельзя поместить в русской газете!

×ŌÎ ÆÁ ÄÀËÛŌÁ?

И все же Совет Министров свое решение принял, но...

Выступает 26 августа Горемыкин:

«Должен предупредить Совет Министров, что Государь неоднократно повторял: в еврейском вопросе он ничего на себя не возьмет. Поэтому возможен только один путь – через Государственную Думу. Пускай, если это ей по плечу, она займется равноправием. Недалеко она с ним уедет».

Так что, господа власть предержавшие слегка погорячились было, да славно при том пошумели, вполне продемонстрировали друг другу кто – здравый смысл, кто – свои патриотические чувства... А дальше-то что?

Как у грибоедовского Фамусова: «Подписано, так с плеч долой».

ŌÄŃËÄÛ Ì ÈËÏŃŌÛ

Что же касается царя, то уж Горемыкин-то безусловно знал, что говорил.

На подобных этим секретных заседаниях Совета Министров в начале октября 1906 года, то есть за девять лет до описываемых событий, Председатель Совета министров Петр Аркадьевич Столыпин уже поднимал вопрос о частичной отмене в законодательном порядке ограничений в отношении евреев (вспомним: в годы той всероссийской кровавой смуты для ее подавления тоже нужны были кредиты). Роль Щербатова играл тогда министр иностранных дел Извольский, а за кликушу Рухлова выступал Государственный контролер Шванебах.

Тогда, в 1906 году, также было решено сделать некоторые послабления: в частности, – в ряде направленных против евреев законов. Однако журнал заседаний, «переданный Государю Императору», пролежал у него довольно долго, а затем был возвращен Столыпину со следующим письмом.

«Возвращаю Вам журнал Совета Министров по еврейскому вопросу неутвержденным. Несмотря на вполне убедительные доводы в пользу принятия положительного решения по этому делу, – внутренний голос все настойчивее твердит мне, чтобы я не брал этого решения на себя. До сих пор совесть моя меня никогда не обманывала. Поэтому и в данном случае я намерен следовать ее велениям. Я знаю, Вы тоже верите, что “сердце царево в руках Б-жских”. Да будет так. Я несу за все власти, мной поставленные, великую перед Б-гом ответственность и во всякое время готов отдать Ему в том ответ».

Опубликовавший это письмо в своих воспоминаниях преемник Столыпина граф В.Н. Коковцов пишет:

«Ни в одном из документов, находившихся в моих руках, я не видел такого яркого проявления того мистического настроения в оценке существа своей царской власти, которое выражается в этом письме Государя своему председателю Совета Министров».

È ìñòíðíæíí, è òðáííæíí..

×òí íè ááíðè í òáííèá ðèíáíèý, íí èíááá í ù ááíðèí í “ðèòðíò áááò”.. Òí áíòí, í ù, èííá:íí, í íæáí èí áíòí á áááò áíí áòðèð ááííá è òáè ááèáá è òáè ááèáá è òáè ááèáá íí “ðèòðíá” – ÿòí “ðèòðíá” áíí ðááíí – è ñèíáí íáííèíèíèí í ðááíííèòáèíííá á ááíííí èííòáèííòá Áííáííá çááááý áíáðáá, ý òíòáè áíí ñèáçáòí ÷òí, áííè áíí ý áííè Èííèòíí Áèííáðèíííáè:áí, ý áíí çá çá ÿèè ñèèèè Ì áíááèííòááí á ñæðáè èè:íí.. Ìíòíí ó ÷òí ÿòí èóáá ñòðáóíáá, ÿòí ñèèèè èóáá áíèáá ñòðáóííá íáæáèè, ñèáæáí, ýíèáðáí í á..

Ðáí áíí Ò áííá çááááò áíáðáá. Ááèí á òíí, ÷òí á ÿòíí ñèèèèòáíðáíèè è ñáí á í áòíáèèá – óáèííòááííáý áèý íðááí áòá. Òí áíòí ííñòíýííí, ííñòíýííí.. Ì áíááèííòááí áíí áííá ý áííò á íáíó óáèíí è á ÿòíí ñí ùííèá íí íèáçíáááòííý èáè áíí áèý íðááí áòá, áèý íáíáèòá ñèèèèòáíðáíèý íáèá:íí áí èçááííòííè ñòáííáí è. Òí áíòí çáááíí í ðíèíííáèò èáè áíí íáèíòíðíè “ðáíííòáè á óííð”, áá?..

Ò áíí áð, ÷òí ááðáíáò í ðí:áè ÿòí ñèèèèòáíðáíèèá Ì ðááííòááííòá íááá ÷òí ááðáíáò ÷èòááò ÿòí ñèèèèòáíðáíèèá.. È íí áíí ááò: “Èáè..” (íí ñí ùííèá “Èáè íí ñí ááò!” – Á.Ñ.), è ÿòí áíèáèíí áá òíò:áíí áçááíèòá. Ò íá íðááííèááð çá Ñòáèèííí áíííèíá óáííæáííòááíííá ÷òííý, íí èíáá ááí ñèèèèòáíðáíèèá ááðáííáíí, áíí áíí áííí ðèíèíí ááòá èóáá áíèáá áí èí áòáèííí, íáæáèè, ñèáæáí, áííè áíí ÿòí áííèí í ðíñòí ñèèèèòáíðáíèèá í ááòèò íííááèáò èáíí, áá?..”

(Ðáí æá Ñ. 45, 46)

В общем, с Мандельштамом случилось то же, что некогда с библейским пророком Валаамом, который собирался по наущению царя Валака проклясть народ израильский, и «вот – благословил».

У Мандельштама, правда, вышло наоборот. Он собирался польстить Сталину, а в итоге – разоблачил его. Разоблачил даже страшнее, с большей поэтической мощью, чем в «эпиграмме». (То есть – в стихотворении «Мы живем, под собою не чуя страны...»)

Вот почему, оказывается, Бродский считает это стихотворение грандиозным, гениальным, пророческим.

Кушнер исходит из противоположного посыла. Он считает, что «Ода» Мандельштаму, в общем, удалась. То есть – удалось прославление Сталина. И объясняет это смутой, которая была в то время в душе поэта:

“Ì á áííèí ðáç è íááííáá èçáðáíííò ðáóáíèèè, ááííèðíòííò íòááòíá íá áíí áíí ðííí. ×áèíáè èíèáááèííý í áæáòíòðèòáíèèáí è òòááðæááíèèáí – è èçíáí íáèè á ÿòíè æèááí ááííè áíðíá.”

(Áèáèíáí áð Èóóíáð Áííèèíí áíí ááí Ñ. 249)

У самого Кушнера, как мы видели, тоже нет «абсолютных ответов». Он то называет «Оду» стихотворением грандиозным, то – сомнительным и даже неважным.

Но при всем при том склоняется все-таки к тому, что Мандельштам в «Оде» искренне восславил Сталина.

Чтобы подтвердить эту свою мысль, он обращается к другому мандельштамовскому стихотворению, безусловно, как ему кажется, Мандельштаму удавшемуся, поэтически мощному и художественно цельному:

«Наконец, в одном из самых сильных воронежских стихотворений “Если б меня наши враги взяли...” голос, раскачавшийся, как колокол, звучит с медным призвуком:

*... Òí ááò òýæáííòíð áííè æáòáí,
Ñæáòííòíð áííè ðáííáèííý áááèíí èèýòáí,*

*È á äöäèíá ñòíðíæáíé íí÷è
 ×áðííðáíí÷æ äííóíóò çàí èè í÷è,
 È íðí äèíéíáò íèàí áííúó èáò ñòáí,
 Ìðíæäííò èò ñíæíé äííçé - Èáí èí,
 È íí çàí èá ÷òí èçáæèò òéáííí,
 Áúúò áúúèòí ðáçúí è æèçíú - Ñòäèéí.*

После этого попробуйте Мандельштама “оторвать от века”. Он сказал, что из этого выйдет: “Ручаюсь вам, себе свернете шею!”»

(Òàí æá)

К этому стихотворению и к вопросу о том, что имел в виду Мандельштам, говоря, что никому не удастся оторвать его от века, мы еще вернемся. Пока же отметим только, что два знаменитых поэта, оценив мандельштамовскую «Оду» почти одинаково высоко, прочли и поняли ее совершенно по-разному. И попытаемся понять, как и почему это у них вышло.

Ìíèí Ì áí ääèúòòàí : «Ì äíòúí ááííòíèí ÿ èí àòú äðçæ...»

***

Сравнивая мандельштамовскую «Оду» Сталину с одой Державина «Изображение Фелицы», Кушнер замечает, что написать эти стихи Мандельштаму, возможно, было легче, чем это нам представляется, поскольку «помимо “идейной”, идеологической ставилась еще и художественная задача». Эта художественная задача состояла в том, чтобы в новых исторических условиях реализовать прием, полтора столетия назад изобретенный и разработанный Державиным.

Можно, конечно, сказать и так.

Перед Державиным и Мандельштамом стояла одна и та же задача: прославить (по возможности убедительно) то, что прославлять (по разным причинам и в разной степени) им обоим было трудно. Вот они и придумали себе (не исключая, что Мандельштам придумал это самостоятельно, без оглядки на Державина) такое приспособление.

Державину это его изобретение помогло: ода «Изображение Фелицы» была принята благосклонно, и поэт был снова приближен к престолу. Мандельштаму – не помогло. И совсем не потому, что у Сталина поэтический слух был тоньше, чем у Екатерины: после стихов о «Кремлевском горце» Мандельштаму уже ничто не могло помочь.

Да, судьбу свою этой «Одой» он не изменил. Но придуманное (а может, и впрямь заимствованное у Державина) приспособление и в самом деле помогло ему – худо-бедно – решить невыполнимую, в сущности, задачу: выдать мертворожденное, вымученное стихотворение за искреннее. (А задачу эту он, как видно, все-таки решил, если об этом стихотворении до сих пор высказываются столь разные мнения и такие разные его оценки.)

Чтобы лучше объяснить, что я имею в виду, проделаем такой простой эксперимент.

Внимательно взглянемся (вслушаемся) в самые сильные, поэтически выразительные строки «Оды». (Каких, надо признать, там немало.)

Èíáà á ý óäëüáçýë äëý áüñóäé ííóäëü -

Äëý ääáññò è ðëññí èà í äí ääéíæííé, -

В á äí çäóó ääññ-äððèé í à ðèòðüá óäëü

È ññòíðíæíí è òääáíæíí..

.....

В á ííäíýë äðíäé ì äëüé óäëéé

È ííäíýë äííäí è ääçäæèè è íà:ä

Çíàóü, Íðí àòäé ääçäé ññé óäëéäé, -

Äëýäé, Ýññèé, èäé ý, ðëññý, íçà:ó!

Да, это – не Долматовский и не Лебедев-Кумач. Это – Мандельштам.

И вот это:

Ñæèì äý óäëéäé, äéíòíðí äñ ññèíññ

Ðééíð æääí íð íäíí èèóüññíäñò äñ èèè:-ä,

Βοείρ θεύι ίρ - εΐαε ου̇ε̇ου̇ν̇ι̇α̇ν̇ο̇α̇ι̇ ν̇ι̇-

Β ο̇α̇ε̇υ̇ε̇ν̇ε̇δ̇ι̇ο̇, ε̇υ̇α̇ α̇α̇ ί̇α̇ε̇ε̇-ι̇ψ̇...

И это:

Ί̇α̇ν̇ο̇υ̇ί̇α̇ν̇ι̇ο̇ι̇ε̇ί̇ υ̇ε̇ι̇ α̇ο̇υ̇α̇δ̇ο̇α̇ε̇,

Ί̇α̇ν̇ο̇υ̇ί̇α̇ι̇α̇ν̇ι̇α̇ι̇ υ̇ε̇ α̇α̇ε̇-ι̇ψ̇ ε̇ ν̇ε̇α̇α̇ι̇ ε̇...

И вот это:

Ο̇ο̇ι̇α̇γ̇ο̇ α̇α̇ε̇υ̇ε̇ρ̇α̇ν̇ε̇ε̇ο̇ α̇ε̇ί̇α̇ α̇α̇α̇δ̇ι̇:

Β ο̇ι̇ α̇ί̇υ̇α̇ρ̇ι̇ν̇ι̇, ο̇α̇ι̇ ι̇ α̇ί̇υ̇ ο̇ε̇ ί̇α̇ α̇ι̇ α̇ο̇υ̇ο̇,

Ί̇ί̇ α̇ε̇ί̇ε̇α̇ο̇ ε̇α̇ν̇ε̇ί̇α̇ι̇ο̇ ε̇ α̇ε̇α̇α̇ο̇ α̇α̇ο̇α̇ι̇ο̇ι̇

Α̇ί̇ν̇ε̇δ̇α̇ι̇ν̇ι̇ ο̇ υ̇ ν̇ε̇α̇α̇ο̇ι̇ υ̇-ο̇ι̇ ν̇ε̇ί̇ ο̇α̇ ν̇α̇ο̇ε̇ο̇.

Не тем – и не потому – эти строки сильны, что в них, как полагает Бродский, выразилось тайное недоброжелательство автора к герою его «Оды» («Хитрые углы»), а по той простой причине, что все они непосредственно с этим его героем, в сущности, никак не связаны. Поэтическая сила и выразительность этих строк обусловлена тем, что они рождены прикосновением поэта к совсем другим, реальным для него темам. Скажем, с отношением его к творческому процессу:

Ν̇α̇ε̇ι̇ α̇υ̇ ο̇α̇ε̇α̇ε̇, α̇ε̇ί̇ο̇ι̇δ̇ι̇ α̇ν̇α̇ν̇ο̇ε̇ί̇ν̇ι̇

Βοείρ α̇α̇α̇ί̇ί̇ρ ί̇α̇ί̇ί̇ ε̇ε̇ου̇ν̇ι̇α̇ν̇ο̇α̇ι̇ ε̇ε̇ε̇-α̇

Βοείρ θεύι ίρ - εΐαε ου̇ε̇ου̇ν̇ι̇α̇ν̇ο̇α̇ι̇ ν̇ι̇-

Β ο̇α̇ε̇υ̇ε̇ν̇ε̇δ̇ι̇ο̇, ε̇υ̇α̇ α̇α̇ ί̇α̇ε̇ε̇-ι̇ψ̇.

Или с отношением поэта к двусмысленности своего положения:

Α̇ε̇υ̇α̇ε̇, Ί̇ν̇ε̇ε̇, ε̇α̇ε̇ υ̇, δ̇ε̇ν̇ι̇ψ̇, ι̇ε̇α̇-α̇..

То есть рождены эти строки обращением поэта внутрь себя.

Но стоит только ему приблизиться к главному предмету своего лирического словоизлияния, то есть к тому, ради чего, собственно, и затеяно все это рискованное предприятие, – как в голосе его начинают звучать фальшивые ноты.

Рядом с сильными и выразительными, поэтически яркими и индивидуальными строчками появляются беспомощные, почти пародийные. В лучшем случае – никакие:

Ε̇ α̇ α̇δ̇ο̇ε̇α̇α̇ ι̇ ο̇α̇α̇δ̇ι̇ο̇ α̇ε̇α̇α̇ ί̇α̇ε̇α̇ο̇ α̇ε̇υ̇ α̇ε̇ε̇α̇ι̇ α̇ο̇α̇

Ε̇α̇ε̇ί̇α̇ ί̇α̇ ν̇ε̇α̇α̇ε̇, ο̇ι̇ α̇ι̇δ̇α̇ε̇α̇ί̇ι̇α̇, α̇ε̇ε̇α̇ν̇ι̇ν̇ι̇

Ε̇ε̇ί̇ο̇ι̇δ̇ι̇ α̇ ε̇ ί̇α̇ι̇ α̇ - α̇α̇δ̇α̇α̇α̇α̇, ο̇υ̇ι̇ο̇α̇..

Ί̇α̇ α̇ν̇ι̇ο̇ α̇ο̇ι̇α̇ι̇ο̇ α̇ε̇ο̇υ̇ε̇ ο̇ι̇ α̇δ̇α̇ο̇ι̇

Áááá, éááá, ói óóúá í íóúéíéé...
È óáíóééáòíí ý á πíáíáíúé ááááá
Νάέάάάέúí áέάííúé òóúá, áíóúá é αάòáú,
Áá íáíí íúé íóóú - :άάα όάέά
È έάíέίήέέ íέóýáóúí-
áí áúííέíάííέ έέýòáú.
Áέý :άíòé è έβάάé, áέý áíάέáíòé è íòάέé
Áíòú éí ý ήάάí íá áέý ήέάòúó áά :òάά -
Áá í ú ήέúσάέé è í ú áá çáíòάέé.

Видно, что поэт все время как бы ходит вокруг да около. Но стоит ему приблизиться вплотную к заданной теме, как он сразу же попадает в плен казенных эпитетов, штампованных оборотов, в пошлые рамки казенного, газетного славословия: «мудрый», «отец», «шинель» и т. п.

Исключение составляет, пожалуй, только одно четверостишие:

Íí ήάήέéý ή òòéάóí ú, έάé ή áóú,
Á áóóú áέíá Áíέάéí éé ήέúí áá έήéá
Í íáá:έá áέάçá óáéòòάέúí í áíáóú,
áíòú áý áóíáú έíí ó-òí ήάóéò áέέçéí...

Строки эти кажутся живыми, потому что к их мертвому остову сделана искусственная прививка живой плоти. Этот крошечный кусочек живой ткани – словосочетание «бугры голов».

Н.Я. Мандельштам вспоминает, что, мучительно пытаясь сочинить «Оду», Мандельштам повторял: «Почему, когда я думаю о нем, передо мной всё головы, бугры голов? Что он делает с этими головами?»

Разумеется, Мандельштам не мог не знать, «что он делает с этими головами». Но этому знанию в «Оде» не было места.

Изо всех сил стараясь убедить себя в том, что «Он» делает «с ними» не то, что ему мерещилось, а нечто противоположное, то есть доброе, Мандельштам невольно срывается на крик:

Í íáá:έá áέάçá óáéòòάέúí í áíáóú...

Не просто глаза, но – могучие! Не просто добры, но – решительно добры!

Впрочем, прививка реального, увиденного («бугры голов») невольно сообщает черты относительного правдоподобия всему остальному – вымученному, мертвому.

О четверостишии, начинающемся строкой : «Уходят вдаль людских голов бугры...», Н.Я. Мандельштам в своей «Книге третьей» сообщает:

È ÷òí í àðíá, è àè ìúàèÿ, ìúàèò, -
Àπèè á ì áíÿ ì àèè ààðàò ù çáðáì,
Í è ù ó ì í ð í á ì í è è è à à ò ù ì ò à è è á -
Β í á ì ì è ÷ ò, í á ç à è ò ó á í è è,
Í í í á ÷ à ð ÷ ò ì, ÷ ò ì ÷ à ð ò è ò ù á í è á í,
È, ð à ì è à ÷ á á è í è í è í è ì ò á í à è ú è
È ð à ç á ú è à à ð à è à í è í è ò ù ù ú á í è,
Β ç à ì ð ÿ á à à ÿ ò ù á í è í á á à è ì ì
È ì í á à à ò ð è ó á í ò ù ù á í è ù ì ì ...

Этих – начальных – строк стихотворения Кушнер не цитирует: они не укладываются в его концепцию. Тут ведь не вполне ясно, кто они – эти «враги», которые могут лишить поэта «права дышать и открывать двери». Одно несомненно: опасность оказаться вновь в «подвалах Лубянки» для Мандельштама в то время, когда рождались эти строки (февраль 1937 года), была гораздо более реальна, чем весьма сомнительная перспектива попасть в лапы гестапо. И что уж совсем несомненно, так это то, что строки «Я не смолчу, не заглушу боли, Но начерчу то, что чертить волен» по смыслу не просто близки, но чуть ли не прямо повторяют те, что выплеснулись у него в 35-м, после первого ареста:

È è ò è à ì á í ÿ ì í ð è, ð à ç á á á
à è ð à ç è à ò à
È à à à ì ò ì í á ó ì ð í à ì è è ù ì ò á á í í è ç à ì è è,
× á á á á í à è è ì ì ù á í? Á è á ì ò ÿ ù á á ð à ì ÷ à ò ÷:
Á ó á ó á à è ÿ ù è è ÿ ì ò ì ÿ ò ù á í í á ì í à è è.

Контраст между этим началом стихотворения и финальными его строчками – разителен.

Я говорю не столько даже о смысловом, сколько о художественном, поэтическом контрасте:

È í à è à ò è ò í è à ì á í ú ò è à ò ì ò á ÿ,
Í ð ì ò à è à ì ò è ò ì á è í è à ð í ç í è È á í è í,
È í á ç à ì è á ÷ ò ì è ç á à è è ò ò è á í ù ÿ,
Á ó á à ò á à è ò ù ð à ç ù ì è à è ç í ù Ì ò à è è í.

Í ð à è à ð ò ÿ è ð è í à è ù ù á ì ò ð í è è á ì á á í á í è è ì ì ð à à ù á ó ù è ì è í á ì ò ì è ù è í à à è á ò à ì, ÷ ò ì ò à è à ÿ è ì í ò ì á è à è ç ò á à ì á í í è è í ì à è è ì ò è ò ì ò á ð à ì è ÿ í á á ì ò à è à ò, ì è í è ù è í ò à ì, ÷ ò ì í í è - í è è à è è á, í ò ì ò ù á, í á í á ì í è í á í ù á × ò ì, è ì ò à ò è ì è à ç ò ù ì, í í à ò à à ð à è à à ò ì ÿ á à ð ì è á è, ì ì à è à ì ì í è í ò ì ð í è ó Í á í á à è ù ò à ì á á ù è à ð à è, í ð ì ò è á ì í í è í à è ú è í í ì ì ù è ò, à à ð è á ì ò í í ì è á á í á è, è ì í ò ì á ì ÷ í è ì ò ð ð í è è: «Á ó á à ò á à è ò ù ð à ç ù ì è à è ç í ù - Ì ò à è è í.»

Н.Я. Мандельштам в «Книге третьей» решительно утверждает, что истинным является именно этот вариант. Вот ее комментарий:

Υ.Α. Ζούκοβιτς: «Ἰ ἀπὸ τοῦ οὐρανοῦ ἔρχεται ἡ ἀνάστασις τοῦ Στάλιν»

И, тем не менее, в строку: «Будет губить разум и жизнь Сталин», в это – «губить» – как-то не верится.

Во-первых, трудно представить себе, чтобы тогдашнее отношение Мандельштама к Ленину и Сталину было на интеллектуальном и политическом уровне будущих решений XX съезда. Противопоставление «плохому» Сталину «хорошего» Ленина – не в его, не в Мандельштамовом духе.

Ну, а кроме того, такая поправка дела совершенно не меняет. От замены апологетического глагола «будить» на разоблачающий «губить» стихи лучше не становятся. Даже наоборот. Легкость, с какой строка заменяется другой, прямо противоположной по смыслу, лишь ярче оттеняет искусственность, неподлинность, мертворожденность этого концевочного четверостишия.

***

Для того чтобы попытка прославления Сталина удалась, у такого поэта, как Мандельштам, мог быть только один путь: она должна была быть искренней. Он должен был найти в своей душе хоть маленький уголок, хоть крошечный закоулок, не выходя из которого, можно было бы убедить себя, что Сталин – не только палач и тупица, играющий «услугами полулюдей», «тип паразита» и «воплощение нетворческого начала», но и человек, с которым связаны какие-то светлые надежды.

Точкой опоры для мало-мальски искренней попытки примирения с действительностью сталинского режима для Мандельштама могло быть одно только это чувство: надежда. Прежде всего, надежда на перемены.

Конечно, в такой надежде всегда есть какая-то доля самообмана. Поэт на то и пророк, чтобы беспощадно прозревать бесплодность, безусловную обреченность такого рода надежд. И все-таки, по исконной человеческой слабости, он хочет надеяться на перемены.

Если бы это была только надежда на перемены в его личной судьбе, тут была бы только слабость, но еще не было бы самообмана. Но по самой природе своей души озабоченный не только личной судьбою, поэт пытается выразить некие общественные надежды.

И тут-то и начинается самообман, самоуговаривание:

Á í ààíæää ñëààù è àíàðà
Àëÿæó àí' àðàü ý áàç áíÿçí è:
Í à: àéí ñëààí ùó àí àé Í àò ðà
ì ÿòàæè è èàçí è.

Так уговаривал себя Пушкин.

Его «Стансы» не были ни предательством, ни даже отказом от своих убеждений, так как в них содержался некий «урок царям», некий совет, а цари, как известно, не очень любят, чтобы им давали советы. Особенно такие:

Ñàí àéí ùì ñòàíòàíì áóàù æá à ðà;
Áí àñù áóàù ì ðàùòòò ì íàíàáí:
Èàé ìí, í àòò ì èì è òààðà
È ì àì ÿòùò, èàé ìí, í àçéíàáí.

В совете этом была даже известная смелость, но был в то же время и некий моральный компромисс. Что ни говори, все-таки «казни», омрачившие начало царствования того, к кому обращался Пушкин, – это были не просто какие-то абстрактные казни. Казнили людей, с которыми поэт был хорошо знаком, прятельствовал, а с иными был даже связан самой искренней и нежной дружбой.

Забегая несколько вперед, отметим, что стихи, отразившие первую искреннюю попытку Мандельштама примириться с действительностью сталинского режима, тоже были «Стансами». Не исключено, что в самом выборе поэтической формы содержался намек на родство этих его «Стансов» с пушкинскими, то есть – на то, что эти его стихи являют собой некий компромисс, что примирение его с действительностью хотя и искренно, но в то же время продиктовано давлением каких-то внешних сил.

Впрочем, суть не в этом.

Важно то, что спустя более чем столетие после своего появления на свет, пушкинские «Стансы» вдруг вновь обрели неожиданную актуальность.

За четыре года до того, как Мандельштам написал свои «Стансы», другой поэт – Б. Пастернак, отнюдь не побуждаемый никакими внешними силами, написал стихи, откровенно перекликающиеся со знаменитыми пушкинскими:

Ñòíëàòùù ñëéóí èì - í à à: àðà
À ñëà ì ðàéíÿÿ à ñàéàçí á
Á í ààíæää ñëààù è àíàðà

*Æÿãàòü í à áàù è áàç áíÿçí è.
 Õíò àòü á íò èè-üá íò ðèüüà
 Á áñ ñóüáñò áí ááí üá èðàò èíí,
 Òðóáá ññ áíáí è ññ íáüà
 È çàíáí í ñ í ðááí í ðÿáèí.
 È ò íò æá ò íò-áñ æá ò óí èè
 Í ðè áñò ðá-á ñ òí ñò ááí í í ð èáí ü ð,
 È ò á æá áíí è ñè è ç èí èá
 È ò áò æá ÿð ññ í ñò ááèáí üá..
 Í í èè òü ñáé-áñ ñèçàòü í í ðá,
 Ááèè-üüü áíÿ ñòááí áí üá ðáçí ÿ:
 Í á-áèí ñèááí üò áí áé Í áò ðá
 Í ðá-èèè í ÿò áæè è èáçí è.
 È ò áé, áí áðüü, í á ò ðáí áüà
 È ó á æáÿñíí í áðáèè æéü ð,
 Í í èá òü æèá è í á í í üá,
 È í ò ááá í á í í æ áè áèè.*

При всем очевидном и нарочито подчеркнутом оптимизме финала, при самом искреннем желании автора признать «величье дня» нынешнего, при столь же очевидном намерении его повторить, применительно к новым обстоятельствам, то, что столетье назад сказал Пушкин, стихи эти гораздо менее определены, менее однозначны, нежели пушкинские.

Пушкин прямо говорит, что в надежде славы и добра он глядит в будущее без страха.

Пастернак говорит совсем о другом. О том, что есть огромная сила в соблазне смотреть на вещи так, как смотрел Пушкин. Он говорит: я бы тоже хотел смотреть в будущее без боязни. О, как бы я хотел! Как бы это было хорошо, если бы я мог, подобно Пушкину, не считая это соблазном, глядеть в будущее без страха, верить и надеяться!

Собственно говоря, стихи Пастернака – это плач о невозможности для него такого взгляда. Поэтому самоуговаривание в его стихах звучит гораздо обнаженной и трагичней, чем в пушкинских.

«Итак, вперед, не трепеща!» – это окрик, понукание самому себе. И это признание того, что в душе он трепещет, чувствуя, зная, что рано или поздно все кончится недобром.

Почему же все-таки так велик соблазн надеяться, что все будет к лучшему в этом лучшем из миров?

Прежде всего, по извечной человеческой слабости. Той естественной и неодолимой слабости, которую Владислав Ходасевич назвал священной.

Свою статью о пророческом и потому извечно трагическом призвании русского писателя он закончил так:

«И все-таки, если русским писателям должно и суждено гибнуть, то – как бы это сказать? Естественно, что каждый из них по священной человеческой слабости вправе мечтать, чтобы чаша его миновала. Естественно, чтобы он, обращаясь к согражданам и современникам, уже слабым, уже безнадежным голосом все-таки говорил:

– Дорогие мои, я знаю, что рано или поздно вы меня прикончите. Но все-таки – может быть, вы согласитесь повременить? Мне еще хочется посмотреть на земное небо...»

(Αἰσθητικὴ ὀφθαλμικὴ. Ἐπιταφίῳ Ἰούλι)

Слабость эта действительно естественна и священна.

Впоследствии Пастернак напишет стихи о человеке, знающем, что «неотвратим конец пути», и все-таки умоляющем: «чашу эту мимо пронеси». Нет, он не откажется от своей трагической миссии. Он скажет: я давно уже знаю, что мне предстоит, «и играть согласен эту роль». Он только попросит: «Но на этот раз меня уволь!» («Гамлет»).

Но все это будет позже, когда для надежд уже вовсе не останется места. А пока еще только 1931 год. И он еще надеется. Вернее, хочет надеяться.

Эта надежда – не только на благополучный исход собственной его судьбы, но и на то, что для и страны тоже тяготившие его душу казни еще, быть может, обернутся счастливым исходом, – именно она, эта надежда, наверно, и заставляла его так страстно желать встречи со Сталиным, чтобы поговорить с ним «о жизни и смерти». То есть – об этих самых казнях.

«... Он начал сам звонить в Кремль и умолять телефонистку соединить его со Сталиным... Ему отвечали, что соединить никак не могут, “товарищ Сталин занят”. Он же беспомощно и взволнованно доказывал, что Сталин ему только что звонил и они не договорили, а это очень важно!

Взволнованный и возбужденный до крайности, он забегал по своей коммунальной квартире и всем встречным соседям говорил: “Я должен ему (т.е. Сталину) написать, что ВАШИМ ИМЕНЕМ ДЕЛАЮТСЯ несправедливости; вы не дали мне высказать до конца – ведь все неприятности, сейчас происходящие, связываются С ВАШИМ ИМЕНЕМ, ВЫ ДОЛЖНЫ в этом разобраться...”

Такое письмо действительно было им отправлено».

(Ἰούλι Ἐπιταφίῳ. Ἄρτι)

ἡ Ἄρτι ἐστὶν Ἰούλιος ἀεί. Ἀἰεὶ ὁ ἀδὴν αἰε. Ἰ., 1992. Ἰ. 81)

Он действительно верил, что его встреча со Сталиным, если бы она состоялась, имела бы огромное значение не только для него, Пастернака, но и для Сталина. И не только для Сталина, а для судеб страны, а может быть, и всего человечества тоже.

Именно поэтому и настаивал так на своем желании поговорить с вождем «о жизни и смерти». И не только тогда, в 1933-м, когда состоялся тот провиденциальный разговор, но и спустя двенадцать лет, рассказывая о нем Исаяе Берлину, повторял, что несостоявшаяся эта встреча и так и не состоявшийся этот его разговор с вождем о космических поворотных пунктах в истории, если бы он все-таки состоялся, безусловно стал бы событием огромного исторического значения.

***

Очень трудно человеку жить с сознанием, что вся рота шагает не в ногу и один только он, злополучный прапорщик, знает истину. Особенно, если «рота» эта – 160-миллионный народ.

Очень мучительно ощущать свое социальное одиночество, очень болезненно это чувство отщепенчества, даже если в основе его лежит прозорливость, ощущение безусловного знания истины.

Очень естественно для нормального здорового сознания хотеть – «труда со всеми сообща и заодно с правопорядком».

Оставалась другая возможность: сознавая неспособность стать таким, «как все», ощутить эту свою «странность» как некую избранность.

Но это сознание своего избранничества появилось у Пастернака гораздо позже. А тогда, в 1931 году, он не столько утверждал свою правоту, сколько оправдывался:

*È ðàçàÿ íà ì àðííííÿòèèàòéíé,
Í à íàààð, íà ííàíí àðíííííáé?
Í í èàé ì íà àíòóííí íáé àíííííð èèàòéíé?
È ñ òàì, ÷òí àíÿéíé èííííòè èííííáé?*

Перед кем он оправдывался? Уж конечно, не перед теми, кто мог заподозрить его в нелояльности, в недопустимом для советского человека пренебрежении к всенародному обязательству выполнить пятилетку в четыре года.

Он оправдывался, пытаясь доказать всем и, прежде всего, самому себе, что, раздираясь противоречиями, он озабочен соображениями высшей, мировой справедливости. Он убеждал себя, что некий нравственный закон, управляющий его душой, велит ему отказаться от себя, дабы «счастье сотен тысяч» предпочесть положенному на другую чашу весов «пустому счастью ста».

Когда-то, давным-давно, Мандельштам написал, что поэт ни при каких обстоятельствах не должен оправдываться. Это, – говорил он:

«Í àí ðííòèòàéíííí! Í àáííííòèèí í àéÿ ííÿòà! Áàèííòàáíííá ÷àáí íàéíÿ íòííòèòó! Áàáííí ííÿòèÿ àíòóíííííí àí èà ííííáé ì ðàáíòó.»

(Í. Í àí àáéííòèòàì.

Í ííàáííííééà 1913)

Пастернак оправдывался, и это значит, что у него не было тогда сознания своей правоты. В лучшем случае было сознание своего права оставаться самим собой, невзирая на свою неправоту. Права, обусловленного странностью профессии, вакансия для которой в данную историческую эпоху, к несчастью, опасна, если не пуста. Отступаться же от этой профессии он не хочет, да и не может в силу некоторых специфических особенностей своей духовной конституции.

***

В отличие от Пастернака у Мандельштама «сознание своей правоты» было уверенным, абсолютным, непримиримым.

Людам, начитанным в мемуарной литературе о Мандельштаме, это утверждение может показаться более чем сомнительным. Многие близкие к нему современники нередко утверждают прямо противоположное:

«...Í í-àéàèí íí ó, àéÿ íàáí àíé íèèáí ííàéàçí óááíííàòó à íàóó íòèèòàéíííí ðð èàáíéííáð, í ðèíÿòó àííí óèàííí, èàéèí ííà íèóàéèèà óèðí íé, è àíòàòó à ðÿáí àéòèáííóò àíòóííá çà àíèèéèà èààè è çà ì ðàèðáííí íà ííòèàéèííòè-àíèíá àíííííáí Áíòí-àí, òàí àòè-àíèíé óááéááí ííòè à ííííáé ì ðàáíòà ì ðèÿòèð çàíèííéàò ó íàáí íà àíéí... В íà íííí íàááðíííí ÷òí àíèè àíÿ ðàçéí ðàçííííííí ñ íéí àÿòèò íàéàíòóÿ»

Îñî Î áí ääëüòàì : «Î ïÿçÿ äñòüñçí áí èá ññíæ í ðäáí ò ù».

Судьба его фактически уже решена, а он всё продолжает свое «правоверное чириканье», что-то такое плетет насчет того, что в него верят, и из последних сил уговаривает себя: «Ничего, ничего, не страшно!»

Какое уж тут сознание своей правоты!

Но это всё – пока не требует поэта к священной жертве Аполлон.

В стихах Мандельштама (до катастрофы, о которой речь впереди) нет и следа этого «правоверного чириканья».

В тот самый год, когда Пастернак «мерился пятилеткой» и самобичевался, проклиная свою интеллигентскую косность, Мандельштам открыто провозглашал готовность принять мученический венец:

Î íá íà íéá: è èèääòñÿ äæ-äí èéíäää

Î í íá äí èé ÿ í î èðíæ ññíæ,

Çäí èðæè à áÿ èó: óä, èæ èðäí èó, á ðéèää

Ääðéé èðäü ññíæ ðñèèò ñò äí æé, -

× òíá íá æääòü í è òðñä, í è ðéèí èí é äÿçüü,

Î è èðíääüò èíñòæ ä èí èäää

χολά τρυφέ ανρ ίί-ύ αέούά ί ανύ

Ί ίά ά ταιέ ί άάί άύ ό ί έ έ άά

Сегодня отличие чувства, выплеснувшегося в этих стихах, от того, что вылилось у Пастернака в его перифразе пушкинских «Стансов», очевидно. Но современниками два эти стихотворения воспринимались как выражающие одно и то же чувство, одну и ту же реакцию, одно и то же категорическое неприятие «века-волкодава».

Особенно ясно это выразилось в стихотворении молодого ленинградского поэта Вольфа Эрлиха – того самого, с кем в конце жизни сдружился Есенин и к кому он обратил свое написанное кровью предсмертное восьмистишие.

Стихотворение Эрлиха появилось в январском номере «Красной нови» за 1933 год. Называлось оно: «Отступление в повесть».

Особенно резко, я бы даже сказал, пренебрежительно расправлялся в нем молодой поэт с Пастернаком. Но мимоходом досталось и Мандельштаму:

Απύ άά ί ό έ: η ί ό έ άά έ έ ί ά ά ύ ύ,

Αά ό ά ά ά ά ά ά ά ά ά ά ά ά

Έ έ έ ύ ύ ί ί έ ί ά ά ά ά ά ά ύ ύ ύ,

Έ ί έ ά ά ά ά - ά έ έ ύ ά ά ό ί ί ά ά έ

Ί ά ά ά ά ά έ έ ί, έ ά ά ά ά ά ά ά ά έ

Ά ί έ ά έ ύ ύ η ύ ό ά ά έ ά έ ύ ό ά ά,

χ ό ί - ά ά ά ά ά ά ά - ί ά - έ έ έ έ ά ά έ

Ί ά - ά έ ί έ ά ά ί ύ ό ά ί ά έ Ί ά ό ά ά

«В андр» - ά ά ά έ ό ύ ί ά ά ά,

Ί ά ό ύ ί ά ά έ έ ύ ύ ί έ ά ά ά έ ά ά ό ύ

Έ ό ί ά ά ά έ ό ύ ά έ ά ά έ ά ά андр,

Έ ό ί ά ά ά ό ύ έ ί ά ί ί ύ ό ύ

Стихотворение Пастернака «Столетье с лишним, не вчера...» и мандельштамовское «Мне на плечи кидается век-волкодав...» выносятся тут за одни скобки как неприемлемая для автора, бесконечно чуждая и даже враждебная ему единая жизненная позиция двух «контриков».

На самом деле, однако, разница между отношением Пастернака и Мандельштама с «веком», в котором им обоим выпало жить и творить, была огромна.

В отличие от Пастернака Мандельштама ощущение своего социального отщепенчества не пугало. Наоборот. Оно давало ему силу, помогало утвердиться в столь необходимом ему сознании своей правоты. Демонстративно, запальчиво славил он все то, чего у него никогда не было, лишь бы утвердить свою непричастность, свою до конца осознанную враждебность «веку-волкодаву»:

В ί ύ ανρ ά ά ά ί ύ ά ά ά ό ύ, ά ά ά - ά ά έ έ έ έ ί ά ύ:

*Çà ááðñéøø øóóó çà áñò ï ó çà ææ:ü ï áò áðáðñéñáñ áí ý,
Çà ï óñéó ðñáí ðáñéñéø, ï ïéæ Áéèñáéñéø ááí çéí,
Çà ðñó á éááéí á ðñéñ ðñéñ è ï áñéí ï áðæñéø éáðòéí...*

Если скользить по поверхности смысла, это очевидное отличие Мандельштама от Пастернака единственным своим источником имеет разницу политических взглядов. Возникает предельно ясная в своем убожестве схема. Пастернак всем сердцем сочувствовал социальному эксперименту, начатому в октябре 1917 года, он верил в нравственную непогрешимость революции. Отсюда его готовность к самобичеванию, к «перековке». Мандельштаму революция не нравилась. Ему нравилась барская шуба. Он был дипломированным лакеем крупной буржуазии, о чем смотри подробно в книге А. Волкова «Поэзия русского империализма» (М.: Гослитиздат, 1935). Демонстративно подчеркнутое желание пить «за рыжую спесь англичанок и дальних колоний хинин» как будто бы сообщает этой примитивной схеме дополнительную убедительность.

Но стихи, как, впрочем, всякое эмоциональное высказывание, ни в коем случае не следует понимать прямо, тем более – буквально. Не только в стихах, но и в жизни человек часто утверждает нечто прямо противоположное тому, что чувствует.

Вспомним конец стихотворения:

*В ïñø, ïí áñá íá ï ðéáóí æé: èç ááóó áñáðòáø ïáíí:
Áññéñá áñò è-ðñ óí áí òá èéü ï áíñéñáñ çáí èá áéíí...*

«В áñá íá ï ðéáóí æé» - ýòí ááüü íá çíá:èò, ÷òí ïí áñá íá ðáøéé, èáéèí èí áííí áéííí ï áíñéñéòü áíéáé, ï ðñáí çñéáøáý òíñò çà ááðñéøø øóóó è ðñó á éááéí á ðñéñ ðñéñ. Ýòí çíá:èò: «В íá ï ðéáóí æé, ÷òí áñ òáéñá ááí áñá ðñáðòü!»

Конец стихотворения обнажает правду: все сказанное – сказано в запальчивости. На самом деле, не было в его жизни ни барской шубы, ни роллс-ройсов, ни всех прочих аксессуаров той жизни, за которую он «плет», ни даже вина, которое он мог бы за все это выпить.

Кстати, о шубе.

«Øóóá èç “Áñò ð” ðáýçáí á ð çáááíí üí èí ðéááí òíí. Á èíí óá 20-ò ðñáíá ïáíá ááéññ ïæíáý, á ïíòíí ïíáéøáý ááí á æáéñáéáññí Ýí ï á Ááðòáéí, ÷òí ï. áññáá èáçáéñý æé ðñáðòáííí ÷æáñíí ÷áéñáéñí - ïíá ï ïé, íá ï ïæò çáñóóç á éáéñé øééáðñé øóóá ïí ðáçñééááé ïí ï ïñéáá á íá:áéá ï ýíá.. ï ï ðñéñéñ áñí óéé. Øóóó ýòóñ ïéá: éáéñá-òí áñý:èá ï ï èóí èéé íá ááçáðá á Øáðñéñáí - ðñæéé, áñéáøéé áííò, çáí áðæááø ðééñý ï áí ïáñáéá ðññí.»

(Ï ááæáá ï áí áñéñéòáí. Áññíí èí áíéý)

Нет, я не собираюсь доказывать, что Мандельштам не был «певцом русского империализма». Сегодня в такого рода доказательствах, к счастью, уже нет нужды.

Я хочу лишний раз подчеркнуть, что в действительности Мандельштам сочувствовал нравственным и даже политическим целям русской революции во всяком случае ничуть не меньше Пастернака. Лозунги пролетарской революции имели для его души, быть может, даже большую притягательность:

*Øæáéé ý ï ðáááí ïíçñóñíí óçññéñáñø -
Áññáñí áðñáð ýáéñéñí ï ïðç -
Ï ðéñýáð ÷óáíøø ÷áð ááðòíí ó ðññéñáñø*

È eëyò ài eòóí í úá ài ñéá?

Да и как мог он чувствовать иначе! Ведь он был потомком «разночинцев», которые «рассохлые топтали сапоги», – плотью от плоти тех российских интеллигентов, которые давным-давно истоиво ждали этого часа.

Нет, разница между Мандельштамом и Пастернаком была не в том, что они по-разному относились к революции.

Они по-разному смотрели в будущее. Пастернак еще на что-то надеялся. Он не хотел верить дурным предчувствиям. Он готов был усомниться в своей правоте, успокаивая себя нехитрыми доводами, напоминающими известное рассуждение Васисуалия Лоханкина: «А может быть, так надо? Может быть, именно в этом и есть великая сермяжная правда?»

Мандельштам не мог заглушить доводами разума то, что знало его сердце.

Пастернак жил тоже не на Олимпе. Его тоже преследовал образ «кровавых костей в колесе». Иначе не было бы нужды «утешаться параллелью», вспоминать о начале «славных дней Петра».

Но для Пастернака петровская дыба, призрак которой неожиданно воскрес в XX веке, была всего лишь нравственной преградой на пути его духовного развития. Преградой чисто абстрактной. Вопрос стоял так: имеет ли он моральное право через эту преграду переступить? Ведь и кровь, и грязь – все это окупится немислимым будущим братством всех людей!

Душе Мандельштама плохо давались эти резоны, потому что в качестве объекта всех пыток и казней он неизменно пророчески видел себя. Не кому-то, а именно ему кидался на плечи «век-волкодав». Не чьи-то, а именно его кровавые кости хрустели в пыточных застенках.

Эта безысходность, завладевшая сердцем поэта, была рождена предчувствием не только физической гибели. Еще страшнее было то, что несло гибель его душе, делу его жизни – поэзии:

Í áéíáúá éí éæ ÷ è ò à þ,

Í áí úéí áúá ðá ÷ è éí áé þ

È áñ çí í á áà þ ð è è - á à þ

È ó è à ö è í ò í à þ í í þ.

Может ли найтись для поэта перспектива более жуткая, чем:

Í ð è ñ á è è ò í à ð è í è ú ú í é

ñ è à ì á é é á

Ó ÷ è ò ú ù á á á ò à ò ú í á è à ÷ á é.

Что касается этой, последней угрозы, то ее Пастернак видел, пожалуй, с не меньшей ясностью. Тут он был пронизателен ничуть не менее Мандельштама:

À ñ ç á è, á ç à ð á á é á á ú á

È á á á è è ñ ò - é í ò á é è é á ú ò

Í á ÷ à ò á è í è ñ è í é á è à ò ú

Í ð í ð á á ñ ñ ò ú ñ á í á ñ ç à è à ò à

Самому Пастернаку, при всей его проницательности, тоже не чуждо было это мазохистское стремление славить «радость своего заката»:

Аїѳ æèçıüÿ áúòüõıòæ, èæé áñ,

Í î áæ á ñáæ éðáñ

Ñèüñ áá î íáñ íúòüÿ

И хочет быть, как я.

«Нитье» – это уже словечко советского лексикона. К нему так и просится эпитет – «интеллигентское».

Желанье быть «как все» естественно трансформировалось у Пастернака в комплекс интеллигентской неполноценности. А отсюда уже так близко было до «комплекса советского человека», до святой и простодушной веры в правоту «века-волкодава».

Мандельштам не хотел быть «как все».

И ОДИН В ПОЛЕ ВОИН

А. Евдеев

Решения – пусть и неожиданные – принимались легко, осуществлялись запросто, будто играючи.

«Мы думаем... – начал Марк Щеглов загодя подготовленную речь, но вдруг сообразил: нужды в ней нет, и, оглянувшись на меня, закончил просьбу: – Вам, Жора, следовало бы перебраться в Москву».

«А где поселюсь? Где стану делать свою игру?»

«У меня», – словно про что-то безусловное кинул я, еще не подозревая, что «делать свою игру» – одно из любимых выражений Владимова.

Выдержав короткую паузу, тот кивнул.

На дворе – середина пятидесятых. Неясное превышает ясное, но не душит надежды. Охота к перемене мест естественная. Только что завершился семинар молодых критиков. Близоруко прищурясь, руководительница группы грозила Щеглову пальцем с наманикюренным ногтем: «Вы бомбочка, товарищ Щеглов, бомбочка...»

Разговоры об атомной бомбе были в ходу. Но наречь Щеглова, инвалида на двух костылях, «бомбочкой»... Даже по тем сумбурным временам это был явный перебор.

Творческий багаж ленинградца Георгия Владимова составляли несколько статей; на страницах одной из них исследовались женские образы в драматургии А. Софронова. Смехотворность самой идеи избавляла статью от чрезмерного внимания читающего начальства и подозрений насчет автора в том, что он «бомбочка». Но едва ли не каждый из семинаристов, прочитавших первые критические творения молодого ленинградца, видел, что тот куда умнее их. Когда ждали его слова, вставал, пожимал плечами и садился. Мы со Щегловым заметили непохожесть этого парня на остальных, явное его нежелание заводить с кем-нибудь компанию. Хотя нам и в голову не приходило, что такова одна из устойчивых черт характера Георгия Владимова, родившегося в Харькове в тридцать первом году.

Не поручусь, правда, что он уже тогда был Владимовым, а не носил отцовскую фамилию Волосевич.

Отец, посланный в начале войны строить оборонительные сооружения, попал в руки к немцам и погиб в концлагере.

Об этом и еще кое о чем мне предстояло узнать, когда через неделю после нашего «судьбоносного» разговора Жора с потрепанным чемоданом вырос у меня на пороге и расположился под моим кровом. То была комната метров пятнадцати в коммуналке дома на Садовом кольце, что напротив кинотеатра «Форум». Дом этот начали строить ударники первой пятилетки, продолжили энтузиасты второй; в войну над ним трудились немецкие пленные, после войны – японские. Свыше трети площади дома занимали коридоры...

Владимов флегматично воспринял мою информацию и подошел к окну с видом на Самотеку.

Два окна позволили разделить комнату книжными полками пополам едва не до двери. Борис Слуцкий признал эту планировку почти гениальной. Не отличавшийся восторженностью Жора повода для восхищения не обнаружил. Однако, подобно Слуцкому, поинтересовался: не последний ли этаж? Утвердительный ответ заставил его поморщиться. Считалось, будто жилье на верхотуре прослушивается с чердака.

Прослушивание, слежка, перлюстрация относились к расхожим темам Владимова. Благо с ними он уже соприкоснулся. Сперва после визита к Зощенко, потом после ареста мамы. Тайны из своих злоключений не делал, но и не афишировал их.

В первые же дни совместной жизни я получил минимум биографических сведений.

Оставшись вдовой, его мама (у меня сложилось впечатление о спаянной интеллигентной семье, обездоленной после гибели главы) перебралась с сыном в Ленинград, поступила учительницей в Суворовское училище. Жора обрядился в форму суворовца. Однако спустя какое-то время мать арестовали, инкриминировав ей «антисоветскую агитацию и пропаганду».

Из провинциального, надо полагать, простосердечия она поделилась с подругой предположениями об антисемитизме Маленкова. Не подозревая, что ближайший соратник вождя выше подобных подозрений. Подруга же передала это мнение в соответствующие инстанции. К «пятому пункту» маме добавили лагерный срок. Сын нанялся портовым грузчиком и «без отрыва от производства» продолжил образование на заочном отделении юридического факультета. Как раз в эту пору он узнал запах слежки и радости не только наружного наблюдения. Один из новых знакомцев, тоже студент-юрист, только с очного отделения, пригласил Георгия к себе домой и, тушуясь, признался: ему поручено информировать, кого следует, о Жориных мыслях и настроениях. Жора реагировал неожиданно. Потирая руки, предложил великолепный выход. Доносы они станут сочинять сообща. И тут же, экспромтом, продиктовал первый. Расписывал собственный патриотизм, безмерную любовь к партии и правительству.

Попав в Москву на семинар молодых критиков, будучи уже автором нескольких журнальных и газетных статей, он решил, что с доносами на самого себя можно будет «завязать». Поэтому, полагая, не ломая голову, принял наш со Щегловым проект передислокации в столицу. Что такое литсотрудник районной газеты, он уже знал. А что такое литератор, живущий на вольных хлебах в Москве, ему еще предстояло изведать.

Поначалу мы убедились в обоюдной нашей неприхотливости по части пропитания. Мимолетные разногласия, возникшие на первом этапе, сводились к вопросам типа как целесообразнее подогреть консервированные бобы: в банке или на сковородке.

На двоих у нас имелась одна пишущая машинка, из трофейных, с перепаянным русским шрифтом (как раз на ней сейчас и печатаю), два стола (письменный и круглый обеденный), два лежачка (один раскладной), общий платяной шкаф. Мы пытались совместно делать то, что Жора называл «своей игрой». Не исключено, однако, что я сегодня какие-то подробности преувеличиваю, а какие-то приуменьшаю. Миновало – ни много ни мало – полвека.

В «Новом мире» (редакция еще размещалась в крыле старинного особняка в начале Малой Дмитровки) по достоинству оценили Жорины внутренние рецензии. Сотрудники журнала без труда убедились в мастерстве и вкусе рецензента, уже печатавшегося в «Театре» и в «Литгазете». Короче говоря, Георгий отнюдь не нуждался в поводе.

На гонорары от внутренних рецензий и разнообразных публикаций мы вполне сносно существовали, не чувствуя себя обделенными фортуной. В семье учителей, где рос Жора, как и в нашей семье, где отец, умерший в войну, всю жизнь врачевал, а мама учительствовала, господствовали скромные представления о жизни. Сначала отцовские брюки донашивал я, потом – младший брат. Нищета была привычным уделом служилой интеллигенции, и в «своей игре» Владимов менее всего уповал на весомый выигрыш.

Он держался не то чтобы замкнуто; скорее – безразлично к сущему. Ко многому, во всяком случае. Такое складывалось впечатление. Вел себя сообразно натуре. Не стремясь от чего-либо отказываться или что-либо навязывать. Однажды, бросив походя безобидное, на мой взгляд, словечко «анакорет», я услышал ответное: «Онегин жил анакоретом». Не желая оставаться в долгу, привел грубоватое двустишие: «Он прожил жизнь анакоретом./А на хрен это?»

Назвал автора – моего ближайшего друга (в ИФЛИ и в первые полтора года войны) Семена (Сарика) Гудзенко. Жора это имя знал и что-то проворчал касательно ифлийских стихотворцев, сдававших экзамены по Данте и Гете и сочинявших в духе Долматовского.

Мне ничего не оставалось, кроме как напомнить, что недавно умерший Сарик имел вполне определенное представление о фронте, полученное вместе с осколком в живот.

Жора жестом изобразил «хенде хох». Но все равно добавил пару слов по поводу лживой советской батальной литературы.

Если он и не имел тогда сколько-нибудь достаточно ясного представления о войне, кончившейся десять лет назад, то, по всей видимости, шел к нему, не испытывая нужды в Сусаниных. Хотя я с моим фронтовым опытом и высшим военным образованием мог бы, мнилось мне, что-то и подсказать. Однако Владимов не утаивал твердого желания пробиваться в одиночку. Тем паче что проблемы, не отпускавшие моего «углового жильца», так или иначе были сопряжены с трагической участью отца и его собственной, в двадцать с небольшим приобретшего статус сына «врага народа»...

Лишь однажды Георгий, словно разговаривая с самим собой и вдруг опомнившись, пробормотал: «Гудериан – это голова»^{*}.

Подробность не удержалась бы в моей памяти, если б не будущий владимовский роман «Генерал и его армия».

Задним числом припоминая тогдашние наши отрывочные разговоры, я менее всего хочу выстраивать некое подобие «жизни и творчества», не говоря уже о «своей игре», какую вел Владимов, далеко не всегда посвящая меня в очередные ходы.

Утром мы набрасывали дневные планы и решали, кто что купит. Сколько времени продолжалась такая наша жизнь, не берусь обозначить. Даже в ту пору далеко не все, относившееся к владимовской «своей игре», делалось мне известным. А кое-что из некогда известного просто-напросто забылось.

А. Аёääèí á Èííäö 1970-ö ää

Изменения в судьбе литератора, как и во всякой иной, совершаются случайно. Или вроде бы случайно. Смысл же их обнаруживается позже. Если обнаруживается.

Константин Михайлович Симонов был мастером таких, как бы мимолетных, ни к чему не обязывающих, а на деле весьма неслучайных реплик и вопросов. Например, первая дружеская фраза, услышанная мной от него, звучала дословно так: «Сейчас, дорогой Кардин, мы вас продадим...»

Сам тон свидетельствовал о дружелюбии и готовности в дальнейшем не продавать. Но «сейчас»...

Признав ошибочность какой-то моей новомирской статьи времен А. Твардовского, он отказался, однако, признать справедливость редакционного «подвала» в «Правде», где доставалось не

одному мне. «Продал», короче говоря, только меня. Вообще мои отношения с Симоновым, на которых скажется и его женитьба на вдове Гудзенко, – тема отдельная и сейчас – а может быть, вообще – не заслуживающая разговора. О Владимове он меня, между прочим, спросил в холле редакции «Нового мира», возглавлявшегося им после снятия А. Твардовского.

Вопрос Симонова звучал примерно так: надежный ли парень этот Владимов? Словно дело шло о секретной операции или о чем-то, граничащем с нелегальщиной. Мой вполне утвердительный ответ устроил К.М., по всей видимости уже принявшего решение после просмотра каких-то Жоринных статей.

Догадавшись, что в виду имеется штатная должность, я предупредил главного редактора: у Владимова нет московской прописки. Чем вызвал его снисходительную улыбку: это все, мол, уже просчитано.

Человек, изначально одаренный, но, по-моему, не лучшим образом распорядившийся собственным даром, он безошибочно почувствовал силу, своеобразие владимовского таланта и вознамерился использовать его во благо журналу, вместе с тем сознавая, пусть и не до конца, что совершает перемену к лучшему в жизни бездомного литератора с острым пером, способным неплохо послужить «Новому миру». (Жора как раз трудился над разгромной статьей об одном «классике на час».)

Владимовский успех на семинаре молодых критиков я, уже набравшийся мудрости, утаил, зная: Константин Михайлович пренебрежительно относится к подобным сборищам. «Охота вам тратить время?» – озадачил он меня когда-то. Для него, видимо, общественно значимая деятельность на благо словесности начиналась на уровне Секретариата Союза писателей. Тут он времени не жалел. И не жалел, кстати, красноречия, весной пятьдесят третьего провозгласив, что отныне главная цель отечественной словесности – запечатлеть образ великого Сталина.

Когда я передал Владимову свой мимолетный разговор с Симоновым, он напомнил мне об этой подробности.

Однако спустя несколько дней Владимов, явно преодолев некий внутренний рубеж и никого не посвящая в свои размышления, совершил знаменательный для себя шаг, вряд ли предвидя его последствия.

Заполнил в отделе кадров какие-то бумаги и в урочный час явился к месту работы в должности редактора отдела прозы «Нового мира», коим заведовал Б.Г. Закс.

Как надлежит вести себя молодому безвестному литератору, сподобившемуся получить штатное место в редакции самого популярного «толстого» журнала? Вроде бы все яснее ясно: являть пример рвения, трудолюбия и т.д. Владимов вел себя с точностью до наоборот. То была не поза, но позиция человека с очень определенным душевным складом и представлением о «собственной игре», о своем «одиноким месте» в событиях.

Побеседовав с Владимовым раз-другой, преодолев его неразговорчивость, вернувшийся в кабинет главного редактора Александр Трифонович Твардовский разгадал Жору лучше иных, знавших его годами (такие, правда, были наперечет). Жора рассуждал о «своей игре», оглядываясь по сторонам, подпирая редакционные стены, – на деле же исподволь совершалось нечто другое, начавшееся когда-то в пору гибели отца, ареста матери, преодоления бездомности, безденежья. Прессинга, неумолимого при слежке, соглядатайстве.

Но все это – полдела. Молодой парень, без поводыря вступающий в литературу (да и если бы с поводырем), шел, не всегда ощущая преодоление как процесс. И не только идей, текстов и моделей, получивших хождение в критике переломных пятидесятых годов.

Преодолению подлежали прочные вроде бы авторитеты, апробированные, быть может, даже канонические, образцы, в принципе достойные уважения, но вдруг явившие некоторую свою неуместность, чужеродность, а то и фальшь. Между тем то, что представлялось второстепенным, вдруг обретало новый смысл...

Процесс такой может течь безотчетно, а может стать осмысленным.

И если в прозе, да, в прозе, неопита вдруг прозвучит что-то неожиданное, даже чужестранное, – не беда.

Только бы не останавливаться. Не застревать в созерцателях. Не страшиться отвергнуть повсеместно принимаемое, уйти от обязательного одобрения или обязательного неприятия. Самому определять цену. В первую очередь – сделанному самим.

Сознаю невозможность документально доказать такой именно ход мыслей Твардовского. Но, зная его, пусть и не ахти как близко, в годы яростных атак на «новомирцев» (сотрудников и авторов), вчитываясь в его рабочие тетради, беру на себя смелость сделать подобное допущение. Оставляя за читателем неизменное право на несогласие.

Владимов не опаздывал на службу. Чем исчерпывал собственное прилежание. Сверх того не желал стукнуть пальцем о палец, меняя лишь свое местонахождение. Либо подпирал стенку в кабинете Закса, либо, покинув Бориса Германовича, – стенку в общем холле, сохранившем остатки былой роскоши. Перед глазами неподвижно застывшего редактора из отдела прозы проходили прозаики, поэты, драматурги, не догадываясь, что он за ними внимательно следит. Присутствуя, Владимов, как ему нередко было свойственно, словно бы отсутствовал, не стремясь приблизиться к редакционной кухне.

То была истинно владимовская деятельность – молчаливое наблюдение за людьми, создававшими тогдашнюю литературу.

Однажды он поделился со мной своими обновленными представлениями.

Да, засилье бездарей и конъюнктурщиков, не сомневающих в собственном праве на сочинительство, не скрывающих надежд на успех. Особенно в наступившие наконец дни. Этих дней, кто бы подумал, они ждали годами. И вот теперь...

Теперь-то они становятся объектами эпиграмм, которые вряд ли были возможны года два назад. Пример? Пожалуйста: «Писатель Николай Шпанов/Трофейных обожал штанов,/И толстых он писал романов/Для наполнения карманов».

Не прикасаясь к рукописям, ждущим редактора, Владимов продолжал начатую статью, громившую роман с претенциозным названием «Сотворение мира». Делал наброски впрок.

Он не мог, не хотел, аки надлежало, «раствориться в коллективе». Поскольку обладал высокой степенью нерастворимости.

Слушая Закса, заклинавшего меня воздействовать на Георгия, я и на короткий миг не подумал, что его благотворные идеи имеют смысл: слишком бессмысленно было бы давление. Тем более что не верил в напрасность позы, избранной Георгием. Отдававшая демонстративностью, она позволяла ему исподволь осваивать обстоятельства и обстановку. То есть делать то, что необходимо на стадии самоопределения, особенно важной для молодого литератора, верящего в реализм, видящего в нем вернейшее средство изучения и воссоздания действительности – даже когда многое в ней, по убеждению тех, кого нарекут «шестидесятниками», аномально. Он оказался в непосредственной близости к одному из эпицентров движения, еще не получившего названия.

Как-то, листая рукописи на столе Закса, Владимов задержался на одной, принадлежавшей перу автора, чье имя ему ничегошеньки не говорило: Владимир Дудинцев. Название было жирно зачеркнуто, поверх зачеркнутого стояло: «Не хлебом единым». (Закс слыл мастером по части названий.) Полистав объемистую папку, Владимов поверг Закса в смятение, выразив готовность редактировать роман. И, насколько я понимаю, не пожалел об этом. Хотя вряд ли предвидел последствия. А кто мог предвидеть?

...Лишившись дара речи, мы с балкона наблюдали зал. Тот самый Дубовый зал ЦДЛ, где недавно имело место писательское собрание, срезонировавшее на всю столицу. Вспоминая жертв репрессий, громко выкликая имена, большая часть аудитории дружно скандировала: «Никогда впредь!» Разъяренные вопли образца достопамятных лет я помню и по сей день. Популярная детская писательница раскрыла сокровенный замысел Дудинцева: «Он ждет прихода американцев! Они повесят меня на столбе вниз головой!»

«Это уже “двадцать два”, – наклонился ко мне Владимов. И после паузы: – Естественное для детской сочинительницы смещение».

С балкона мы следили за Симоновым, занимавшим на сцене стул подле Дудинцева, беззаботно болтавшего ногами, сохраняя вид полного безразличия и не реагируя на гнев народа. Симонов, получив слово, с истинным мужеством заявил: публикация романа «Не хлебом единым» вполне правомерна. Отвечает духу. Журнал гордится ею.

После перерыва погром продолжился. Дудинцев привычно махал ногой, вежливо отказываясь от приглашения выступить.

И тут Симонов, выдержав паузу, мужественно признал публикацию романа «Не хлебом единым» ошибкой. Своей личной ошибкой. Совершенной без малейшей поддержки коллектива.

Евдд ес е/о «Атёюау ддд».

Безымянные «шестидесятники» еще только становились на ноги, щупая почву, а именитый редактор «толстого» журнала уже уловил запах жареного. Я не шибко верил в симоновскую стойкость, но не думал, будто достаточно нажима в обеденный перерыв, и он, как некогда Владимов, сделает «женде хох». Та наша с Жорой пикировка не шла дальше отдельных имен и частных. Теперь же при свете софитов совершалось крупное предательство.

Возвращение Твардовского в кабинет главного изменило не только внутриредакционную обстановку, но и положение Владимова.

Симонов ценил в нем критика, набирающего вес. Сохранившего отрешенность, независимость от остальных. Это служило условием продолжения «своей игры» и, быть может, формой существования в редакции, по природе склонной сблизать людей безотносительно к личным чертам.

Александр же Трифонович каким-то сверхчутьем угадал в Георгии прозаика. Уверенный, что этот не раскрывшийся еще дар ему на роду написан. Никуда не денется. Скосив глаз, он не упускал из виду одиноко маячившую у стены фигуру. «Маячь, маячь, еще наездишься...» Маршруты не пытался угадывать. Но уже наученный опытом, пребывал в тревожном ожидании, чувствуя приближение того, что потом нарекут «шестидесятничеством».

Зав. отделом прозы, ограниченный чисто служебными возможностями, не решил бы вопрос о командировке единственного своего сотрудника в Курскую область, известную всему свету знаменитой магнитной аномалией, а мне лично – еще и по двум ранениям на Курской дуге. Беременного прозой Владимова не занимали ни аномалии, ни раны. Но ехал он с охотой, вернулся с многозначительной улыбкой. Закс, удовлетворенно прочитав рукопись, старательно вывел не ахти какое название.

Владимовская «Большая руда» публиковалась в 1961 году, в пору летних отпусков. Но сразу же была замечена. Как гласит одно из примечаний к собранию сочинений Владимова, «повесть принесла автору широкую известность и общественное признание». Могу добавить: была переведена на многие языки, выдержала испытание радио- и телепостановкой, кинофильмом, где Евгений Урбанский исполнял главную роль.

То было новое слово, не педалировавшее свою новизну. Побуждавшее вспомнить не отечественных спецов по изготовлению «производственной прозы», чьи имена, к счастью, не удержались в памяти, но писателей иного ранга. В рецензиях попутно промелькнул и Хемингуэй.

Если «Большая руда» принесла автору широкое признание, то повесть «Верный Руслан» сперва кочевала по Москве в рукописи, а потом (1975 год) была напечатана в эмигрантских «Гранях». Переведена едва не на все европейские языки и на иврит.

Между «Большой рудой» и «Верным Русланом» стоит владимовский роман «Три минуты молчания», встреченный единодушным негодованием советской прессы.

Безотносительно к погоде и ветру, задувавшему с разных сторон, официальная критика реагировала по команде. Как солдатский строй.

Своей прозой Владимов занял особое положение в тогдашней литературе. Его шестидесятничество абсолютно индивидуально и далеко не всегда совпадает с воззрениями других авторов, относимых к этой категории. Владимовский реализм неотступно внимателен к «мелочам», скрытым противоречиям, конкретной обывденной жизни, к миру, в который так или иначе погружен человек, ищущий выход, сугубо и н д и в и д у а л ь н о е решение. Да не только человек – вот что всего поразительнее, – но и герои «Верного Руслана» в окончательном варианте, подсказанном Твардовским. «Вы из него делаете полицейское дерьмо, – сказано было Александром Трифоновичем, – а у пса – своя трагедия...»

Трагедия пса и трагедия рыбаков из романа «Три минуты молчания», как и вся владимовская проза, пребывали то на грани так называемой «проходимости», то за ее пределами. В какой-то мере писатель продолжал линию «Большой руды», где с подлинной силой изображен драматизм существования людей, норовящих жить по законам, ими над собой принятым, а не навязанным свыше. Исходно вроде бы не враждебным и советской структуре, но принимаемым и ею в штыки. Отсюда и «шестидесятнический» стон, уловленный Владимовым: «Мы все – дети тревоги, что-то в нас мечется, стонет, меняется. Но больше всего нам хочется успокоиться, на чем-то остановиться душой, и мы не знаем, что как только этого достигнем, прибудем к какому-нибудь берегу, нас уже не будет, а будут довольно-таки твердолобые обыватели...»

Шестидесятничество Владимова, повторяю, отличалось от взглядов многих вроде бы единомышленников. Сохраняя изначальные воззрения и пристрастия, он оставался и впредь останется бесконечно индивидуален. Искал не обнадеживавшие приметы «социализма с человеческим лицом», но лицо самого человека, следил за его мыслью, ловил отдельные реплики, погружаясь в беды и неурядицы,

подкарауливающие людей. Устанавливая их порой парадоксальную связь с чем-то более общим, но внятным именно ему, часами покуривавшему в редакционном холле.

Если упустить из виду процесс вызревания каждого решения, поступка, слова, лежащего на бумагу, то можно утратить внутреннюю логику, связывающую их. Хотя все и по отдельности тоже было достаточно знаменательным. Вроде, скажем, письма писательскому съезду, где Владимов просил делегатов ответить, кто они – граждане, художники или холуи?

Однажды Твардовский со мной согласился, когда я уподобил Владимова знаменитому барабанщику – тому самому, что долго спал, но вдруг проснулся, перевернулся... и т.д. Впрочем, согласился напрасно.

А. Асәәәи іа һәәі іе І. Есҗі аәіәіе іа оҗдеәіәәі іі іәәә

іі һө:әһ әдә:әі еү і дәі еә Асәәәә а Оәі о дәәү іі әіі а әдде о әәө і дә

1995 әә

Владимову одинаково чуждыми оставались невозмутимость небожителя и то, что Борис Слуцкий именовал «мелкими прижизненными хлопотами по добыче славы и денег».

К судьбе его всерьез причастен человек, с редкой точностью определявший зрелость создаваемого им. Твардовский раскритиковал первый вариант не только «Верного Руслана», но и романа «Генерал и его армия». Не отличавшийся покладистостью автор, подавив самолюбие, досконально переработал обе рукописи. Тогда они и обрели вид, в каком впоследствии войдут в историю отечественной литературы. Что до «Верного Руслана», то лично я не теряю надежды на включение этой выдающейся повести в школьные программы...

Жизнь, однако, шла своим чередом. Мои сомнения по поводу грядущей владимовской женитьбы, естественно, не сыграли особой роли. Намеченные Жорой matrimониальные планы благополучно осуществились. Мы временами встречались, опрокидывали по сто – сто пятьдесят граммов, вспоминая уже далекие дни на Садовой.

Вторая владимовская избранница, Наташа (Наталья Евгеньевна Кузнецова), происходившая, коль память не изменяет, из цирковой среды, вызвала у меня самые добрые чувства и самые оптимистические надежды. Жора получил надежную сподвижницу и защитницу в житейских передрыгах.

Поселился в Филях, в квартире Наташи и ее мамы. Я раза два навещал их, радуясь за Владимова, дивясь его глубинному внутреннему постоянству. Но и филевской благодати, как водится, пришел конец...

Принятый в Союз писателей (минуя приемную комиссию) сразу после «Большой руды», Владимов в надлежащей мере не оценил оказанной ему чести.

После исключения из писательского Союза В. Войновича, Л. Копелева и В. Корнилова он заявил и о своем выходе из этой организации.

Подчиняясь собственным воззрениям, Владимов вел себя так, как полагал достойным, и – это особенно ставилось ему в вину – годами возглавлял московскую группу «Международной амнистии». Иными словами, как и прежде, «делал свою игру».

Ἰσκέεεαὐδέει Ἄ. Ἀεάει ἱαὶ ἃ διππεέπεεὸ αὐδὶ αἰαῶ. 1998-2003 ἄἱ

Ἰππεάιγῦ εἰεὶεὸ - ἱππ ἀδὶαῦ.

Но и государство, за которое погиб его отец, которое бросило в тюрьму его мать, продолжало нерушимо верить в свое бессмертие.

1 июля 1983 года Ю. Андропов подписал указ о лишении Г. Владимова советского гражданства и конфискации его квартиры в Филях.

Они с Наташей поселились в небольшом немецком городе Нидерхаузене, что близ Висбадена.

Георгий Владимов оставался самим собой. Писал. Вел общественную деятельность. И одержал победу. Ее вкус он почувствовал, когда, приехав в Москву, взял в руки том опубликованной на родине своей прозы и публицистики...

Самая значительная (начатая в Москве и оконченная на Западе) последняя вещь – роман «Генерал и его армия», где возобладал отнюдь не трафаретный подход к фронтovým коллизиям, к весьма и весьма сложным фигурам. За нападками сторонников мнения: на то и война, дабы кровь лилась, – дело, конечно, не стало. А уж касательно Третьей силы...

Повинуясь профессиональному и дружескому долгу, я напечатал в журнале «Знамя» статью «Страсти и пристрастия». Отметив ее премией, журнал выразил, как я понимаю, солидарность со мной.

Обретаясь преимущественно в Германии, ставшей для него воистину второй родиной, Владимов засел за автобиографическое повествование «Долог путь до Типпирэри». Ему не суждено было довести его до финала.

Этот этап, оказавшийся заключительным, мне известен меньше. Зато теперь доступно все, созданное Георгием. Доступна и его могила на переделкинском кладбище, вырытая неподалеку от могилы Пастернака.

- Ἀείῶ Ἀεάδει - ἱαεί εἰς ἐδὴἱάεεὸ ἄἱαδείτᾶ ἄἱδὶ αἰαῶ, ἱδεῖαἱαἱ ἡὸ εἱαεὶ εἰ ἱαἱαἱεἱ. Ἀἱ ἱππεάιγῦ «ῥαίεἱεε ππεάαὸ» αἱεεε αἱα ἱππεάιγῦ ἱ αἱ αἱαἱ ππεάαεεὸ αἱαἱα-αεἱεεἱ Νεῖτᾶ Ἄ. Ἀεάει ἱαἱ, αεάει ἱ, ππεάαὸ αεἱπὸ αἱαἱεε ἱ ἱα-αααἱ ἱπ «ἱδεδὸ-εἱαἱεε» ὀ ἱαἱ ἃ αἱεἱαἱ εἱεεὸ-ὀἱ ὀδἱἱἱαἱὸ εἱεεεεε, εἱεεὸ-ὀἱ αἱα ἱπ ὀδἱἱὸ ἱεἱἱἱ Ἄ. Ἀεάδει - ἱα ἱππεάιεε ππεάε ἱαἱἱἱαεεε αεάει ἱαἱεἱτᾶ ὀἱ ἱα «Ἀἱ αἱεε εἱ αἱ αἱεε».

еврейским же народом тяготеет какое-то проклятие, и он почти всегда усваивает чужое и новое не иначе как ценой отречения от старого, от самого своего исконного и священного».

Альтернативу бескорневому (и потому заведомо бесплодному) «прогрессизму» Венгерова видит в «гордой патриархальной жизни». С какой тщательностью и любовью она описывает жизнь в традиционном еврейском доме! Жизнь внешне простую (а для непонимающего «прогрессиста» и вовсе косную, о чем свидетельствуют многочисленные инвективы Шолома Аша, Шолом-Алейхема и других представителей еврейской литературы начала прошлого века), но исполненную высшего смысла, потому что отношения между людьми были производным от взаимоотношений человека со Всевышним. Насколько эта «консервативная» жизнь выглядит более осмысленной, чем метания модернизированных евреев, погнавшихся за призраками «прогресса» – «в христианство и обратно, и вокруг света»!

Но гордиться «своим», сохраняя открытость для всякого благотворного влияния «чужого», способна только элита – те, кто это «свое» создал, кто был призван его сохранять, приумножать и развивать. Для Полины Венгеровой, в ее модели мира, очень важным является понятие бас тойвим – «дочь ученого и религиозного человека», или «девочка из хорошей семьи» в вольном переводе с ашкеназского иврита. Традиционное еврейское общество, представленное автором «Воспоминаний бабушки» в качестве социального и культурного идеала, обладало развитым механизмом формирования элиты: состоятельные люди старались выдать дочерей замуж не за богатых, а за ученых. В свою очередь и дочери эти, «девочки из хороших семей», получали солидное домашнее образование – они уступали мужьям в знании Талмуда, но не в знании литературы и иностранных языков. Каждая новая «хорошая семья», возникавшая таким образом, была внутренне уравновешенной, гармоничной: отношения мужа и жены строились на принципах «равноправия» в исконном, не искаженном «идеями французской революции» значении этого слова. Хотя главной точкой приложения женских сил оставался Дом, женщина не была «порабощена» или «унижена»: она осуществляла активную общественную деятельность (Полина Венгерова, например, патронировала две школы по обучению ремеслам девушек из несостоятельных семей). Разумеется, женщина в такой семье на равных с мужем общалась с представителями нееврейской элиты. «Семья по Стриндбергу» возникла только с проникновением «прогрессивных идей»: не без злой иронии Полина Венгерова подмечает, что именно ревнители свободы-равенства-братства становились «величайшими домашними деспотами по отношению к женам, от которых требовали безропотного и безоглядного исполнения своих желаний». Гармония «хорошей семьи» была разрушена прогрессивными «мачо» (это единственный момент, когда «девочка из хорошей семьи» не сдержалась – и прошла по «плебейским рукам, вцепившимся в плод от древа познания»).

Слава Б-гу, Полина Венгерова не ответила на мужскую дурость дуростью женской и не превратила свою his-story в феминистскую her-story (видимо, чувство русского языка спасло от непристойности). Ее воспоминания – не история «борьбы-за-неотъемлемые-права», а история Народа. Читается на одном дыхании.

אי עֹדֶה יִדְרֵינָא

* עֲיֵתֶה עֵמֶלֶ (עֹדֵי.)

ПОИСКИ СОБЕСЕДНИКА

Ἐἰσαίαι Ἰ ἀὸ Ἰαῖεῖ-Θὸ ἀἰ.

Ἀαῖε ἀ ἰαῖεῖ ἀἰ ἐε: 1827-1914

Ἰ. : Ἰ ἰαῖ ἀ ἐεὸ ἀαῖ ὀδῖ ἰ ἰ ἰαῖ ἰαῖ ἐα

2003 — 556 ἰ

Книга американского исследователя Й. Петровского-Штерна посвящена военной службе евреев в российской армии и охватывает период в несколько десятилетий: со времени первого рекрутского набора в 1827 г. и до начала мировой войны в 1914 г. Как принято сейчас говорить, речь идет о встрече традиционной еврейской общины и русской армии, об обстоятельствах этой встречи и ее последствиях. Автор исследования утверждает, что рассматривает один «из особенно болезненных вопросов русско-еврейской истории XIX столетия». К этому можно добавить что таковым сей вопрос оставался вплоть до крушения старого миропорядка в феврале 1917 г. Своим исследованием Петровский-Штерн, по его собственным словам, решительно порывает с односторонностью, свойственной русскому военно-государственному взгляду и основанной на том, что евреи разлагают отечественную армию. Он заявляет также, что порывает и с изоляционистской еврейской историографией, с еврейской коллективной исторической памятью, воспринимавшей русскую армию как бедствие для еврейского народа, как место унижения и насильственного крещения. Напротив, считает историк, именно русская армия (в отличие от всех иных форм и способов преобразования евреев Российской империи) «последовательно воплотила в жизнь идею слияния (сближения) евреев и русского общества». Другими словами, именно царская армия была тем институтом, который, «исправляя» фанатичных евреев, выполнял цивилизаторскую миссию.

В первой главе книги изображена трансформация отношения евреев к службе в русской армии – от страха и ненависти в первые десятилетия после введения рекрутского набора до восприятия («даже самым традиционным из евреев») службы в армии как патриотического долга перед отечеством. С другой стороны, отношение к самим евреям во второй половине XIX в. в армии стало значительно более толерантным, считает автор. Петровский-Штерн опирается, в частности, на тот факт, что армия не принимала никакого участия в еврейских погромах 1881–1884 гг. Однако факт этот меньше всего может служить доказательством подобного заключения и скорее всего лежит за пределами рассматриваемого контекста. Из того, что воинские подразделения не принимали участия, например, в антиеврейских беспорядках в Одессе в 1821, 1859 или 1871 гг., никак не следует вывод о юдофильских настроениях местного воинского гарнизона. Сам же автор пишет о погромах, устроенных войсками в 1896 г. в Меджибоже и в 1897 г. – в Минске. Не говоря уже о массовом участии войск в насилиях над евреями в период первой русской революции и во время первой мировой войны.

Тем не менее, одна из несомненных заслуг монографии Петровского-Штерна – обращение к сюжету, крайне редко привлекающему внимание историков, – к еврейской традиционной жизни в русской армии: солдатским общинам, раввинам-капелланам, обществам самоуправления и к еврейскому образованию солдатских детей. Вслед за М. Станиславским опубликовавший и проанализировавший единственный прежде известный армейский пинкас (книгу записей общины) Петровский-Штерн ввел в научный обиход обнаруженный в знаменитой коллекции рукописей Ан-ского (хранится в Российском государственном музее этнографии в Санкт-Петербурге) пинкас общества «Шомрей Эмуна» («Хранители веры») Брянского полка, просуществовавшего не менее полувека (1843–1893). Проницательный текстолог, автор отмечает, что пинкас «обнаруживает два удивительных качества еврейских солдат: их традиционалистское упорство... и в то же время удивительную гибкость и умение адаптироваться к негостеприимной среде. Не обошел вниманием исследователь и вопрос о кантонистах – один из самых традиционных в историографии российского еврейства. Впрочем, он стремится по-новому осмыслить проблему, полагая, будто Николай I «намеревался частично решить еврейский вопрос посредством насильственного крещения кантонистов». Массовые крещения Петровский-Штерн относит ко времени, которое именуется «решительным поворотом николаевской “еврейской политики” в сторону ассимиляции», ко времени учреждения властями казенных училищ, уничтожения кагалов и иных мер, т.е. к периоду второй половины 1840-х годов. Однако и приводимые самим автором некоторые сведения, и корпус документов в фонде 111 отделения в ГАРФе заставляют с сомнением отнестись к подобному утверждению.

«Сего Августа 21-го числа накануне высокотожественного праздника Коронования в церкви Воздвижения пресвятой Богородицы совершен обряд крещения, 20 отроков Еврейских из 280 поступивших из Киевской губернии в Казанские Батальоны военных кантонистов, тронутые старанием и хорошим с ними обращением командира Батальонов г-на подполковника Колтовского, пожелали принять православную христианскую веру и в короткое время наученные пастырем их Церкви священником Симеоном Смирновым и убеждены толкованием Евангелия, с пламенным желанием стремились к достижению названия Христианина. В глазах всех предстоящих блистали слезы умиления и радости, когда священник читал Молитвы и поучения, и когда сии новые сыны церкви и отечества, простирая руки, отрекались от их неверия и клялись (быть. – А.Л.) до Гроба верными исповедниками Христа и верноподанными Его Императорского Величества, все молились о сих новоприобретенных Братях наших».

Вообще отношение имперской администрации и русского общества к присутствию евреев в армии – одна из важных проблем. Она подробно рассмотрена в монографии. Особенно это касается периода конца XIX – начала XX вв., когда еврейский вопрос превратился в один из самых насущных для Российской империи. Автор смог показать, что несмотря на сильное давление со стороны ультрарадикальных сил и правящей бюрократии с их требованием «убрать евреев из армии» в военном ведомстве все же возобладал прагматический курс: «вопросы государственной обороны в большей степени повлияли на политику Военного министерства, чем государственная идеология». В книге представлены интересные свидетельства о стремлении некоторых командиров в русской армии поддерживать нормальные отношения с евреями – солдатами своих полков. Это – результат благожелательного интереса к иудейской традиции в 1880-х и в начале 1900-х годов. Однако даже уникальность приводимых данных вряд ли позволяет прийти к заключению, которое делает Петровский-Штерн еще в первой главе своей книги: о толерантном отношении к евреям среднего военного сословия.

Для понимания многих психологических проблем историк вводит в свое исследование целый ряд литературных источников. Подобные материалы, к сожалению, лишь в самые последние годы стали появляться в текстах отечественной историографии. Петровский-Штерн показал, что образы евреев, запечатленные в антисемитских сочинениях бульварного писателя Всеволода Крестовского, сыграли ключевую роль в формировании антиеврейской идеологии среди его читателей – военных высшего и среднего уровней, что благодаря им они укоренились в мышлении военной бюрократии. Эти сведения – еще одно свидетельство против сомнительного вывода о трансформации в пользу толерантного отношения к евреям в армии.

Пожалуй, наиболее интересная глава книги – последняя, блестяще написанная и названная «Происхождение легенды: образ еврейского солдата в русской литературе». Впрочем, название требует уточнения, ибо Петровский-Штерн основное внимание уделяет образу, нашедшему отражение прежде всего в русско-еврейской литературе. А это иное дело. Не ограничиваясь беллетристикой, Петровский-Штерн обращается и к воспоминаниям бывших еврейских солдат и кантонистов – классическому источнику еврейской историографии. В общем, проведя анализ литературных и мемуарных произведений, исследователь приходит к парадоксальному выводу: все они не имеют ничего общего с процессом интеграции еврея в русскую армию. Литература и мемуаристика, по убеждению исследователя, были не более чем литературным манифестом, рупором русской либеральной и русско-еврейской общественно-политической мысли; они оставались на большом удалении от исторических реалий. Вся русская, русско-еврейская литература и мемуаристика – всего лишь «литературный миф». Автор книги убежден: художественная литература и мемуаристика на тему «еврей и русская армия» лишь отражала либеральные общественно-политические взгляды на положение евреев в России.

Такая точка зрения представляется чрезмерно прямолинейной и ортодоксальной. Рассматривая, например, еврейскую мемуаристику прежде всего как «реплику» в дискуссии о полной эмансипации евреев, автор лишает ее ценности как исторического источника, обращая в некую разновидность публицистического жанра. В другом месте он еще в более резкой форме характеризует мемуары бывших кантонистов как «идеологизированную стилизацию романтической мемуаристики сомнительной ценности». Подчас такая оценка противоречит даже наблюдениям автора. Так о воспоминаниях кантонистов Шпигеля и Ицковича Петровский-Штерн сам пишет, что «приведенные в них данные – как цифровые, так и исторические, – подтверждаются целым корпусом архивных документов...»

Конечно, армия сыграла значительную роль в превращении, говоря словами самого автора, «еврея России в русского еврея». Вряд ли именно о таком слиянии, результатом которого стало появление отставных николаевских солдат – людей как правило, малообразованных, «грубых, мужественных, недюжинной физической силы и душевного здоровья», мечтали еврейские просветители – маскилы. Более того, уж совсем неправоммерно считать, что именно служба в царской армии «в отличие от всех других попыток преобразования еврейского населения империи наиболее последовательно» воплотила идею

сближении еврея и русского общества и «сыграла решающую роль в модернизации евреев России». Куда более значительную и позитивную роль в этом процессе играла русская школа – как средняя, так и высшая. Институт русской школы – важнейшее место, где происходила встреча евреев с Россией, Петровский-Штерн даже не упоминает. Для русско-еврейской встречи были значимы и экономические, и миграционные процессы в стране, участие евреев в русском освободительном движении. Встреча еврея с имперской Россией, (а для абсолютного большинства евреев в первой половине XIX столетия Россию представляла феодально-крепостническая армия), напротив, была достаточно болезненной и тяжелой. Очевидно, только тюрьма и каторга занимали менее почетное место в иерархии встреч.

И совсем уж странно представлять сцену из знаменитых «Былого и дум» – сцену встречи с малолетними евреями-кantonистами по дороге в ссылку как «печально известный герценовский пассаж». Или автор считает и эти воспоминания не более чем «литературным мифом»? «С первых лет введения рекрутской повинности – под нажимом местных еврейских общин – высшая военная бюрократия, – пишет в заключение Петровский-Штерн, – приняла ряд существенных мер для того, чтобы наладить быт еврейских рекрутов в армии согласно еврейской обрядности. Евреям в армии были дарованы основные права, которые сегодня мы назвали бы “свободой совести”». Так ли это? А если так, то цитируемый ниже документ, видимо, уникален, исключителен и общей картины не отражает...

«5 ай даэу (1829)»

Ni eme n Dai idò à Èri ai àe dà Ni teat netā Aaò aeu iā Aiat i uō eai o i i eñò iā i aei dā Aei teod iā

Ni teat netā o Èri ai aai o o Ait i a e i o Aai adae I aei dō è Eaaae adō Eadi o i o 5 ai daey.

À neaño aae i daui enai ey Aaosaā I daui no i a e o aeu i no aā i o 3-ā -eñeā nāā ai daey i dē e i ai i de e i a e i a è i d i n i āā I i a e a a e i a ā Aa d e e i a ā i a u a i n o aā, i a e i o i d i a e i a p -a i n o u a i i a n d e, -o i a u i d e i y o u e o i e u o o i i o d a e y a i a p e i è a i d a c a i e e I i d a u i i e i a i a o a o i a e i e a o i e o A a d a a e i e i u i a i a o i a y o n y a -e n e ā e a i o i i e n o i a, i a i a o i a e o a i c i i a e i u i. A i n o u e e n e ā e i i i c a i e e o u o i i a a i e o o a i e e o u i o i a i n o i a y c a i i i n o a e, e i o i d i a p i i e a i a n o a a i e a e i u i a i n o u n o d e n d e a i a i e e i a c i a -e o u i a d a a i a i a n o i a e y e o n o i e a -a a i e a e a a a c a i e e a i o i a a i i a -a e u i n o a ā n a e a o u i i a i i a o o a i a i e a ā -o i è a i d e e a c i i a -a e u i e a A e a a i i ā o o a a A ā È i i a d a o i d e i a A a e -a i n o a ā i o a a i i i i i o 31 i e o y a d y 1827 ā ā ā n ¹ III i a e a o i d i -e i n e a c a i i: -o i a i n o o i a p u e a ā -e i e i e a i o i i e n o i a i a e i e a o i e a A a d a e a i e a e i u i n a a d e a o u i y i a d a a i a n o d e n d e a i a i e, i a d a c a y n e o A a d a a a e e a i n o e i a n o a d i e e ā, è o d i o i a i i o o -a i e p. N e a a i a a o a e u i i, a i c a i e e o u e i e m i e i e o u i n e i d a c a i e e, i a a i i d a u i n o a a e o u e i è o a i e u i a i e a i o a i n o c a i y o e e, e i o i d i a e a i o i i e n o u e c o d e n d e a i i u i a c a i e i a p o n y. I i i a n o u i e a i e e a a o d e n d e a i n e i ā i d a c a i e e ā, i i e o a e a a a e a i e -a i i a a a a o c a i e i a o u i y i i o i i o -o i e a i o i i e n o u e c o d e n d e a i a a a o a e a o a i e a i u i o i a i n o c a i y o e a ā, o a e i a r a a a e i i a o a i e u i a i e a i a e i e a o i e o A a d a a i a a a a o e i a o u a e a e a o a e u i i ā a i i a ā e a e a i a e a ā, o a e e i i a i i a i a n o a d i a a i e a i o d i o i a i i o -a i u e...»

x ai a e a i a u i n e o u o i a ā a i c a d a u a i e a è e o a e c i o i a i a e i ā -e n e ā a a d a a i i i n e ā i e i i -a i e y n e o e a u e e e i i n e ā n a a a i u o i o i d a i n i ā a i i d a o i d i a i i i a a d a i y, a e i o i d i o i i a i a d a u a i i u a o d e n d e a i a a i e a c i a a e e, -o i a u e e i a n e e u i n o a a i i i e d a u a i u?

...È a i a a e a I a o d i a i e e -O d a d i i a i e n e y d e o p, o a e a i o e e a o p, i a n o u a -a i o i è n i i o i o p, c a i n o a a e y p u o p a o i a o u e i e a ā, a a c e i o i d i e o d a i i a e a i d a u i n o a a e o u i n a d a i a i o p e i n o i d e i a d a o e p o i n e e n e i a ā a a d e i n o a ā

A e a e i a i a d È t e o e i

ВОЗМУТИТЕЛЬНО

Аִדְּעֵאִי אֵעֵאִי אֵעֵעֵ

Харрис повязывал галстук – заученно, резким, уверенным движением затянул узел так, точно забрало шлема опускал. Кошмарный, кричащий, желто-зелено-фиолетовый галстук никак не сочетался с элегантной, снежно-белой рубашкой и дорогим, прекрасного покроя костюмом в еле заметную полоску. Поправляя галстук, он почувствовал, как его привычно обдало теплой волной. Он свой. Свой в мире соломенных канотье, голосов с тем самым, правильным, выговором, хоровых спевков, одетых с головы до ног в белое игроков в крикет на зеленых полях. А без этого вот узла на галстуке образ того и гляди распадется на глазах, рассыплется на множество мелких, глубоко-глубоко запрятанных деталей: бородатые деды в капелюшах, каникулы в кошерных гостиницах, надтреснутый голос, выпеваящий слова бар-мицвы, непобедимая детская боязнь травли.

– Харрис? Ты и правда еврей? Ты же знаешь – еврей ты или не еврей? А если ты еврей, с какой стати ты ходишь в часовню?

– Ты ведь сменил фамилию, верно? У евреев таких фамилий не бывает.

– Сегодня свинина. Харрис, я съем твою, договорились? Евреям свинину есть не положено.

– А ты не знал? Он – еврей, кто ж еще: и такие волосы, и такая кожа только у евреев бывают. Верно я говорю, Харрис?

Тринадцать лет. Воскресное утро в дортуаре, он не спит, думает: Г-споди, не допусти, чтобы они накиннулись на меня, не допусти, чтобы они начали надо мной измываться, сделай так, чтобы прежде зазвонил звонок..

– Харрис, это к тебе отец приезжал? У него еврейский нос, а у тебя нет, почему? Не иначе, как тебе нос укоротили.

Задвинуть всё–всё в темный угол сознания, схоронить под изо всех сил поддерживаемыми друзьями, постом школьного старосты, одержанными на грязных полях победами команды твоего колледжа, гонками плоскодонок на задах кембриджских колледжей, встречами старых выпускников в погожий денек.

– Ба, смотри-ка – Харрис! Сколько лет, сколько зим. Чем занимаешься? Процветаешь, как я вижу.

Он взял две щетки в серебряной оп

раве, тщательно пригладил волосы. Из зеркала в раме позолоченной бронзы – кроме зеркала ему мало чем удалось скрасить сурово-функциональную обстановку квартиры с гостиничным обслуживанием – на него глянуло его лицо, широкое, смуглое, с квадратным подбородком. Нос прямой, короткий, темным глазам не мешало бы быть и побольше, на свежевыбритых щеках просвечивала неодолимая щетина.

Лязгнула крышка почтового ящика – принесли почту, он вышел в коридор и, к своему неудовольствию, обнаружил в ящике письмо от отца: манчестерский штемпель, округлый корявый почерк. Харрис вскрыл конверт, вздохнул, осторожно опустил огузшее тело на незастеленную постель.

«Напоминаю: буду в Лондоне послезавтра, мы с тобой обедаем в “Леви”».

Начисто забыл. Харрис скомкал письмо, уронил его на пол. Никчемные обеды с их неизменной рутинной. Жуткий ресторан – сплошной шик–блеск, шум–гам, отец – кичливый коротышка, манчестерский шут, тонкий нос загибается книзу крючком.

– Извини за вопрос. Так и когда же ты начнешь зарабатывать на жизнь?

– Б-га ради, папа, нельзя же вечно талдычить одно и то же. Всем барристерам поначалу приходится туго.

Обиделся.

– Чем тебе плох Манчестер? У меня налаженное дело – ждет тебя.

С его же стороны – всё вместе: страх, любовь, презрение, а когда они показываются вместе на людях, непреходящий конфуз. «Мало этого, так еще и “ягуар” в неисправности, – подумал он, – значит, придется ехать в контору на автобусе».

– Экая досада, – сказал он вслух с выговором воспитанника престижной школы.

Как бы там ни было, а в его контору, пропади она пропадом, я не пойду – и точка.

В котелке, помахивая зонтиком, подвешенным на изгиб локтя, неотличимый в толпе, он пересек Кингс-Бенч-уок. На приветствия других котелков отвечал с обычной приветливостью, тяжелое лицо расплывалось в ответной улыбке.

– Харрис, ты не помнишь, Пим с нами в «Тринити»^{*} не учился?

– Помню. Он жил со мной в одном подъезде, гребец.

– Похоже, сегодня он защищает наших противников.

– Точно он, он самый. Бракоразводное дело.

– Доброе утро, Сондерс, – сказал он, входя в контору.

– Доброе утро, сэръ, – ответил клерк.

Коллинз – у них был один кабинет на двоих – уже сидел за столом.

– Неподобающее облачение, видит Б-г. – Кратко, на нарочито старомодный манер приветствовал его Коллинз.

– Да я всего на минуту. Нужно заскочить к портному... ну а днем... днем другие дела. – Слова сопровождал заговорщицкой улыбкой. Жуир. Светские визиты. Летом – обеды под открытым небом в дорогих ресторанах. Загородные, ночные клубы. Гонки со скоростью сто тридцать километров в час по Грейт-Вест-роуд.

– Хлыщ, вот ты кто, – сказал Коллинз, и Харрис застенчиво улыбнулся – ну прямо, как собака, когда ей чешут брюхо.

Коллинз сказал:

– Я тут познакомился с одним человечком из юридической фирмы «Коэн и Монтегю».

Пухлые руки Харриса – он вскрывал письмо – замерли, застыли. Он остолбенел, окаменел – изваяние Будды да и только. Замолчи. Больше ничего не говори. Замолчи.

– Тебе о них что-нибудь известно?

– Нет, – сказал он.

Вот оно, вот – сейчас засадит нож под ребра.

– Похоже, очередная компашка еврейских ловкачей.

Вот оно! Но он уже оторвался – парил в другом измерении, там евреев нет, там он недосыгаем.

– Похоже на то.

Обедать он пошел в «Оксфордский и кембриджский клуб», за разговором о бегах выпил в баре четыре порции виски с компанией молодых барристеров и биржевых маклеров. За обедом разговор продолжился, он заказал бутылку кларета.

В половине четвертого он быстро, насколько позволяла грузность, шел по Сент-Джеймс-стрит; беззаботный, предвкушал приятный день, предстоящее свидание, и даже небольшая очередь на автобус не раздражала, и мысли об отце не тревожили. Над его головой все еще висел меч, но висел высоко, прочно укрепленный снисходительным и падким на подкуп палачом.

А вот и автобус, внизу все места были заняты, и он тяжело вскарабкался наверх, тут свободным осталось лишь одно место на переднем сиденье. У окна расположилась пожилая, коротко стриженная толстуха с багровым лицом, он неохотно опустился рядом с ней, в нос ему ударил удушливый запах немывтого тела, и он поморщился.

– Вам что, одного места мало? – окрысилась она на него. – За мой билет такие же деньги плочены, как за ваш.

Харрис, не обращая на нее внимания, презрительно смотрел прямо перед собой.

– Вы что, оглохли? Вы меня только что в окно не вытолкнули.

В ответ на это Харрис, величаво повернув к ней голову в котелке, отрезал:

– Вы занимаете ничуть не меньше места, чем я.

Тетка, заерзав в бессильной ярости на сиденье, что-то пробурчала себе под нос. Харрис, не веря своим ушам, посмотрел на нее. Слабость – откуда ни возмись, подкралась слабость – обволакивала, сковывала.

– Что? Что вы сказали? – с расстановкой, приглушив голос, сказал он.

– Что слышал! – ответствовала тетка, на этот раз она повернула голову и уставилась на него – темные бешеные глаза ее горели ненавистью. – Чтоб им, евреям этим. Житья от них нет.

Его все сильнее сковывала слабость. Кошмар, страшный кошмар, но это же ни с чем несообразно: такого просто быть не может. Ему представились лица пассажиров вокруг – вежливые, выжидающие.

– Вы ошибаетесь! – сказал он пискливым от возмущения голосом. – Вы с ума сошли!

– Еврей! – сказала она. – Что я, еврея, что ли, не признаю?

– Это вы обо мне? – ошеломленный, он не находил слов.

Воспоминания будоражили, подвергали все сомнению: восемь лет он был неуязвим – и вот эти годы вдруг поставлены под вопрос, осквернены. Он встал, споткнулся о зонтик и побежал по проходу, визгливо, жалостно причитая:

– Я не намерен терпеть оскорбления.

Посреди Парк-лейн соскочил с автобуса, всего в нескольких метрах от него со скрежетом затормозил спортивный автомобиль, водитель, высунувшись из окна, покрыл его, но он, не обращая внимания на водителя и не видя ничего вокруг, мчался к спасительному тротуару.

– Ненормальная! – твердил он. – Ясное дело – ненормальная, иначе и быть не может!

Ἰάδατᾶ πᾶι ἀεεεεεεεετᾶ Ἐαδενῆ Ἀαῖν' αετᾶτῆ

* Ὀδεῖ εὐὲ - Ὀδεῖ εὐὲ-εἰεεεεεε (ἰῆ ἰαῖ ἁ 1554 ᾶ), εἰεεεεεε Ἰ εῖο ἰδᾶνῆτᾶ ὀι εἰαδῆεὸ ἰὸ ἁ

БЕРДИЧЕВСКИЙ РАВВИН

(È ÈÑÒÎ ÐÈÈ ÕÀÑÈĂÈÇÌ À)

Ñàì óèè Áîòîãòóèèè

1

Духовное наследие Межеричского проповедника Бера было воспринято его учениками по-разному – как в смысле общих представлений о сущности хасидизма, так и с точки зрения выбора путей для распространения этого учения в массах. Одни, углубляясь в теорию, стремились поднять хасидизм на уровень религиозно-философской системы с примесью кабалистических элементов. Другие же клали в основу хасидизма чувство, энтузиазм, стремились своей пропагандой «зажигать сердца» и расширять область мистического в религии. Самым крупным представителем второго направления был рабби Леви-Ицхок, известный как «Бердичевский раввин».

Леви-Ицхок родился в 1740 году. Отец его, крупный ученый р. Меир, был раввином в польском Гусакове. По матери он вел свое происхождение от знаменитого «Мааршо» и тарногородского раввина Мойше Маргулиса. В роду его отца – по преданию и рукописным источникам – наследственная передача раввинского звания совершалась из поколения в поколение.

Хасидская фантазия, как она это делала и с другими своими любимцами, сплела вокруг р. Леви-Ицхока венок из легенд. Рассказывают, что в тот час, когда родился Леви-Ицхок, Бешт ощутил большую радость и сказал святой братии: «Появилась на земле душа, которой суждено стать защитницей Израиля перед Б-гом». И еще сказал Бешт: «Когда душа эта спускалась на землю, предстал Сатана перед Б-гом и начал Ему жаловаться: если, мол, эта душа сойдет на грешную землю, тогда наступит конец моему делу, ибо она наставит всех на путь праведный. И утешил его Г-сподь, говоря: это будет раввин, и он будет обременен делами своей паствы». Великая душа, облекшаяся плотью рабби Леви-Ицхока, – утверждали праведники того времени, – была новым воплощением души рабби Акивы .

Под руководством своего ученого отца-кабалиста юный Леви-Ицхок занимался Талмудом и кабалой, в которых благодаря своим редким способностям приобрел большие познания и прославился как «илуй».

Èðàðòîá

Женился он на дочери богатого и знатного Исроэла Переца из Любартова, управлявшего тамошними княжескими имениями. Любартов в бывшем Люблинском воеводстве был известен тогда как центр науки и родина знаменитых мыслителей. Когда р. Леви-Ицхок поселился в Любартове, он встретился там с целой плеядой ученых; то были Исохар-Бер, Злочевский раввин; Арье-Лейбуш Перец (брат его тестя), Меер Теумим и Йосеф Теумим. Он скоро подружился с ними, а с последним даже сошелся для совместных занятий. В Любартове в доме своего тестя Леви-Ицхок совершенствовался в изучении Талмуда с комментариями и в кабале. В то же время он серьезно занимался благотворительностью. Был покровителем и другом нищих, странников, сам услужал им – подавал пищу, стлал постель.

В городе Ричволе, что расположился неподалеку от Любартова, состоял тогда раввином знаменитый ученый Шмелке Гурвиц, занявший спустя некоторое время пост окружного раввина в Никольсбурге (Моравия). То был один из наиболее популярных учеников Межеричского проповедника Бера. Он пользовался огромным влиянием на верующих и привлек к хасидизму массу последователей. «Новичков» он всегда приводил к Межеричскому проповеднику. Леви-Ицхок, узнав об этом человеке и его проповедях, захотел видеть его и говорить с ним. В речах р. Шмелке мистически настроенный юноша прозревал что-то родное, близкое сердцу, что неудержимо влекло его к себе. Но на пути к осуществлению желания Леви-Ицхока возникло препятствие: тесть его оказался противником Бешта и не позволил зятю ехать в Ричволь. Сокрушаясь, Леви-Ицхок наложил на себя пост, постился несколько дней, и лишь тогда тесть разрешил ему ехать. Он прибыл к рабби Шмелке, но там узнал, что приобщиться к источнику истины и добра можно только в Межериче, где находится преемник Бешта, святой проповедник Бер. Рабби Шмелке отправился в Межерич вместе с Леви-Ицхоком и двумя юношами из Польши, они потом прославились в хасидском мире. Это были Яков-Ицхок из Люблина, нареченный «чудотворцем», и Исроэл из Козеница, известный под именем «Козниценского магида».

Леви-Ицхоку открылся новый мир. Скрытые в его душе семена мистицизма, его тяга к экстазу нашли наконец плодотворную почву для роста. «Учитель», рабби Бер, с одной стороны, и новые товарищи, с другой, несказанно обогатили его мысль и чувства. Всею душой привязался он к своему наставнику, внушавшему ему благоговение и «какой-то мистический страх». Одного взгляда р. Бера было достаточно, чтобы ученика бросило в дрожь, ибо он видел «Шхину» на лице учителя, «огонь сжигающий, пламя Б-жественное». И когда учитель дал ему как-то в день празднования Нового года «шофар», а сам читал вслух установленную молитву, Леви-Ицхок «узрел великий свет и лишился чувств». Позднейшая легенда рассказывает, ссылаясь на слова самого р. Леви-Ицхока: «Однажды, в праздник Нового года, во время предвечерней молитвы, я увидел на лице его (Межеричского проповедника) лучезарный свет, а в нем – все цвета радуги; и объяли меня страх и трепет, и поддержали меня люди, чтобы не дать мне упасть, но никто не знал причины. И когда учитель увидел, как я трепещу, он повернулся спиной ко всем и стоял так, уткнувшись головою в стену, несколько минут; затем снова обернулся, но теперь я уже ничего не видел на его лице. Еще раз узрел я этот свет и это сияние на лице учителя, – продолжал р. Леви-Ицхок, – перед его кончиной и поэтому сподобился постичь его учение».

2

Между тем богатый тесть Леви-Ицхока разорился и попал в должники к князю, владельцу Любартова. Должнику угрожала опасность быть заточенным в тюрьму, но дочь его, жена Леви-Ицхока, дабы спасти отца, обязалась возратить князю долг в течение двух лет. В случае неуплаты, гласит наивная легенда, ей бы пришлось креститься. Условие это было якобы принято в тайне от мужа, и только потом женщина открылась ему. Легко понять ужас Леви-Ицхока. Но он не пал духом: он стал разъезжать из города в город и собирал пожертвования в пользу тестя и жены. И преуспел, ибо всюду вызывал доброе отношение своей ученостью, преданностью близким, своим восторженным служением Б-гу.

Возвратившись домой после долгих скитаний, Леви-Ицхок получил пост раввина в городе Ричволе. Получил он его вместо рабби Шмелке Гурвица, назначенного раввином в Шинев. В Ричволе Леви-Ицхок жил недолго. Скоро он принял раввинство в Пинске и переехал туда.

В Пинске и в предместье его Карлине всходили тогда первые ростки хасидизма, их заронил рабби Арон Карлинский, прозванный «великим». Арон Карлинский, ревностный ученик Межеричского проповедника, был одним из первых основателей тайных хасидских общин в Литве и Белоруссии. Из Карлина тянулись невидимые нити, опутавшие города Литвы целой сетью хасидских кружков. Арон Карлинский был старше Леви-Ицхока на четыре года, но их сближал религиозный энтузиазм. Межеричский проповедник Бер говорил об Ароне: «Когда он читает “Песнь песней”, он потрясает миры».

Как велик был авторитет рабби Леви-Ицхока и в «явном учении» (Талмуд), видно из того, что он скоро сделался председателем раввинской коллегии в Пинске в литовской общине, где этот пост до него занимали ученые высшего класса.

Neiaarā a I'etāa

Уже после Арона Карлинского Леви-Ицхок в пинский период своей жизни немало содействовал пропаганде хасидизма в Литве. Один из учеников изображает рабби в таких словах: «Это – свет, сияющий в небесах, отвлеченный, далекий от всего плотского, это ум, погруженный в сокровенный смысл святых заповедей, и возносящий свою молитву к дальним высотам». Об этом периоде жизни Леви-Ицхока даже сохранилась легенда. Однажды его пришли проведать именитые мужи города и никого не увидели в комнате, потом вдруг из дальнего угла донесся до них чей-то восторженный голос: то был голос рабби Леви-Ицхока, произносившего благословение над яблоком, лежавшим на столе.

Однако «новшества» не всем пришлись по вкусу. В воздухе уже носилось раздражение против хасидизма, вскоре оно вылилось в бурный протест «миснагедов». Наступил роковой 1772 год, когда Виленский Гаон и его приверженцы провозгласили первый «херем» против хасидизма и хасидов. Об этом хереме еврейское население торжественно извещалось в синагогах всех городов. В Пинске херем возымел реальное действие: толпа подошла к дому Леви-Ицхока с ругательствами и угрозами и едва не разгромила его.

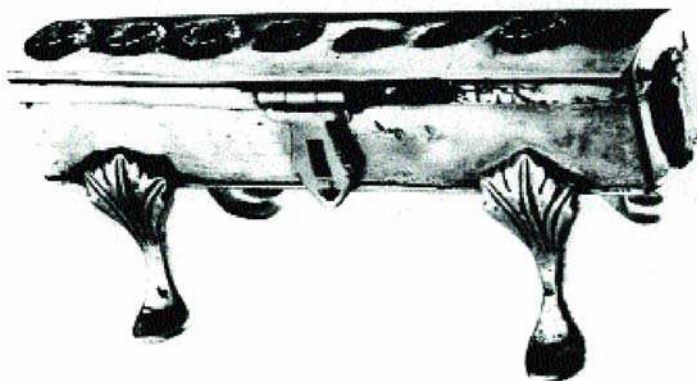
Рабби Леви-Ицхока тогда не было дома. Он гостил у своего учителя вместе с другими единомышленниками. Все они чувствовали, что противники начинают решительную борьбу, и собрались для обсуждения мер защиты. Леви-Ицхоку вскоре пришлось покинуть Пинск и раввинскую Литву. Он вернулся в Польшу, где занял пост раввина в городке Желехове. Но и здесь не нашел покоя. По сигналу из Вильны антихасидское движение распространилось повсеместно. «Партийные» страсти разгорались. Всюду, где большинство евреев оставались приверженцами старого раввинизма, преклонявшимися пред авторитетом Виленского Гаона, велась беспощадная война с хасидами. В Желехове, славившемся раввинской ученостью, тоже вспыхнула такая война, и положение Леви-Ицхока в этом городе сделалось невыносимым.

Прошло несколько лет. В 1781 году в Литве снова послышались трубные звуки, возглашавшие с амвонов синагог страшные анафемы хасидизму и хасидам. Этот второй херем, призывавший к «беспощадным гонениям» на хасидов с целью «вырвать их с корнем как поклоняющихся идолам», тоже не прошел даром для Леви-Ицхока. Много обид и оскорблений пришлось тогда перенести ему в Желехове, где он был окружен ревнителями-миснагедами.

В это время он познакомился в Варшаве с ученым Авроомом Каценеленбогеном, брестским раввином, одним из самых ожесточенных противников хасидизма. Брестский раввин пожелал воспользоваться их встречей, чтобы вызвать рабби Леви-Ицхока на открытый диспут о хасидизме. Идея эта, скорее всего, большой радости у Леви-Ицхока не вызвала, но и уклониться от вызова он не мог. В результате в синагоге Праги, предместья Варшавы, при большом стечении народа сошлись на бой представители двух крайних течений в иудаизме – раввинизма и хасидизма. Первым выступил Авроом Каценеленбоген. Он обрушился на хасидов с обвинениями в ереси и потрясении основ веры. Толпа,

состоявшая в большинстве своем из сторонников обличителя, шумно поддерживала его. Леви-Ицхок был сильно смущен предъявленными ему обвинениями, ответы его, по-видимому, не удовлетворили собравшихся. Но сам он был глубоко уверен в своей правоте и близким людям говорил, что победил на диспуте.

Это обстоятельство вызвало крайний гнев Авроома Каценеленбогена, естественно, считавшего победителем себя, и он обратился с посланием к «почтенному раввину, великому светилу Леви-Ицхоку из города Желехова».

וְאִי אֶעֱבֹד, יְדַע אֲנִי אֶעֱבֹד אֶת ה' אֱלֹהֵי-עֵוִי'.

В письме он упрекал хасидов в том, что они отвернулись от «путей, проложенных избранниками Б-жьими, столпами, опорой земли, прославленными учеными, высокими раввинскими авторитетами, начертавшими закон, правила благие и суждения справедливые». Он напомнил рабби Леви-Ицхоку о публичном диспуте в Варшаве и об ответах представителя хасидов, где не было, дескать, «ничего приемлемого для разума, были только нагромождение слов, постройка из паутины». Он выразил удивление, что побежденный противник еще и «хвастает, что ответил отменно».

В том же письме Каценеленбоген предлагает Леви-Ицхоку семь вопросов:

1. Почему хасиды, в отличие от других, приняли молитвы сефардского канона вместо ашкеназского? 2. Почему они воздерживаются произносить в молитве «Ёцар» слова: «Новый свет зажжешь Ты над Сионом»? 3. Почему произносят молитвы нарочито громкими голосами и этим как бы «выделяют» себя в глазах простонародья как «очищающиеся, приближающиеся к Б-гу больше всего Израиля»? Автор письма воспроизводит на словах странные телодвижения и жестикуляцию хасидов во время молитвы: «молятся и беснуются, перебегая с места на место, подпрыгивая, как козы, раскачиваясь направо и налево; кладут земные поклоны, то опускаясь вниз, то поднимаясь ввысь; на небо восходят, в бездну спускаются, хлопают в ладоши Б-гу в небесах, и все для того, чтобы поразить своими действиями простой народ и женщин». 4. Почему хасиды не соблюдают законного срока для утренней молитвы? 5. Почему он, Леви-Ицхок, молясь, повторяет по несколько раз имя Б-жье и при этом позволяет себе «странные, пугающие приемы»: озирается по сторонам и даже, как говорят, перед чтением «Шма» снимает обувь»? 6. Почему хасиды не пользуются услугами резников раввинского толка и приказывают «употреблять при резке скота особенно остро отточенные ножи»? Они это делают, без сомнения, «только для того, чтобы хвастать и кичиться пред народом своей ревностью к закону». 7. Почему они не считаются «со страшными херемами и отлучениями, провозглашенными публично на ярмарках в Высоком и в Зельве с ведома раввинов, гаонов и многих ученых Литвы и Белоруссии»?

Неизвестно, ответил ли рабби Леви-Ицхок на пылкое послание Каценеленбогена или не обратил внимания на сей обвинительный акт, не желая вступать в полемику с противником. Есть основания полагать, что верно второе предположение. Такой глубокий мистик, как Леви-Ицхок, отдавший себя всецело служению Б-гу, едва ли мог счесть для себя достойным объяснение по поводу формальных, мелочных обвинений. Между тем, нападки на него в Желехове не прекращались. Варшавский диспут и письмо брестского раввина подлили масла в огонь, и рабби Леви-Ицхок должен был оставить город. Тогда он принял пост раввина в Бердичеве.

Бердичев густо населяли евреи. Экономическое положение общины без преувеличения можно было назвать цветущим. Большой торговый центр Волыни славился своими ярмарками, куда стекались торговые люди со всех концов России и даже из-за границы. Бердичев, разумеется, не был избавлен и от обычных недостатков коммерческих городов: темные личности, всякого рода нечистые дельцы и ярмарочные аферисты скверно влияли на общую нравственную атмосферу.

Однако в ту эпоху в этом городе жили два человека, которые без устали трудились, чтобы поднять интеллектуальный и моральный уровень своих единоверцев. То были Йосеф Гальперин, ученый, прозванный «Харифом», и стоявший во главе раввинской коллегии, а также кабалист Либер, проповедник («магид») общины, прозванный «великим». Огромной популярностью, конечно, пользовался в общине прежде всего ее духовный пастырь Йосеф Гальперин, но своеобразное воздействие на людей умел оказывать и Либер. Приехав в Бердичев из Кракова вместе с отцом, благочестивым Авроомом, Либер вскорости осиротел. У него больше никого не осталось. Он очутился в чужом городе, где его не знали, и предпочел полное уединение. Избегал людей, все свое время посвящал занятиям кабалой и приобрел большие познания по этой части.

Любовь к кабале в роду у Либера смело могла считаться наследственной. Среди своих предков молодой человек числил таких знаменитых кабалистов, как р. Натан Шапиро из Кракова, Шимшон Остропольский и Иехил-Михл Немировский. Оба последних пали мучениками за веру во время казацкой резни 1648 года. Народ смотрел на Либера, точно на святого угодника, которому Б-г, приблизив его к себе, открыл свои пути. Из уст в уста передавалась легенда о том, как его прадед, кабалист Натан Шапиро, является ему каждую ночь с того света, чтобы наставлять в кабале. Народ уверовал в могущество Либера и прислушивался к каждому его слову.

Либер ежедневно уходил далеко за город и там, в полном уединении, творил молитву. Об этой его привычке сохранилась целая легенда. Однажды князь, владелец города, повествует легенда, проезжал через лес и, увидев еврея, молящегося под деревом, подозвал его к себе. Либер, однако, не тронулся с места. Рассердился князь и повелел кучеру бить и истязать еврея за непослушание, но тот будто не чувствовал боли и продолжал молиться с прежней поглощенностью. Князь был поражен столь беспредельной привязанностью человека к Б-гу и, возвратившись домой, послал за Либером, желая заглавить перед ним свою вину. Тот с большим достоинством объявил, что простит его лишь при одном условии: если князь пообещает подарить еврейской общине место, на котором он, Либер, молился, с тем чтобы построить там синагогу. Князь согласился, и на этом месте была построена большая синагога, которая находится теперь в центре города, изменившего свои очертания.

Аея і а Ааае: аа п едаі іно і ге ноаі у.

Либер вел смиренную жизнь праведника. Встречая во время уединенных своих прогулок за городом заблудившуюся корову или козу, он собственноручно приводил животное к хозяину. Часто посещал лавки, следя за тем, чтобы покупателей не обмеривали и не обвешивали.

В это же время странствовал по городам Подолии и Волыни Баал-Шем-Тов, распространяя свое учение. Заезжая в Бердичев, он обыкновенно останавливался в доме Либера. О нем Бешт отзывался будто бы так: «Бывают праведники, которым дарует откровение пророк Илия; с Либером происходит обратное: это он дарует откровение пророку». Либер, со своей стороны, высоко почитал Бешта, хотя и не принадлежал к кругу его учеников и официально не сделался хасидом: в «синагоге Либера» (это название она сохраняла и век спустя) молились и молятся по ашкеназскому (миснагедскому), а не по хасидскому обычаю. Глубокое уважение Либера к Бешту, по преданию, укрепилось еще больше после смерти последнего. Только тогда вполне обнаружилось величие создателя хасидизма. Бесхитростная хасидская легенда рассказывает, что в первое время после смерти Бешта Либеру перестала являться по ночам тень прадеда, Натана Шапира, для обычных наставлений в кабале. Тогда он отправил своего сына Иехила в Краков, на могилу прадеда, чтобы спросить того о причине внезапной немилости. Иехил привез ответ: по случаю кончины Бешта в знак траура на 30 дней закрылась «верховная» (небесная) академия, откуда р. Натан спускался к правнуку.

С тех пор Либер стал ближе к хасидизму. Субботними проповедями в синагоге он старался подготовить народ к восприятию нового учения, к вере в него, и оно скоро утвердилось среди его слушателей, не встретив никаких особых препятствий.

Бердичев, большой еврейский центр, казался первым цадикам весьма подходящим местом для пропаганды хасидизма. Прежний центр хасидизма на Волыни, Межерич, в религиозном смысле со смертью Бера пришел в упадок. Ученики разбрелись по родным местам и уже там с энтузиазмом принялись создавать группы последователей Бешта. В Бердичеве пытались тогда, в свою очередь, создать центр для всей Волыни. Там часто можно было встретить чудодея Лейба Сореса, апостола хасидизма Якова-Йосефа из Полонного и других апологетов учения. Приезды цадиков, конечно, немало содействовали насаждению хасидских идей в Бердичеве, но превратить город в одно из «святых мест» хасидизма удалось только рабби Леви-Иццоку – разумеется, с того времени, как он там поселился.

Рабби прибыл в Бердичев в 1785 году, на 45-м году жизни, и уже не застал в живых ни Йосефа Харифа, ни прославленного Либеры. На его долю выпала теперь двойная роль: официального духовного пастыря общины и миссионера, проповедника учения.

Йосефа Харифа, умершего значительно раньше 1785 года, сменил сын его, но последний не отличался ученостью и был ординарным раввином. Только при Леви-Ицхоке снова укрепилось значение главы раввинской коллегии в Бердичеве.

После преследований и гонений, перенесенных Леви-Ицхоком в разных местах за проповедь хасидизма, он нашел, наконец, в Бердичеве тихую пристань, где мог безбоязненно осуществить свои заветные стремления. На первых порах он еще встречал некоторое противодействие со стороны последователей Либеры, но ему скоро удалось обратить этих полумистиков в хасидов. Внук Либеры впоследствии сделался одним из адептов Леви-Ицхока.

В Бердичеве религиозный экстаз Леви-Ицхока достиг апогея. Он, что называется, «горел Б-жественным огнем», вдохновенный, полный мистических озарений и готовый к слиянию с Б-гом. Говоря с ним, он обычно называл его «милосердный» (Дербаримдигер). Это было вполне естественно для Леви-Ицхока, ибо в душе его любовь к Б-гу соединялась с пламенной любовью к своему страждущему народу. Обращаясь к Б-гу то с мольбой, то с жалобами и требованиями, а иной раз даже с негодующими воплями, он просил не за себя, а за «весь Израиль», за свой народ, горестная жизнь которого омрачала душу этого великого человеколюбца.

Этот эпитет «Дербаримдигер» сделался впоследствии фамильным именем потомков Леви-Ицхока. В Бердичеве рассказывали, что однажды к Леви-Ицхоку зашел местный представитель власти и предложил ему избрать себе фамилию. Цадик, молившийся в то время со своим обычным экстазом, не заметил вошедшего чиновника. Но последний, услышав из его уст несколько раз повторенное слово «Дербаримдигер», подумал, что это – ответ на предложенный вопрос, и записал семью Леви-Ицхока под этим прозвищем.

О том, как он молился, повествует один из его биографов: «Леви-Ицхок произносил слова молитвы с трепетом, дрожа всем телом; от волнения он подчас не мог стоять на одном месте. Вот он молится в одном конце синагоги, а через минуту его голос раздается уже в другом конце. Люди замирали, вслушиваясь в оттенки его голоса, сердца наполнялись восторгом и всяческая скверна покидала души».

Когда наступал месяц элул, рабби Леви-Ицхок надолго удалялся от всего житейского. Его религиозный экстаз в эту пору доходил до того, что с ним невозможно было говорить. В этот месяц он то и дело призывал паству к покаянию и часто посылал своего «шамеса» напомнить народу, что надвигаются «страшные дни».

В дни Рош а-Шона он сам исполнял обязанности «баал-тфило» (кантора). Тогда, гласит предание, он был «вне плоти». Голосом, проникающим в самую душу, со своеобразным напевом читал он молитвы и часто прерывал их увещаниями, обращенными к народу или к Б-гу. Однажды в праздник он прервал молитву и начал распевать импровизированную песню, которую можно слышать и по сей день, с ее особенным напевом:

«Обитатели неба и обитатели земли боятся Тебя и трепещут перед Твоим именем. Обитатели бездны и обитатели ада содрогаются от страха перед судом Твоим. Но праведники рая ликуют и славословят Твое имя. И потому я, Леви-Ицхок из Бердичева, прихожу к Тебе с молитвой и вопросом: что Тебе нужно от Израиля? “Говори”: к кому говоришь Ты? к сынам Израиля! “Скажи”: кому Ты скажешь? сынам Израиля! “Повели”: кому Ты повелеваешь? сынам Израиля! “Так благословите”: кого приказываешь благословить? сынов Израиля! И поэтому я спрашиваю Тебя: что тебе нужно от Израиля? Ведь много у Тебя всяких халдеев, персов, арабов, мидианитов. Зачем Тебе нужен Израиль? А если нужен, значит, все-таки милы Тебе сыны Израиля, которые прозваны сынами Б-жьими... А потому, да будет благословен...»

Рабби сам трубил в «шофар» (рог) в праздник Рош а-Шона. Очевидец рассказывает об этом следующее: «За поясом у него висело несколько шофаров, сам он был вне плоти, замирали сердца у всех, видевших его, все дрожали перед ним, как перед ангелом Б-жьим». Однажды, – рассказывает предание, – рабби трубил, но звук часто прерывался, тогда он рассердился и воскликнул: «Владыка Мира! Если так, то пусть трубит тебе Иван!»

В вечер Йом Кипура перед молитвой Кол нидре, когда синагога была переполнена народом, рабби обратился к Б-гу и сказал: «Б-же! Если бы Ты повелел другим народам разговеться в этот день (канун поста) до вечера, то они перепились бы и не нашлось бы даже десятка людей для молитвы. Один только народ Твой Израиль свят, нет здесь ни одного пьяного, ни одного объевшегося, но собрались в Твоем святом храме и стоят перед Тобой босыми».

Он не пропускал ни одного случая, чтобы не использовать для общения с Б-гом. Во время блестящих походов Наполеона Леви-Ицхок однажды в Йом Кипур пред молитвой обратился к молящимся: «Французский император Наполеон воображает, что он повелитель мира, а я, Леви-Ицхок из Бердичева, говорю: “Исгадал ве-искадаш шмей рабо!” (“Да возвеличится и да освятится Его великое имя!”)».

После поста Йом Кипура он с нетерпением дожидался праздника Суккос для совершения красивых синагогальных церемоний с эрогом и луловом. Накануне праздника он бодрствовал всю ночь, шумно выражал свою радость, пускался в пляс и приговаривал: «Хоть бы поскорее наступила минута, когда я возьму в руки эрог и лулов, дабы произнести над ними благословение!» Сохранилась легенда, как однажды после такой бессонной ночи он побежал ранним утром за эрогом, который хранился в стеклянном сосуде. Просовывая туда руку, он в азарте разбил стекло и даже не заметил этого.

Домашний обиход рабби Леви-Ицхока отличался крайней простотою. Он ел мало, не пил вина, соблюдая траур по Сиону. Но, с другой стороны, был противником аскетизма, или «истязания плоти», видя в этом только «козни злого духа, направленные к ослаблению разума и к отвлечению от служения Б-гу». И если он соблюдал экономию в будни, то ничего не жалел для пышного празднования субботы и советовал бедняку целую неделю экономить во всем ради субботы. Известно его изречение: «Святость субботы так велика, что человек приобщается через нее к Высшей Святости. В субботу человек возвращается к своему Корню». По субботам рабби излагал собиравшимся у него доктрину хасидизма и поздно засиживался вместе со слушателями за «третьей трапезой»: трудно ему было расставаться с субботой. На исход субботы он сочинил особую молитву, которая читалась на Волыни и Украине и сто лет спустя.

«Б-г Авраама, Исаака и Якова! Охрани Твой возлюбленный народ Израильский от всякого зла для славы Твоей. Любезная святая суббота уходит; да наступит же новая неделя для совершенной веры, для мудрой веры, для любви к ближнему, для слияния с Создателем; чтобы верили в Твои тринадцать основных истин, в близкое избавление в скором времени, в наши дни, в воскресение мертвых, в открытие Моисея, мир ему! Владыка Вселенной! Ты ведь даешь усталому крепость, дай также Твоим возлюбленным детям, народу Израильскому, силы славить Тебя и служить только Тебе. Да наступит для нас эта неделя на здоровье, на удачу и на счастье, на благословение и на милость, чтобы были обеспечены дети, жизнь и пропитание для нас и для всего Израиля! Аминь!»

Здесь каждое слово дышит трогательной любовью к Б-гу и народу. Леви-Ицхок с такой полнотой и силой чувствовал свое нераздельное слияние и с Б-жеством, и с Израилем, что не делал различия между ними. В каждом еврее, даже в грешнике, он видел и чувствовал Б-га. В каждом слове еврея ему слышался голос Б-га. Он сидел, повествует легенда, облаченный в молитвенную ризу и филактерии, и беседовал о мирских делах и о политике, ибо считал, что в беседах еврея о мирских делах, а также о политике тоже присутствует «дух Б-жий».

Он ходил по базарам и улицам и побуждал народ к покаянию. На этой почве случались иногда курьезы. Рассказывают, что, встретив человека, известного своими любовными похождениями, р. Леви-Ицхок схватил его за полу кафтана и сказал: «Покайся, и я стану тебе завидовать, ибо грехи твои зачтутся тебе тогда за добрые дела». Тот ответил ему: «Подожди, ребе, еще год, и ты будешь завидовать мне куда больше». В другой раз он обратился к первому встречному с вопросом: «Кому ты служишь?» Он надеялся услышать в ответ: «Б-гу Израиля». Но человек, не догадавшись, простодушно ответил: «Я служу у сапожника такого-то». Случалось ему и шутить с паствой. Однажды по окончании молитвы он подошел к нескольким людям, молившимся явно рассеянно, не сосредоточиваясь на святых словах, и принялся приветствовать каждого по очереди, подавая руку: «Шолом алейхем!» Те были изумлены, но он объяснил им: «Чему удивляетесь? Ведь во время молитвы вы думали о своих делах. Ты вот, к примеру, мысленно был в таком-то городе, а ты – в другом. Теперь, по окончании молитвы, вы как будто возвратились издалека, и я говорю вам: Шолом».

Влияние и популярность рабби Леви-Иццока были так велики, что Бердичев действительно стал центром хасидизма на Волыни. Со всех концов устремлялись люди к «Бердичевскому раввину», чтобы посмотреть на его Бгослужение, послушать его хасидскую проповедь. Проповедь раввина действовала так же неотразимо, как и его молитва.

Хасидская система р. Леви-Иццока основывалась на той идее, что легла в основание хасидизма вообще: на идее универсального единства, единства Б-га и мира. «Создатель, – утверждает р. Леви-Иццок, – сотворил все. И Он тоже все!.. Он целостен и объемлет вселенную». «Бесконечный содержит в себе все миры и все ступени творения. Нет такой вещи на земле, будь то человек, животное или неодушевленный предмет, которая могла бы сказать о себе: “я”, ибо “я” в ней – это Б-г, а не она... Вся ее жизнь, все свойства – это доля Б-жества в ней». Б-г не закончил своего творения. «Каждый миг Он творит... Он непрерывно обновляет природу и во всякий миг вливает силы в свои творения, во все миры».

Установив свой взгляд на идею универсального единства, Леви-Иццок переходит к существу самого Б-га, с одной стороны, и к связи между Бгом и миром, с другой

I. О Б-ге. «С одной стороны, разум нам подсказывает: Он – Бесконечный, Он – начало всех начал, и ни одна мысль не может Его постигнуть. Здесь Б-г бесконечно далек от нас. С другой же стороны, верующий должен знать, что Б-г близок к нам, он внутри нас самих. Он наполняет все миры и объемлет все миры, нет места, свободного от Него, ибо полон мир славы Его». Эти два атрибута Б-га Леви-Иццок называет «двумя модусами: близости и дальности». При этом он не задается никакими вопросами. Просто утверждает: «Нужно верить в оба эти модуса».

II. О связи между Б-гом и миром. «Если все существующее заключается в Б-ге, то отсюда как бы вытекает мысль, будто оно так же вечно, как и Он; но такая мысль противоречит догмату, утверждающему, что все миры не изначальны, а сотворены». Это противоречие рабби Леви-Иццок разрешает не с помощью простой, бесхитростной веры, а углубляется в философию, стараясь снять противоречие серьезным, продуманным соображением: «Вначале у Него возникло желание, и Он эманировал из Себя одну силу»; в этой силе, «связанной с бесконечным», считает рабби, заранее были скрыты (in potentia) все миры, объявившиеся и обновившиеся в реальности потом.

Излагая свою идею, отнюдь не новую, развитую уже в иудео-греческой философии и в кабале, Леви-Иццок остался верен основному воззрению Бешта: «Все наверху и внизу есть совершенное единство». Эта идея пронизывает целиком мышление Леви-Иццока, она запечатлена в каждом его суждении. Куда он ни обернется, его взору представляется полнейшее единство – в материальном телесном мире точно так же, как и в духовном. Он созерцает телесный мир и видит нераздельность четырех стихий: огня, воды, воздуха и земли. «Если наблюдать их особенности, они (стихии) кажутся как будто противоположными друг другу; но когда созерцаешь их в корне, ибо они черпают жизнь из одного источника, видишь и здесь совершенное единство». Это же единство свойственно и духовному миру. Только одна сила, сила добра, действует во всем и объемлет мир. «А то, что мы наблюдаем как зло, есть лишь видимость, ибо чувства наши несовершенны. От Б-га, царящего над миром, исходит только добро». Б-г любовью управляет миром. Правда, бывают и страдания и горе, но они «ведут к любви, к благой цели», ибо нет зла в мире; «корень зла – это добро».

«Náóád à-Cœédéén. Î áxèðtá 1794 ää

От этой идеи, в основе своей имеющейся и у Бешта («Зло есть подножье добра»), Леви-Ицхок приходит к «идее любви к жизни» и жизнерадостности. «Нужно всегда быть радостным», – повторяет он любимый завет Бешта, который призывал «удаляться от печали и радоваться в Б-ге».

На основе единства построена и этика р. Леви-Ицхока. «Даже заповеди об отношении к ближнему входят во всеобщее единство, созданное Всемогущим. Если мы верим, что Б-г – един и что мы происходим от одного корня, то отсюда следует долг каждого из нас делать ближнему добро и не причинять ему огорчений». На сем фундаменте возводит раввин свой конечный идеал, идеал пророков: «Все народы сольются в один народ и будут служить только одному Б-гу».

5

Еврей должен «возноситься к своему корню, к Источнику жизни». Должен связать себя с Б-гом, и тогда он поднимется «от ступени конечного к ступени бесконечного». Но как же человек, тленное существо, может соединиться с Бгом на уровне совершенного единства? Р. Леви-Ицхок подчеркивает, что в человеке «соединены два начала: жизни и смерти». Душа, «которая и есть разум, остается живой и нетленной, так как она всегда стремится к созерцанию Б-га; плоть же мертва, так как всегда жаждет плотского». Происходит вечная борьба между душой и плотью. Дух тяготеет телом и рвется уйти, чтобы вознестись к источнику, к Б-гу; однако Б-г ввергает душу обратно в тело – конечно, до поры-до времени. Поэтому человеку остается только «превратить материю в форму», очистить и освободить плоть, чтобы «она могла подняться до степени

души». Тогда человек сумеет вознестись к Б-гу, тогда и осенит его «дух, излучаемый Им, Благословенным».

На вопрос, как обратить материю в форму, р. Леви-Ицхок отвечает: при помощи служения Б-гу делом и мыслью. Система служения делом развита в духе бештовского принципа: «Г-сподь хочет, чтобы Ему служили всеми возможными способами». Если Б-г присутствует везде, и нет ничего вне Его, то отсюда следует, что человек должен служить Ему во всем. Он может возноситься к Нему при совершении всякого земного дела: в момент еды, питья, разговора и в момент выполнения житейских своих обязанностей. Нужно отрешиться от собственной личности. Если что-нибудь житейское огорчает человека, «пусть сокрушается не из-за себя, а только из-за того, что от этого он не может служить Б-гу, как хотел бы». Точно так же, если у него радость, пусть радуется не за себя, а оттого, что сумел как следует послужить Б-гу. И если он ест и пьет, пусть наслаждается тем, что благодаря этому останется достаточно здоров и силен, дабы в полной мере служить Создателю.

О служении мыслью р. Леви-Ицхок говорит: «Пусть каждый из нас всегда думает о любви к Б-гу и страхе Б-жьем». Человек должен постоянно помнить, «что всякий миг Б-г вливает в него толику жизни и обновляет его». «Если человек одержим злым умыслом, то этим он отталкивает святую душу». Человек должен посвятить всего себя, душу и тело свое, служению Б-гу, служа ему всегда, везде, при любых обстоятельствах, ибо «Г-сподь, со своей стороны, охраняет его во всякое время и не оставляет ни на минуту попечением Своим».

Служить Б-гу следует «с чувством, с восторгом... С любовью и сильной страстью», с таким экстазом, чтобы дойти до «забвения бытия». Тогда можно достигнуть вершины святости, долгожданного единения с Б-гом.

«Любовь к Б-гу» совершенно заслоняет в этой системе раввинскую идею «страха Б-жия». Правда, и этот, совершенно особый «страх» есть необходимый ингредиент религии; но он – низшая ступень. Леви-Ицхок различает обе ступени следующим образом: тот, кто служит из страха, не лишен самомнения, но боится Высшей силы; тот же, кто служит из любви, способен совершенно отрешиться от своей личности.

Важнейшая форма служения Б-гу – молитва, которую еще Бешт сделал краеугольным камнем хасидизма. Когда человек предается молитве «всею душой и телом, он отвлекается от своей жизненности и возносится к Бесконечности»; тогда «душа его радуется освобождению от плоти и остается одна, излученная Им, Благословенным, и готовая вернуться к источнику, откуда излучена». Горячая, проникновенная молитва предохранит человека от словоблудия и сквернословия, ибо он подумает: «Ведь я только что вел беседу с Царем великим и грозным и готов беседовать вновь; как же я могу теми же устами изрекать недостойное и иметь от этого удовольствие?»

Служение Б-гу должно быть свободно от всякого корыстного намерения: нужно служить «не ради mzды в этом или загробном мире», а из любви к Бесконечному. Поэтому в учении Моисея ничего не говорится о загробном воздаянии. Истинное удовлетворение и радость – в самом делании, в исполнении заповедей, ибо, служа Б-гу, человек «созерцает Создателя и может сподобиться того, чтобы в нем воплотился Создатель». Достигнув этой ступени, отрешившись от своей личности и проникшись целиком любовью к Создателю, «человек удостоивается свободного доступа во все высшие миры до конца жизни»; более того – его добрые дела влияют на высшие миры, на ангелов, на души, на все «верхние чертоги», ибо «все зависит от дел на земле».

В отношениях с ближним нужно соблюдать ту же чистоту помыслов и праведность, что и в служении Б-гу: следует вести свои торговые дела честно, не прибегать ко лжи, а руководствоваться единственно правдой. Не следует кичиться своей преданностью Б-гу, ибо для того человек и создан. Нелепо похвальнось высоким происхождением, потому что «нечего хвастать тем, что досталось без труда». «Любовь и бодрость» – два качества, наиболее важные для людей.

Верный духу хасидизма, рабби Леви-Ицхок отводит цадику, «сверхчеловеку», важное место в своей системе. Не только духовная жизнь, но и телесное естество цадика утонченное, чище, ближе к источнику эманации, чем у прочих людей. Цадик читает в душе человека, словно в открытой книге. Он прозревает духовное начало в плотском, преобразует это плотское, земное в духовное. Для него не существует ничего низменного: «он служит Б-гу и в плотских страстях». Он не мирится со злом и, «когда видит человека, обуянного его страстью к греху» отвлекает эту страсть, направляя ее на служение Б-гу. В его мироощущении нет ничего земного, каждое его слово возвышенно и свято. «Кто слушает его речь, у того просветляется разум».

Велика сила цадика. Неограниченная власть дана ему на небе и на земле. Все в его руке, все послушно его воле. «Даже Отец Небесный, если позволено будет так выразиться, не поступает лишь по Своей воле, и не все делается по мановению Его руки. Б-г сообразует Свои действия с волею цадииков любого поколения. Все творится по их указанию; им одним на свете дано изменять замыслы Творца».

Каждый цадик в своем поколении подобен Моисею: он призван руководить. Он проникается всей скорбью, всеми горестями поколения и предстает его заступником перед Б-гом. Он поддерживает в людях своего поколения бодрость, открывает им пути Б-жьи. Ради этого он часто странствует из города в город, чтобы поднимать дух народа, воодушевлять человечество идеалами добра. Он искупает грехи поколения и при этом способен не дрогнуть даже перед опасностью, грозящей собственной душе. Другими словами, он «преступает заветы Торы», чтобы только привести современников к Б-гу. В образной форме об этом говорил Бешт: «Кто хочет вытащить ближнего из грязи, тот сам должен опуститься в грязь, чтобы подать ему руку помощи». Порою цадик удаляется от мира, отказываясь далее выполнять возложенный на него долг улучшать свое поколение. Впрочем, это тщетная попытка: грехи сами являются к нему и вызывают к искуплению.

Î eádâo ñeîi î aî òàdeÿî è ð Êââe-Êòòîeà Î eî eîâe, 1799 à

Если р. Леви-Ицхок, с одной стороны, в согласии с бештианцами своего времени высоко вознес культ цадика, то, с другой стороны, он не настаивал на абсолютном подчинении ему всех и вся, как то

делали другие хасидские руководители, считавшие слепую веру в цадика непременным условием спасения души мирянина. Р. Леви-Ицхок вообще обошел этот пункт молчанием.

Цадик может и должен, по его мнению, духовно возвысить и вернуть к Б-гу целое поколение даже без ведома, без желания последнего, ибо для того цадик и создан, таково его назначение на земле. Однако р. Леви-Ицхок, требовавший от всякого верующего непосредственного общения с Б-гом, естественно не мог проповедовать исключительный культ цадика, который умалял бы прямое общение, «мешал» ему. В этом смысле он расходился с Яковом-Йосефом, апостолом хасидизма. Последний утверждал, что человеку не дано непосредственно возноситься к Б-гу без помощи цадика, ибо лишь тот есть связующее звено между мирянином и Создателем.

Отличиями во взглядах на роль цадика в духовной жизни нации отмечено и жизненное поведение самого р. Леви-Ицхока и его единомышленников из бештианцев. Леви-Ицхока не прозвали ни «Магидом» (проповедником), ни «цадиком», – а это титулы, указывающие на особенную связь между «ребем» и хасидами; его просто называли «Бердичевский раввин», и под этим именем он известен по сей день.

Подводя итоги сказанному, можно отметить одну основную черту, характерную для всего учения р. Леви-Ицхока: это страстное чувство к Вседержителю и экстаз. Не стоит искать у него ту редкостную глубину абстрактной мысли, которой отличался его единомышленник и друг Шнеур-Залман из Ляд. Не найдете вы в проповедях Бердичевского раввина поэтического блеска и полета фантазии, присущих его современнику и земляку Нахману Брацлавскому. Многим единомышленникам р. Леви-Ицхока, и это не раз отмечалось, свойственно резко отрицательное отношение к раввинам и раввинизму. Даже наиболее сдержанный среди них, Нохум Чернобыльский, сказал однажды, что раввины «с большим казуистическим остроумием разрабатывают Тору, а злой дух крепко сидит в них и не терпит ущерба от их учения». Р. Леви-Ицхок, наоборот, признает казуистическую форму нужной для талмудической науки и особо подчеркивает: «Изощрение ума в Талмуде – дело, любезное Б-гу». В этом пункте он сходится с творцом системы Хабад Шнеур-Залманом, сторонником раввинского метода учения. Недаром оба носили звание раввина, указывающее на известную связь с официальным раввинизмом.

В области философского умозрения р. Леви-Ицхок, правда, не проявил большой оригинальности: он просто популяризировал известные положения кабалы и то, что заимствовал у предшественников. Вся сила его – в развитии идеи экстаза как центральной в хасидском учении и в религиозной практике.

7

«Любовь к Израилю» – страстная, негасимая – один из краеугольных камней системы рабби Леви-Ицхока. Израиль, в его представлении, – святой народ. «Никто не должен говорить дурное об Израиле, а должен искать ему оправдания».

Этому лозунгу – «Ищите оправдание многострадальной нации» р. Леви-Ицхок был верен до того, что в хасидском мире его прозвали «адвокатом Израиля». Каждое поколение – гласит учение хасидизма – имеет своего печальника и народного заступника на земле. На небе же заступником Израиля признан архангел Михаил. Однако не всякому поколению дано сподобиться и увидеть и услышать своего заступника. В большинстве случаев он скрывается среди сонма тех тридцати шести «тайных праведников», на которых зиждется мир. Р. Леви-Ицхок Бердичевский был не тайным, а явным предстателем нации. Он не выносил прокурорского тона обличителей народа. Никогда не мирился с гневными упреками, брошенными Израилю пророком Исайей: «Горе вам, преступное племя, отягченное грехом!» и другими подобными обвинениями. Переиначивая смысл некоторых близких по значению слов в этой тираде, он толкует ее по-своему: «О Г-споди! Почему караешь ты народ свой, Израиль?! Ведь это народ очищающийся, народ, которому тяжело совершать дурные дела. Это племя друзей Б-га, губителей злого духа. Оно приходит на помощь Всевышнему, возносит Б-га израильского, удаляется от греха!»

Как высоко ценил р. Леви-Ицхок народ свой, видно из его изречений: «Дороги сердцу Г-спода слова детей израильских, даже и последнего грешника среди них»; «Израиль, пусть не исполняющий заветов Творца, все же лучше других народов»; «Все высшие и низшие миры созданы для него» (Израиля); «По воле Израиля Г-сподь направляет мир»...

*...Ōāāē ē:ēōāāō ā āōōā ē:āēīāēā, ſēīāī ā īōēōūōīē ēīēā Īī īōīōāāāō
āōōīāīā īā:āēī ā īēīōſēīī, īōāīāōāēāō jōī īēīōſēīā çāī īīā ā āōōīāīā Āēy īāā
īā ſōīāīōāāō īē:āā īēçī āīīā: «īī ſēūēēō Āāō ē ā īēīōſēēō ſōōāñōyō». Īī īā
īēēēōſy ſſ çēīī ē, «ēīāā āēāēō ē:āēīāēā, īāōyīīā āā ſōōāñōūp ē āōāō»,
īōāēāāō jōō ſōōāñōū, īāīōāāyū āī īā ſēūēēīēā Ā-āī Ā āā īēōīūōūāīēē īāō
īē:āā çāī īīā, ēāēāīā āā ſēīāī āīçāīōāīī ē ſēyōī. «Èōī ſēōōāō āā ðā:ū ō ōīā
īōīāāō ēyāōſy ðāçōī »...*

Неотступная идея возвеличения нации, вера в ее центральное положение в мироздании проходят красной нитью через все «системы» иудаизма, где на первом плане не религиозный закон, а глубинное внутреннее чувство, экстаз. Эта идея берет свое начало у пророков, потом прорывается в Агоде, в кабале и в хасидизме. В разные эпохи она до какой-то степени наполняется различным содержанием и различными формами. В эпоху, когда евреи жили у себя на родине, свободные, обладающие высокой духовной культурой, более высокой, нежели у окружающих народов, отличаясь от древних язычников верой в Единого Б-га, эта идея, провозглашенная пророками, была продиктована сознанием духовной гегемонии еврейства и Сиона: «Из Сиона изыдет учение, и слово Б-жье из Иерусалима»; «И пойдут народы за светом твоим, и цари – за лучезарным сиянием твоим». В эпоху Агоды, когда народ утерял уже свою самостоятельность, когда нарастал «голос» с его бедствиями и унижениями, эта идея утешала, даровала бодрость: нечего, дескать, приходить в отчаяние, народ израильский! Теперь, как и ранее, когда ты жил еще на родной земле, ты – избранный среди народов, ты – единственный. К учению твоему еще долго будут припадать словно к источнику жаждущие правды Б-жьей, алчущие встать на путь добра. Есть смысл в твоих страданиях!..

Совершенно другое значение приобретает религиозно-национальная идея самовозвеличения в эпоху кабалы и позднее – в эпоху хасидизма. Здесь она поднимается на уровень мистического символа. Кабала и хасидизм не отличают Израиль от Б-га и Торы. Они буквально толкуют агодическую формулу величайшей в мире троицы: «Г-сподь, да будет Он благословен, Тора и Израиль – едины суть». Эта троица и есть центр мироздания, его материальной и духовной основ.

Рабби Леви-Ицхок дает свое объяснение этому единству Б-га, Торы и Израиля: «Шестьдесят мириад букв в Торе, шестьдесят мириад душ в Израиле, и каждая душа держится за букву Торы». Тора есть лишь проявление воли Б-жьей и разума Б-жьего. «Когда занимаются Торой, то скрытый в ней Б-жественный разум сообщается человеку». Таким образом, народ израильский, составляющий единое целое с Б-гом и Торой, есть центральная ось, на которой держатся все миры.

Хасиды рассказывали массу поэтичных, часто и забавных историй о рабби Леви-Ицхоке, «заступнике за народ». Однажды ночью рабби ехал с еврейским извозчиком. На заре, уже перед самой утренней молитвой, он увидел, что возница снимает колесо, мажет ось дегтем и одновременно молится, облаченный в талес и при филактериях. Р. Леви-Ицхок пришел в восторг и воскликнул: «Владыка мира! Смотри, как народ Твой израильский любит Тебя! Даже тогда, когда еврей мажет колеса, он не забывает Тебя и служит Тебе!»

Как-то во время большой ярмарки в Бердичеве р. Леви-Ицхок встал за полночь, взял с собою хлеб, мясо и вино и отправился на базар. На базаре все было объято мертвой тишиной. Еврейские и христианские торговцы отдыхали, растянувшись во весь рост, кто на своей повозке, кто под ней, погрузившись в глубокий сон после трудового дня. Р. Леви-Ицхок подошел к одному еврею и потряс его за плечо: «Вставай, любезный! Пей и ешь! Немало ты трудился целый день, не грех тебе теперь подкрепить свои силы!» Еврей открывает глаза, оглядывается по сторонам и произносит: «Нет, не могу сейчас ничего есть, хоть и голоден, потому что не вижу, где вода для омовения рук; без нее я не смею произнести благословение Б-гу». У рабби Леви-Ицхока лицо просияло при этих словах. Он растолкал второго, третьего еврея, но получил все тот же ответ. Тогда он разбудил христианина и предложил ему подкрепиться, тот мигом вскочил на ноги и с аппетитом принялся уплетать мясо и хлеб. Ребе Леви-Ицхок бросился прочь в неопишемом экстазе, ворвался в синагогу и закричал: «Смотри, Г-споди, какая разница между Твоим народом и потомками Хама! А Ты еще недоволен Израилем и предъявляешь ему претензии!»

Его восторженная любовь к евреям доходила до того, что он часто позволял себе дерзости по отношению к Небу, когда речь шла о заступничестве за Израиль. Однажды, гласит шутливая легенда, посреди молитвы в день Рош а-Шона ребе обратился к Б-гу со словами: «Владыка мира! Ежели ты сегодня собрался записать народ Твой израильский в книгу жизни, то знай: Тебе не возбраняется писать в

праздничный день, ибо спасение человеческой жизни важнее соблюдения субботы и праздников. В противном же случае, я, Леви-Ицхок, Бердичевский раввин, запрещаю Тебе писать в день Нового года».

В другой раз он якобы объявил Всевышнему: «Если Ты будешь судить нас немилостиво, то мы, праведники и благочестивцы поколения, примем решение уничтожить жестокий приговор».

Раз в Йом Кипур р. Леви-Ицхок будто бы сказал с улыбкой: «Владыка мира! Ты должен простить Израилю его грехи, иначе я выдам всем Твою тайну. Открою, что Ты носишь филактерии с неправильным текстом; ибо писано в Твоих филактериях: “Кто может уподобиться Твоему народу, Израилю, единственному народу на земле?” Однако если Ты не простишь ему его грехи, тогда он уже не единственный народ».

Вот так в душе р. Леви-Ицхока любовь к Израилю боролась с любовью к Б-гу. Недаром Борух Меджибожский говорил в этой связи: «По мнению рабби Леви-Ицхока, Б-г, да будет Он благословен, и по сей день остается неоплатным должником по отношению к любому еврей».

**...Iòòää, ec yòíé ààèíñòääííé ääèè, äíëæáí íðèéòè äíëãæääííúé
I äñëý, ecääèèòäëü Dàçáá íá íáàíáíí íàí á ààèí ääè-äíéíé Äãää ÷òí Meccëý
íðèääò á yòíò èí äííí ääíü ääíü íëá-à è ääèèéíã íäðíáííã òðäòðä?! Íá yòíò èè
ääíü äíëæáí ñòàòü äíáí ääèèéíé ðäáíñòè è ecääèèíéý! Ñòíèò èè èäòè á ñëíáãã
íðíèèääòü ñëáçú è äçáüòäòü í äàçðòáíéèè Õðàí à? Áíò-áíò íðèääò íí, æäèäííúé
íñáíáíèèòäëü Äüáíáí ííã, è ííýäèòíý íí ñääè íáñ..**

Не о материальных благах Израиля заботился р. Леви-Ицхок. Ибо что такое были для него земные блага! «Плотские наслаждения кончаются и исчезают без следа. В них нет совершенства». Страдания Израиля в голусе сами по себе не страшны. Наоборот! Нужно возлюбить страдания, ибо они служат возвеличению Святого Имени. «Как чудесно и как любезно, как сладко и как приятно принять на себя удары, испытать страдания, которые способствуют возвеличению и освящению Его великого имени в мире!» Если Леви-Ицхок и был озабочен чем-нибудь, то лишь духовной жизнью Израиля, которая умалется в плену. «У всякого, одаренного способностью к познанию Творца, глаза должны источать реки слез, и сердце должно болеть неустанно о том, что гонения и мучительные заботы не дают нам достаточного досуга для науки – для Торы, для спасения души и для благих дел». Вместе с народом «и Шхина – в голусе». Только там, в стране отцов, где царят Святой Дух и Большого Разум, мы сумеем «служить Б-гу в наивысшей форме», только там «вознесемся на уровень Шхины».

В том-то и заключается смысл пришествия Мессии-избавителя: «Ибо тогда будут служить Б-гу Большим Разумом и постигать величие Творца во всей его бесконечности». С пришествием Мессии, по мнению Леви-Ицхока, всем взорам откроется светлое будущее: мир, полный добра, святости и чистоты. «Дух зла исчезнет с лица земли, и не будет грехов больше»; «Все познают Б-га, и все народы признают Его царство». Израиль поднимется тогда на высшую ступень духовности, он будет обитать «во внутренних чертогах, и ангелы будут у него вопрошать, что сделал Гсподь».

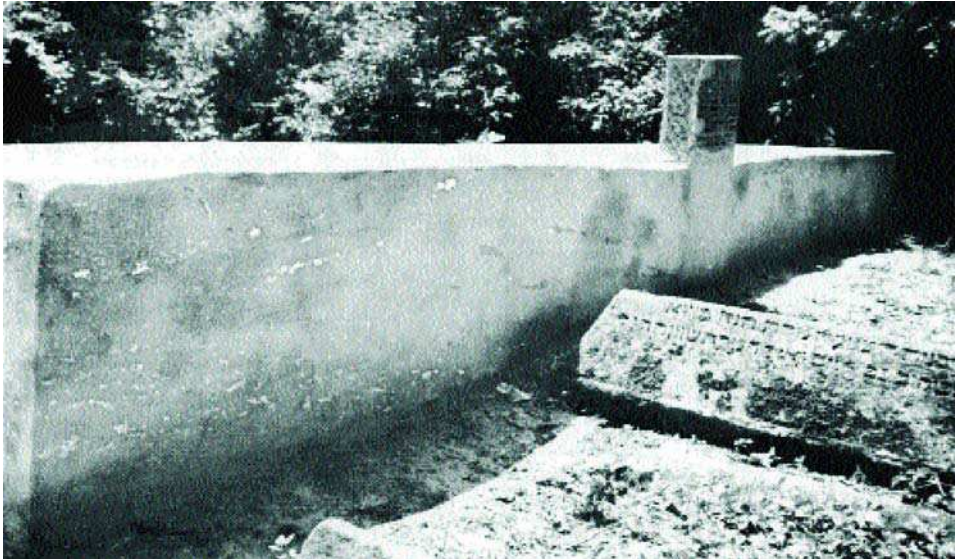
Рабби Леви-Ицхок, согласно завету древних, каждый день ждал пришествия Мессии. В трогательных образах описывает легенда это ожидание, полное несокрушимой веры и глубокой тоски. Вот наступает канун траурного дня 9 Ава. Солнце уже склоняется к закату, вечерние тени ложатся на землю. Евреи толпой теснятся в синагоге, готовясь к чтению потрясающих «Кинос», описывающих разрушение Храма, горести страждущего народа... Но где же рабби Леви-Ицхок? Отчего он не среди своей паствы, ждущей его с таким нетерпением? Р. Леви-Ицхок еще дома, давно уже стоит он у окна, и ничто не в состоянии сдвинуть его с места. Он погружен в думу. Взор свой он вперил вдаль и, кажется, пронизывает им небеса. Оттуда, из этой таинственной дали, должен прийти долгожданный Мессия, избавитель. Разве не обещано нам в талмудической Агоде, что Мессия придет в этот именно день, день плача и великого народного траура?! Не этот ли день должен стать днем великой радости и избавления! Стоит ли идти в синагогу проливать слезы и вздыхать о разрушении Храма? Вот-вот придет он, желанный освободитель. Еще немного, и появится он среди нас... Давно уже зашло солнце. Улицы объаты тьмой. А рабби все еще стоит у окна, погруженный в свою думу. Приходит служка из синагоги: «Рабби, уже давно пора читать Кинос!» Р. Леви-Ицхок вздрагивает, пробуждается, точно от сна. Где же Он? Нет, не пришел! Опять перед ним голус, юдоль плача и скорби, Израиль, униженный и гонимый, а с ним и «Шхина в голусе». И р. Леви-Ицхок бежит в синагогу, простирается перед кивотом и с громким плачем начинает чтение Иеремиады («Эйха»): «Как остался одинок город Иерусалим»...

В 1793 году рабби Леви-Ицхок заболел. Слабое тело не выдержало напряжения вечно мятущегося, неугомонного духа. Болезнь отразилась и на его душевном состоянии. Р. Леви-Ицхок сделался предметом трогательного внимания и забот со стороны своих многочисленных почитателей. Даже из других городов приезжали хасиды и цадики, чтобы справляться о здоровье любимого учителя. Возносились горячие молитвы о ниспослании ему исцеления. Сам больной в это время, как рассказывают, быстрым шепотом читал молитвы из маленького молитвенника. Цадики-современники утверждали, что «на небе было тогда большое недовольство против Леви-Ицхока, ибо он в тот год слишком “дерзал против высших сфер”». Целый год тяжелый недуг угнетал плоть и дух р. Леви-Ицхока, и только по истечении этого срока наступило полное выздоровление.

Выздоровев, р. Леви-Ицхок продолжал с прежним рвением дело духовного совершенствования своей паствы, распространяя не только хасидизм, но и раввинское знание. В своей школе-молельне он читал молодым людям лекции о Талмуде и его комментариях.

Он пытался также провести некоторые «реформы» в синагогальных установлениях. 1. Коэны должны благословлять народ и в праздник, совпадающий с субботним днем. 2. Только коэн призывается первым при публичном чтении Торы. 3. При чтении Торы призывается не более семи лиц. 4. Свадебный балдахин («хупа») ставится только у синагоги, но не у Дома учений. 5. Обряд обрезания должен производиться только в синагоге, а не дома... Леви-Ицхок боролся также против карточной игры, которой тогда многие предавались в праздник Хануки, ибо считал эту игру источником дурных страстей.

Великий жизненный подвиг, долгое истовое служение Б-гу создали Бердичевскому раввину в народе славу «святого». Известный его современник, цадик-чудотворец Яков-Ицхок из Люблина, говорил: «Я каждый день произношу особую благодарственную молитву Б-гу за то, что Он послал на землю такую высокую и святую душу, как рабби Леви-Ицхок». Борух из Меджибожа, гроза цадигов, говорил о Леви-Ицхоке: «Серафимы небес завидуют его величию, его любви и благоговению к Б-гу». Нахман Брацлавский, критически относившийся ко всем цадикам-современникам, был высокого мнения о Бердичевском раввине. Цадик Ицхок из Ворки, ученик названного выше люблинского чудотворца, говорил о Леви-Ицхоке: «Это – настоящий ангел». К числу почитателей р. Леви-Ицхока принадлежал и его товарищ по межжеричской школе, впоследствии породнившийся с ним, Шнеур-Залман Лядыйский, творец «умозрительного» хасидизма, Хабада, во многом отличавшегося от экстатического учения бердичевского цадика. «Г-сподь, – однажды будто бы сказал Шнеур-Залман, – это цадик на небесах, а рабби Леви-Ицхок – цадик на земле». Когда между Шнеуром-Залманом и переселившимся в Палестину р. Авраамом Калискером разгорелась полемика по поводу сбора пожертвований для Святой земли, обе стороны обратились за разрешением спора к р. Леви-Ицхоку, и тот высказался в пользу своего белорусского друга, отозвавшись о нем как о великом праведнике и достойном преемнике «проповедника из Межерича». Когда вследствие происков миснагедов Шнеур-Залман был арестован и отвезен в Петербург в качестве опасного расколоучителя, он послал нарочного к р. Леви-Ицхоку в Бердичев с просьбой молиться за него. Сюда следует прибавить, что в 1798 году (время первого ареста р. Залмана) такая же опасность грозила и рабби Леви-Ицхоку как одному из главарей хасидского движения, на которых был подан донос в Петербург. По неточным известиям р. Леви-Ицхок был в числе тех цадигов, которых одновременно с р. Залманом арестовали и распорядились отправить в Петербург для допроса, но потом вернули с дороги и отпустили на свободу.

יִצְחָק בֶּן עֲלֵי-יִצְחָק אֲבִיבֵי-אָבִי

Из ближайших товарищей и учеников р. Леви-Ицхока, оставивших потом заметный след в развитии хасидизма, наиболее известны проповедник из Козеница рабби Исроэл Козницер, Шмуэл из Каменки и Арон из Житомира.

Рабби Леви-Ицхок скончался в Бердичеве в сентябре 1809 года и был похоронен на местном кладбище. На его могиле воздвигнут каменный «шатер» без всякой надписи. Но народ знал, что это – священное место упокоения «Бердичевского раввина». К его могиле приходили и приходят верующие, приходят в случае личного горя или в дни общественных бедствий, чтобы молить великого народного печальника о заступничестве перед Б-гом. Со времени смерти р. Леви-Ицхока в Бердичеве нет больше «раввина»; местные духовные пастыри не носят этого титула, а довольствуются более скромным званием «мойре ойроэ» (учитель, наставник в области закона). Один только «раввин», достойный этого звания, был в Бердичеве – рабби Леви-Ицхок, и сто лет, протекшие со дня его смерти, не дали другого, равного ему.

«אֲבִיבֵי-אָבִי הַבְּרִדִּיבֵי». 1909

боль, а ведро в блестках льда было похоже на отрубленную медвежью голову. Вокруг испуганно простирали свои застывшие объятия тихо шелестевшие ели. Их кроны были укутаны в пушистый снег.

В избе кто-то быстро и решительно задернул занавеску. Где-то поодаль заскулила собака, залаяла, затихла и через минуту снова залилась остервенелым лаем. Казалось, в нем, в этом непрекращающемся лае, звучала неизбывная тоска по чему-то давно ушедшему и невозвратимому или давал о себе знать подспудный страх за что-то, и, казалось, это «что-то» вот-вот нагрянёт, оно уже растёт, разрастается все сильнее, гуще, и некуда от этого деться.

Стоявший у окна мужчина провел рукой по мохнатым, под цвет темноты, бровям и, тяжело и хрипло дыша, обронил в тишину: «Б-же мой, сколько снега, сколько снегу! Он все дороги заметет. Все стежки. Откуда только берутся такие горы снега? Откуда? Неровен час, он и меня заметет-завьюжит».

Скрипнула дверь. Холодная струя воздуха хлынула в сени, пробирая до костей. Послышались чьи-то старческие шаги, в тишине зажурчала какая-то жидкость, которую наливали в невидимый сосуд, кто-то рьяно принялся чиркать спичками, и наконец темень осветилась бледным желтым огоньком керосиновой лампы. Вставленная во что-то наподобие миски, она свисала на проволоке и еще долго-долго покачивалась, отбрасывая на бревенчатые стены, на выцветшую икону с изображением Святой Девы Марии и на больного в допотопной кровати, черневшей в углу избы, смутные дрожащие отсветы.

– Что с вами, Левушка? Вы сегодня к молоку даже не притронулись, – сказала тетя Катя, старая, усталая женщина с впалыми щеками и натруженными, в голубых прожилках, руками. – Небось, по весне, Левушка, соскучились? Все ваши земляки, я имею в виду евреи, домой, в Польшу, собираются. А вы ничего не едите. Как же такой длинный путь одолеете-то?

Левушка ничего не ответил. Тетя Катя приблизилась к кровати, наклонилась над ним и прислушалась к его прерывистому дыханию. Больной попытался своими воспаленными глазами отыскать ее печальный, не привыкший к радости взгляд, но тетя Катя опустила седую, обремененную заботами голову, отодвинула одеяло, примостилась на краю кровати и стала ему рассказывать о старце Прокофий, ведуне и провидце, который предсказал в этом году скорую и теплую весну – лепота, мол, будет, лепота, растает снег, проснутся ручьи, зажурчат звонко, солнышко пригреет, лягушки заквакуют, и разморенная теплом кошка прикорнет на крыше.

Левушка не проронил ни слова.

– А еще, паря, говорят, будто наши вскорости в Берлин ихний войдут, и война закончится. Тогда-то, Левушка, вольней вздохнем, косточки свои расправим и станем есть досыта. А еще бают, карточки на хлеб отменят...

Левушка хранил молчанье.

Тетя Катя встала, вынула из печи чугунок с горячей водой. «Нехорошо с ним, нехорошо. Б-г весть, что его ждет. Батюшки-светы, до чего же он одинок. Надо бы его сородичам сказать. Не приведи Г-сподь, до весны не дотянет».

– Тетя Катя, – вдруг заговорил Левушка. – Снег меня заметет, засыплет. Вы только поглядите – он валом валит. Мне уже никогда не выбраться из этих сугробов. – Голос его вдруг погас, захлебнулся, Левушка закашлялся и невнятно прошептал :

– Сколько снегу! Б-же, сколько снегу!

Тетя Катя не спешила с ответом. Она бросила боязливый взгляд на выцветшую икону Святой Девы в углу, встала с кровати, подошла к изголовью, взбила подушки, попыталась из кружки напоить больного молоком, но тот только сжал посиневшие губы и отвернулся к стене.

– Ладно, спи, – согласилась старуха.

Она забрала лампу и юркнула в соседнюю комнату, из которой до бодрствующего Левушки и до сердобольной Богородицы еще долго доносились ее глухие вздохи.

Избу захлестнул мрак. Все превратилось в один густой, черный клубок.

Лева стало трудней дышать. Ему захотелось сесть, спуститься на пол. Он зашелся в кашле, с трудом разжал губы, отхаркнулся и внезапно с пугающей ясностью осознал, что выхаркивает не хворь, а частицу за частицей всю свою жизнь – он это чувствовал, он это прекрасно знал. Три месяца назад он впервые понял, что означают эти красные пятнышки в мокроте, но, как малое дитя, продолжал послушно выполнять все предписания доктора. Единственное, от чего Лева отказался наотрез, – это чтобы как можно дольше оставаться в районной больнице. Об этом он и слышать не хотел. Большая, насквозь промерзшая палата-склеп внушала ему только ужас. Раздражали его и частые посетители – придут и точат лясы. В такие дни у него подсакивала температура и разламывалась от боли голова. Однажды к нему явился профорг шахты. Лева хмуро уставился на него и ни на один вопрос не ответил, а их, этих дурацких вопросов, была уйма. Левушка рвался обратно, к своей хозяйке – к тете Кате. В больнице он просто задыхался. Каждый день кого-то уносили навеки, а он хотел жить, он жаждал дожидаться весны, когда можно будет уехать, вернуться туда, где он не был столько лет. Вернуться! Любой ценой вернуться! Лева простодушно верил, что если он дотянет до первых весенних лучей, до первой зеленой ветки на дереве – он будет жить.

У тети Кати куда лучше, почти как дома, покойно и тепло. Побеленные бревенчатые стены, керосиновая лампа, висящая на проволоке под потолком, окрашенный в зеленый цвет старинный комод с вырезанными на нем полевыми цветами, над ним пожелтевший портрет мужа Екатерины, николаевского солдата... Все в избе привычно, близко сердцу. Кошки ленивой, не желающей слезть с печи, и той не хватает. И Святой Девы Марии не хватает. Как-никак – еврейка... Но Левушке не хочется досаждать тете Кате своими хворями. Она к нему и так слишком добра. А ведь одинёшенька, как и он, беженец. Муж помер, дети разъехались, сама живет впроголодь. Больше всего Левушку манил полустанок, поезд, мчащийся мимо избы тети Кати. Раньше, когда Левушка был здоров, он по ночам приходил в ярость от обрушивавшегося на него грохота колес, от разрывающих перепонки паровозных гудков, часами не мог уснуть – ни свет ни заря отправлялся с головной болью на работу в шахту и все время порывался сменить жилие. Но ему было жалко старуху.

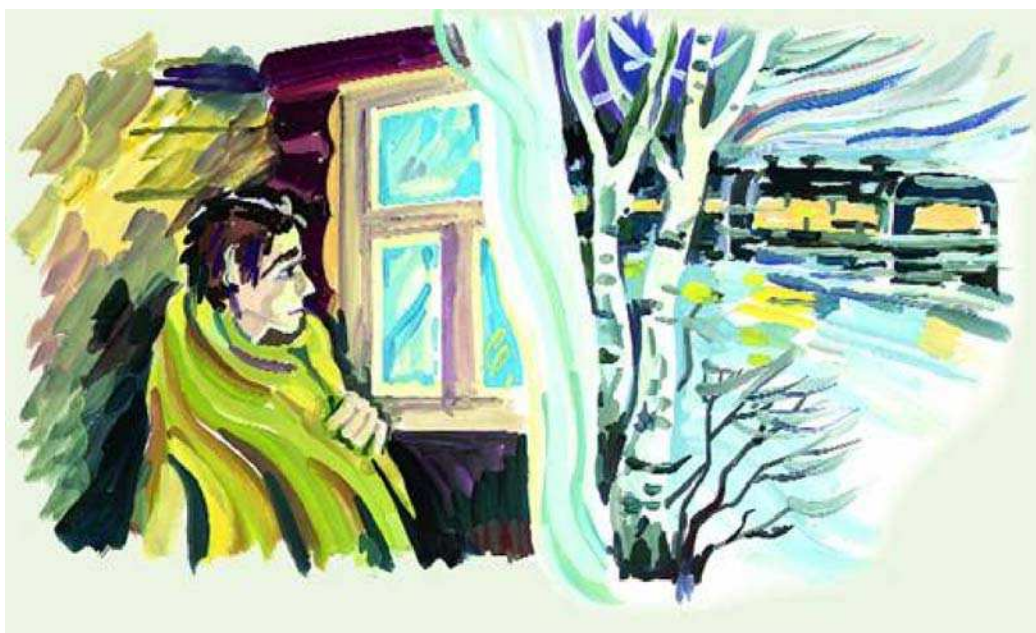
Три дня, как Лева выписали из больницы, три дня, как он валяется в постели, три дня в поселке валом валит снег, за окнами ослепительная белизна, которая гнетет душу. Он не отрывает от нее, от этой белизны, отчаянных глаз, и ему кажется, что она вот-вот всосет его, даже побеленные бревенчатые стены напоминают ему снежные сугробы, они все больше смыкаются вокруг, еще денек – и накроют кровать.

Вчера кошка спрыгнула с печи и улеглась рядом. Левушка стал гладить ее и вдруг заметил то, на что раньше внимания не обращал: Г-споди, как утончилась рука, как удлинилась и... побелела, словно земля за окном. Может потому он поспешно отдернул ее и спрятал под одеяло.

В соседней комнате стенные часы пробили полночь, скрипнула кровать тети Кати. Видно, старуха только-только улеглась. Через миг-другой она уснет, захрапит, начнет что-то бормотать во сне, и вскоре ее бормотание переплавится в стон и в сдавленное рыдание. Левушка к этому давно привык. Вот за свою пилочку взялся и сверчок за печкой, пилит и пилит тьму...

Через четверть часа скорый поезд Москва-Свердловск, обледенелый, запыхавшийся, пролетит мимо, и его огни-бесенята ворвутся в избу, заплещут на потолке, шмякнутся на постель, полежат немножко и пустятся наутек – и следа не останется.

Лева не мог представить свою жизнь без мельтешения этих рассекающих пространство поездов. До болезни он частенько выходил из избы и подходил к рельсам. Отшлифованные колесами, они искрились на морозе и радовали глаз своим цветом, его невыразимыми, загадочными переливами. Он плялился на рельсы, и его так и подмывало вскинуть руку и помахать пролетающим эшелонам, но рука с шевелящимися пальцами почему-то повисала в воздухе и ни с того ни с сего падала вниз, как подстреленная птица. Теперь болезнь отняла и это щемящее удовольствие вглядываться в рельсы, в испуге стремительно убегающие к горизонту, туда, где чернели непроходимые, заметенные снегом леса, теперь он нетерпеливо ждал, когда поезд промелькнет, сверкнув огнями, которые ворвутся в избу, пошелят-пошелят и дадут стрекача.

Чем дальше, тем больше Лева нервничал и волновался. От волнения он весь покрывался потом. Его охватывало отчаяние при мысли, что сегодня поезд не промчится мимо поселка, что машинист выбрал другой маршрут, решив лишить его, больного, последней печальной радости – этого шума и этого свиста.

– Поезд должен пройти!

Колодезная цепь и ведро скрипят так жалобно, что нельзя не вскочить с постели, стенные часы просто ошалели, они тикают так, как будто кто-то бьет молотом по наковальне. Что же случилось? Где это слыхано, чтобы сверчок на печи, кошка в снях, собака в конуре договорились между собой и подняли гвалт на всю округу! Что же это, люди, такое? Почему до сих пор нет поезда, не слышно гудка? Почему грохот колес не в силах заглушить эти вопли кошки и эту тоненькую пилочку сверчка?

Наконец издали до избы долетает какой-то неясный и глухой звук, он постепенно перерастает в колесный перестук и пронзительный посвист, лесная чаща отвечает им своим трубным шумом, все ближе и ближе размеренный скрежет вагонов, пляска огней, еще мгновенье, еще мгновенье и – могильная тишина.

Тишина.

В тишине снова скрипит цепь, снова тикают часы, снова пилит тьму своей пилочкой сверчок.

Голова Левушки бессильно откинута на подушку, потускневший взгляд блуждает по заиндевевшей поверхности оконного стекла. В углу спит Богородица. За окнами падает снег.

Г-споди, сколько у Тебя снега? Сколько?

Г-споди, сколько у Тебя снега? Сколько?

ОБМАНЩИК

Beṯā Qiaḇō ad

*Eṯāā daḇi ṯaēēṯiṯi-aeṯāa-aiḇāi ē iḇaeṯ oḇai ṯi ai āaeō iṯ adḇe ḇaeāoḇi aiḇ
iṯkeāai ṯū, iḇae ṯi eṯaeōi iḇāai ṯi ṯi iṯeēṯā ē iḇaeṯi ae āāa-ae.*

Diāae ṯaḇi ai eḇ Adḇeāāi

Прошлой ночью Моше приснился странный сон. Он снова мальчик и опять бежит через весь Бней-Брак на мельницу с обедом для отца. Весь Бней-Брак... Тогда это была всего лишь пыльная деревушка к востоку от Тель-Авива. По ее улицам не спеша проезжали на осликах бедуины, а их овцы упорно лезли в палисадник, пытаясь обглодать подсолнухи, гордость мамы Моше. Сегодня, гуляя по проспекту рабби Акивы, он никак не может сопоставить уютный мир своего детства с этой шумной городской улицей.

Его родители уехали из Молдавии в середине двадцатых годов. Сочная фамилия отца – Бендерский – на иврите усохла и скукожилась, превратившись в Бендери. Впрочем, превращения претерпела не только фамилия. Работы в те времена было не слишком много, и фармацевту Хаиму Бендери пришлось устроиться грузчиком на мельницу. Пришлось! Это еще было большим счастьем, что из десяти претендентов управляющий остановил свой выбор именно на нем. Удивительного, впрочем, тут было мало: как потом выяснилось, управляющий тоже оказался выходцем из Бендер.

На мельницу отец добирался пешком, час туда и час обратно. Возвращался поздно, весь белый от муки и пыли. Если случалось уронить мешок, он оставался после работы и аккуратно собирал муку до последней щепотки. Спустя сорок лет его сын Моше Бендери, старший мастер на заводе, который производил знаменитые израильские танки, повторял новым работникам:

– За свой счет оставался, бесплатно. Домой на такси его не везли и бутерброд дополнительный не выдавали. Ценить надо рабочее место – оно источник вашего благополучия и семейного счастья.

Без хорошей зарплаты семейная гармония недостижима. В это Моше верил свято, так же, как и в необходимость заниматься спортом, привитую ему в коммунистическом кибуце.

В конце тридцатых годов Бней-Брак стал резко меняться. Сначала приехал реб Гедалиа, купив маленький домик в конце улицы, к нему потянулись его ученики, их друзья, знакомые друзей, друзья знакомых – короче, весь кагал. Потом вдруг объявился раввин из Польши и выстроил на песчаном холме неподалеку от дома социалистов Бендери огромную ешиву с роскошной каменной лестницей.

– Двести учеников будут подниматься по уграм в ешиву, – говорил он, – и двести спускаться им навстречу!

Выглядело это просто смешно, если учесть, что во всей тогдашней Палестине можно было с трудом отыскать три сотни ешиботников.

Когда до бар-мицвы Моше оставалось всего несколько недель, реб Гедалиа остановил его на улице. Июльское солнце полыхало словно костер инквизиции. Пыльный ветерок и сухая земля, поджариваясь на медленном огне, молили о пощаде. Только от седой бороды реб Гедалии веяло холодом. Ощущение прохлады было настолько реальным, что Моше невольно приблизился к старику почти вплотную.

– Мальчик, – спросил он, – сколько тебе лет?

– Скоро тринадцать, – гордо ответил Моше.

– А кто готовит тебя к бар-мицве?

Моше не знал.

– Тогда передай маме, что я хотел бы с ней поговорить.

По вечерам, когда мальчишки на улице рассказывали друг другу страшные истории, имя реб Гедалии произносилось уважительным шепотом. Одни утверждали, будто ему известен Шем А-мефораш, непроносимое Имя, дающее власть над ангелами. Другие считали, что он потомок пражского Голема, искусственного человека, и потому не боится жары. Ребята постарше видели собственными глазами, как из его окна под самое утро вылетают и уносятся в сторону кладбища белёдые облачка, очертаниями напоминающие человеческие фигуры. Так оно было или не так, но просьбу реб Гедалии Моше бросился исполнять со всех ног.

Его мама, наверное, тоже наслушалась этих историй. Оставив без присмотра кипящий на плите суп, она поспешила на улицу, прикрывая голову кухонным полотенцем.

На следующий день после школы мама повела Моше к реб Гедалии.

– Он очень добрый, – говорила она, поправляя на его голове новую шапочку. – И так похож на твоего дедушку, которого убили в Кишиневе во время погрома.

Шапочка Моше очень мешала, ему хотелось избавиться от нее как можно скорее.

Весь урок реб Гедалия рассказывал про древних героев, раскрывал перед Моше книги в истертых переплетках. От книг исходил сухой, дразнящий запах.

«Наверное, так пахнут тайны, – думал Моше. – Вот будет здорово, если он раскроет мне одну из них».

Вернувшись домой, Моше сразу почувствовал неладное. Глаза у матери покраснели и распухли, отец молчал, уткнувшись в газету. Только перед сном он сердито произнес на идише несколько фраз. Идиш Моше не понимал, его родным языком был иврит, поэтому кроме слов «коммунист» и «синагога» ничего не сумел разобрать. На следующий день родители помирились, но второй урок у реб Гедалии так и не состоялся.

В день бар-мицвы отец взял выходной, и они с самого утра поехали в Тель-Авив. Жара стояла такая, что ее можно было пощупать рукой. Весь день они гуляли по городу, прошли от начала до конца набережную, постояли у нового здания Профсоюза с огромным красным знаменем на крыше, а ужинать поехали в Яффо.

Араб, повар рыбного рестораника, расположенного прямо на причале, орудовал над плитой с ловкостью фокусника. На какой-то миг Моше показалось, будто он сейчас повернется и так же ловко подхватит на сковороду оранжевое солнце, которое садилось в море прямо у него за спиной.

Потом началась война в Европе, остатки уничтоженных еврейских общин хлынули в Святую землю. Религиозным стало не хватать места в Иерусалиме, и они наполнили Бней-Брак. Эти пейсы, закрученные словно женские локоны, черные сюртуки в белых разводах высохшего пота, клочковатые бороды и никакого представления о справедливом устройстве общества...

– Справедливо – значит поровну, – учил бывший комсомолец-подпольщик Бендери своего сына. Мальчик подросток, и, опасаясь дурного влияния религиозных мальчишек, отец отправил его в кибуц.

С тех пор прошло много лет, но в памяти Моше не осталось почти ничего. Женитьба на девушке из того же кибуца, четыре войны, ранение, рождение сына, ну, пожалуй, еще та история с телефонисткой... И работа, каждый день подъем в пять, зарядка, пробежка по улицам, черный кофе, завод. Годы Моше отмерял по обуви, нещадно съедаемой стружкой от брони, которую обрабатывали на его участке. Две пары – и год прошел.

Давно отнесли на бней-браковское кладбище отца, ушла мать, с улыбкой на пожелтевшем от страшной болезни лице. Улица застроилась корявыми домами, битком набитыми постоянно шумящими детьми. Шутка ли – в каждой квартире их по восемь-десять, в доме – сорок, на улице пятьсот!

Впрочем, с соседями Моше и его жена Хедва уживались хорошо. Гармонию подчеркнутого невмешательства в чужие дела нарушали только утренние пробежки Моше. В будни его волосатые ляжки могли лицезреть лишь почтенные отцы семейств, бредущие на «ватикин», молитву перед восходом солнца. Завидев Моше, они плотнее запахивались в талесы и отводили глаза в сторону. Их жены и дочери в этот момент еще наблюдали приход Мошиаха в сладком мареве утреннего сна. Хуже обстояло дело в субботу и праздники, когда жены и дочери, а вместе с ними жены и дочери гостей, с самого утра высыпали на улицу, непринужденно располагаясь под окнами. Но Моше не уступил. Словно гордый буревестник из поэмы русского революционера в переводе Хаима Бялика, он парил над толпой, высоко поднимая ноги в кроссовках «Адидас».

Единственный сын Моше и Хедвы после

службы в армии отправился путешествовать по Индии, да так и застрял где-то в районе Катманду. Иногда от него приходили письма, вернее, открытки с видом живописного обрыва в Гималаях и парой строк, из которых «здравствуйте, мама и папа» и «привет всем нашим» составляли половину.

В такие дни Хедва встречала мужа у калитки. Она бы примчалась к нему на работу, чтобы поскорее вместе прочитать долгожданную весточку, но на военный завод посторонних не пропускали.

Поговорить по душам, поделиться или просто посплетничать Хедве было не с кем. Подруги ее юности как-то сами собой рассеялись после замужества, а Моше дружбу ни с кем не водил.

– Ты – мой друг, – повторял он Хедве, – лучший, любимый и единственный. И больше мне никто не нужен.

После смерти свекрови Хедва задумала переехать в другой город.

– Они какие-то ненормальные, – жаловалась она мужу после очередной попытки заговорить с соседками. – Кроме недельной главы Торы и проблем исполнения заповедей их ничто не интересует.

Но Моше не соглашался.

– Когда мой отец построил этот дом, в Бней-Браке не было ни одной синагоги. Пусть они уезжают, а я останусь на своем месте.

Рождение сына, его болезни, первые шаги и детские словечки на несколько лет скрасили одиночество Хедвы. Но мальчик подрос, и Моше, следуя примеру отца, отвез его в тот же кибуц. В доме опять наступила тишина, нарушаемая лишь гудением холодильника.

Двое встречали Моше после работы – жена и кот Метушелах. Он был невероятно, невозможно стар. Его принесла в дом еще покойная мать Моше. Поначалу это был игривый, забавный шарик из серой шерсти, затем грозный охотник за воробьями и ящерицами. Даже на бедуинских коз он рычал хищно и свирепо, принимая их за вымажавших мышей. С годами прить ушла, а шерсть свалялась. Кот все чаще лежал на подоконнике, сонно поглядывая на голубей в палисаднике. Постепенно он превратился в смиренное домашнее животное, затем в полосатый коврик, а потом в часть пейзажа. Хедва его застала глубоким стариком и, узнав, что ему пошел пятнадцатый год, назвала Метушелахом.

С тех пор прошло почти двадцать лет. Кот все еще жил, почти не двигаясь, с трудом принимая пищу. Когда Моше говорил, сколько ему лет, никто не хотел верить. И только реб Гедалиа утверждал, будто в него вселилась чья-то высокая душа.

– Бери пример со своего кота, – говорил он Моше, когда они иногда встречались по утрам. – Он у тебя, наверное, праведник по своей кошачьей линии, если дожил до такого возраста. А ты?

– И я готовлюсь, – отвечал Моше. – Полезная, здоровая пища плюс физическая активность – залог долголетия!

– Ну-ну, – говорил реб Гедалия, – ну-ну. Лучше всего мы умеем обманывать самих себя.

Моше поправлял трусы и бежал дальше, оставляя старика наедине со своими проповедями.

Беспощадное лето сменяла солнечная зима, облака и тучи, казалось, навсегда эмигрировали в прохладные страны. Синоптики постоянно обещали понижение температуры в конце недели, но неделя подходила к концу, а жара не спадала. Наверное, они говорили это из милосердия, из высокой и бескорыстной любви к страдающему человечеству.

Сын надолго застрял в Бирме, угодив в секту к какому-то гуру. До пенсии оставалось еще много лет, а вечный Метушелах все так же приоткрывал глаз и беззвучно мяукал, когда Хедва ставила перед ним блюдечко с куриной печенкой. И вдруг...

Два года назад у Моше обнаружили рак желудка. Вначале его обманывали, рассказывая явные сказки неестественно бодрыми голосами. Он верил, хоть интонация казалась ему подозрительной.

Однажды ночью он проснулся, услышав из другой комнаты с трудом сдерживаемые рыдания. Хедва разговаривала по телефону со своей матерью.

– Скоро, – говорила она, произнося это слово с каким-то незнакомым выражением, – профессор говорит, что уже скоро...

Нельзя сказать, что Моше боялся смерти. Как и всякий здоровый человек, он отгонял от себя мысли о ней, где-то внутри полагая, что будет жить вечно. В те короткие секунды, когда ему в голову приходили мысли о неизбежности конца, он переполнялся клубящимся ужасом перед неизвестным. Но вот определился срок, стала понятной причина, и он даже как будто обрадовался.

Теперь Моше знал конкретно, чего бояться и чего ожидать.

Лежа навзничь на больничной койке, он рассматривал пустой грязно-желтый потолок. Внезапный сон о детстве словно сорвал печать с одной из дверей в памяти, выпустив на свободу демона воспоминаний.

... Той ночью ему не удалось заснуть. Ходил по кухне, пил воду и снова ходил, тихо, почти беззвучно, боясь разбудить Хедву. Телефон как ни в чем не бывало стоял на своем месте. Его черная пластмасса почему-то напоминала Моше судебскую мантию или сюртук раввина.

Утром он пошел к реб Гедалии. Последняя надежда. Реб Гедалия, на улице – сморщенный маленький старичок, в своей синагоге показался Моше чуть ли не великаном. Том Талмуда в его руках выглядел игрушечным. Борода густого белого цвета и распушенные пейсы окружали лицо, как облака окружают луну.

Выслушав рассказ Моше, он молча открыл книгу и отчеркнул ногтем начало и конец абзаца.

«Каждый день два ангела взлетают с подножия дерева жизни и смерти. Первый направляется к югу, второй спешит к северу. Беззвучен их полет и неслышны голоса. Но по всей Вселенной проносится слово, до крайних пределов доходит весть. Имена провозглашают ангелы, имена тех, кому предстоит умереть в ближайшие тридцать дней.

Рабби Ицхак перестал видеть свою тень на стене и поспешил к Учителю. Когда он вступил на порог дома, рабби Шимон заметил ангела смерти за его левым плечом.

– Кто учит Тору – пусть войдет, – сказал он. – Остальные останутся во дворе.

Рабби Ицхак вступил в дом Учения. После этого он прожил еще много лет».

Когда Моше дочитал, реб Гедалия мягко произнес:

– В наше время многие отстранились от Знания, и доля их осталась невостребованной. Кто прилагает усилия, получает не только свой удел, но и то, чем пренебрегли другие...

Левая рука, не присоединенная ни к одной из многочисленных трубочек, питающих его тело, была свободна. Привычным жестом Моше перебирал и пощипывал бороду. Волосы стали сухими и жесткими; их обломки усеивали белую простыню, прикрывавшую его до подбородка. Иногда, сам того не замечая, он поглаживал кнопку вызова.

После того разговора с реб Гедалией прошло больше двух лет. Учение поглотило Моше целиком, наложив свой отпечаток на день и на ночь, на выбор еды и порядок шнурования ботинок.

Растворившись в несущем его потоке, Моше вдруг по-особенному остро ощутил неповторимость своего «я», всю невозможность предстоящей утраты, вопиющую боль белого пятна, которое останется в мире после его ухода. Порой учеба настолько увлекала, что он забывал пойти на процедуры.

– Вы убиваете себя, – пеняла медсестра после очередного прогула. – Что скажет врач?

Лечащий врач ничего не говорил. В поликлинике Бней-Брака он появился недавно, и в книге практикующих врачей его фамилия была указана на специальном вкладыше. Специалист по «той самой болезни», название которой многие предпочитают не произносить, он считался одним из лучших в окружной больнице. К нему направляли самых безнадежных, и он брался то ли из милосердия, то ли из-за уверенности в своих силах, а может, просто для поддержания авторитета. Основную, а, возможно, и главную часть его лечения составляли улыбки и ободряющие прогнозы.

Болезнь, вопреки прогнозу профессора, развивалась медленно, и Моше решил написать книгу о смерти. Он ходил по знаменитым раввинам, пробивался на прием к кабалистам, ночами сидел над

комментариями. Слух о его болезни быстро облетел Бней-Брак, и самые закрытые двери широко распахнулись перед ним.

Он собирал все, что удавалось узнать. Притчи хасидских ребе и наставления «литовских» раввинов, прощальное слово главы ешивы Кельм, сказанное ученикам перед расстрелом, и надпись, возникшую на стене последней синагоги Варшавского гетто.

Но на главные, основные вопросы ответа он не сумел получить. Кабалисты обещали поискать в книгах, раввины успокаивали, утверждая, будто с Неба спускается только хорошее. Моше подозревал, что они просто не хотели сказать ему правду. Возможно, из жалости, а возможно, считая его недостаточно подготовленным.

Наверное, так оно и было, но времени для постепенного постижения Истины у него попросту не оставалось.

На одной из страниц книги «Зогар» Моше обнаружил примечание, написанное маленькими буквами.

«За минуту до смерти, – гласило примечание, – душе придаются дополнительные силы. Перед ней открываются многие тайны, и в последние мгновения человек видит весь мир из конца в конец. Он беседует с ангелами и взирает на свет Шхины. Пережить такое не в силах никто».

«Пережить не может, – думал Моше, – но может немного обмануть. Если в эту минуту работает магнитофон, то даже несколько фраз, произнесенных заплетающимся языком... А потом Хедва выпустит его книгу с раскрытием двух-трех тайн, недоступных многомудрым раввинам и кабалистам».

Он взглянул на жену. Последние две недели она не отходила от его постели, ночуя в кресле, обтянутом черной искусственной кожей. Еще недавно смотреть на нее доставляло ему удовольствие. Угадывая под широким платьем знакомые очертания, Моше без всякой ревности думал о будущем, о том, как кто-нибудь другой будет так же разглядывать Хедву, привычно восстанавливая скрытые одеждой подробности.

Не то чтобы он жалел о невозможных теперь наслаждениях. Их круг, открытый для здорового человека, для него постепенно сошел на нет.

Он уже не проскачет верхом на лошади по рыжим холмам Галилеи. Столько лет собирался и вот – уже не проскачет...

И Антильские острова, шелковистые пляжи с прохладной бирюзовой водой остались где-то там, в невостребованном будущем...

Желания покинули его. Несколько дней назад он вдруг ощутил в себе странную перемену. Ему ничего не хотелось. Он перебрал все, ранее будоражившее его воображение, и понял, что больше ни в чем не испытывает нужды.

Поначалу он испугался. Его тело, безмолвно простираясь от шеи и ниже, оставалось глухим к самым заманчивым посулам. Оно превратилось в некое противоречие самому себе, став настолько бестелесным, что, если бы он мог встать, наверное, не отбрасывал бы тени.

«Неужели мои желания и были мною?» – с ужасом думал Моше.

Перебирая и восстанавливая события, он отыскал ту точку, в которой линия жизни опрокинулась и понеслась вниз, увлекая его за собой. Любовь, обиды, зависть, крепкий желудок и хороший аппетит давно остались высоко-высоко, за желтой поверхностью потолка. Но окончательный перелом произошел две недели назад, вечером, перед больницей. Собственно говоря, с него то все и началось..

Он пришел к лечащему врачу на очередной осмотр и, не ожидая ничего утешительного, дождался своей очереди. В последнее время врач сделался чуть менее приветливым. Что-то его

раздражало, то ли неотступаящая болезнь, – тогда Моше еще лелеял надежду на ее отступление, – то ли темп ее развития.

«Привык, поди, – думал Моше, – или на кладбище через три месяца, или на выписку через полгода. А тут прицепилось, будто клещ к собаке – оставить невозможно, и оторвать не получается».

Особенно раздраженным врач был во время последней встречи. Моше до утра просидел на уроке реб Гедалии, потом спал почти весь день и, вдобавок ко всему, где-то потерял направление на рентген.

– Чем занята ваша голова, – возмущался врач, недоуменно пожимая плечами. – О чем нужно сейчас думать, как не о лечении?

Услышав про уроки, книгу и ночные бдения, он совсем расвирепел.

– Так вот на что вы тратите время, вот что вас занимает! Я бы на вашем месте немедленно прекратил эти глупости!

– Дай вам Б-г никогда не оказаться на моем месте, – ответил Моше. – А книги Рамбама трудно назвать глупыми. Хотите – принесу почитать.

– Спасибо, – равнодушно произнес врач, – но у каждого в мире своя задача. Кому Учение, а кому...

Он не договорил и протянул Моше листок с направлением.

– Постарайтесь не потерять. Снимок через неделю.

Ровно через восемь дней, как раз в канун Дня Независимости, Моше отправился узнавать результаты. Ничего хорошего от этого визита не ждал, и поэтому, усевшись на мягкий диванчик в приемной, вытащил свой блокнот и погрузился в записи, сделанные на последнем уроке.

«С Неба открыли царю Давиду день его смерти. – В субботу, – сказал посланник, не уточнив, в какую. С той поры на исходе пятницы царь поднимался на крышу дворца и разворачивал свиток Торы. Он учился с таким рвением и самоотдачей, что птицы, пролетавшие над его головой, сгорали в воздухе. Всю субботу ангел смерти висел за его левым плечом, поджидая удобный момент. Ему хватило бы мгновения, взгляда, отведенного от свитка, посторонней мысли...

Давно прошел срок, отведенный Давиду, а единственной добычей ангела смерти по-прежнему оставались летучие мыши и ночные бабочки. В конце концов он пустился на хитрость. На исходе субботы, когда всего одной звезды не хватало до начала вечерней молитвы, царь услышал голос.

– Давид, – взывал кто-то из глубины сада, – спаси, погибаю, спаси!

Царь прервал учебу и посмотрел вниз. Этого оказалось достаточно...»

Лечащий врач выглянул из кабинета и, увидев Моше, приветливо улыбнулся.

– Как хорошо, что вы пришли, как кстати. У меня для вас новость!

Не обращая внимания на очередь, он взял Моше под руку и повел внутрь.

– Не ожидал я такого, – бормотал врач, роясь в бумагах, покрывающих стол, – бывают, конечно, исключения, но чтобы так явно...

Моше похолодел.

– Нет, я не против, – продолжал врач, – чудеса не опровергают конвенциональную медицину, а скорее доказывают...

Наконец он вытащил из-под толстой папки рентгеновский снимок.

– Вот, полюбуйтесь. Видите, здесь, под ребрами? Не видите! И я не вижу. Следа, духу не осталось от проклятой!

– То есть как? – не верил Моше своим ушам. – А куда же она исчезла?

Врач развел руками и смущенно улыбнулся.

– Видимо, рассосалась. Бывают такие случаи. Ну и кроме того, правильное лечение, диета, здоровый образ жизни. Повторные анализы мы, конечно, проведем, а пока отправляйтесь домой, обрадуйте жену.

Пробежав полквартиры, Моше остановился. Тело не соглашалось с мнением врача. В горле пересохло, сердце колотилось словно птица в силке, а перед глазами дрожали черные точки.

«Я – словно смертник, – думал Моше, – которого помиловали прямо на эшафоте. Верю и не верю. Разум принял отмену приговора, а плоть по инерции продолжает умирать».

Он поднес ладони к лицу и принялся рассматривать подрагивающие пальцы.

– Кто это? Что тут осталось от старшего мастера Моше Бендери? Куда подевался он, и кто теперь я? И почему, за что?

Войдя в дом, он подошел к окну и впервые за многие годы погладил дремавшего Мегушелаха. Кот приоткрыл глаза и беззвучно замыкал. То ли он разделял радость хозяина, то ли возмущался несправедливостью происшедших с ним перемен.

Выслушав рассказ Моше, Хедва захохотала. Прижавшись к мужу, она сотрясалась от смеха, со свистом втягивая воздух. Горячие капли заскользили по шее Моше, смех, слегка изменившись в тональности, обратился в рыдания.

Моше отвел ее в ванную. Она долго мыла лицо, словно пытаясь избавиться от глубоко въевшейся грязи, сморкалась, снова плакала и опять умывалась.

Наступил вечер. Они сидели на диване и, держась за руки, наблюдали, как густеющие сумерки постепенно овладевают миром.

Страхи последних лет теряли реальность и смысл, а чернота, почти поглотившая сознание, растворялась, оставляя на память морщины и седые волосы.

– В Яффо! – вдруг воскликнула Хедва. – Мы целую жизнь не ходили в хороший ресторан. Сегодня День Независимости и праздник твоего выздоровления. Давай отметим их вместе!

Моше вытащил из глубины шкафа праздничную одежду своего прошлого. Легкие брюки из белого хлопка и шелковая рубашка благоухали лавандой. Между брюками и тем, что болезнь оставила от мускулов живота, можно было засунуть том Талмуда...

Ах, Яффо, желтые стены домов, узкие улицы, круглые шары фонарей, плывущие под ветром тени. Вечером на дуге причала расставляют столики, негромко звучит скрипка, ей вторят виолончель и морские волны. Запах жареных креветок, последнее «прости» кальмаров, протягивающих из кастрюли свои щупальца, дорогое французское вино в запотевшем серебряном ведре...

Посреди ужина Хедва вдруг напряглась, словно прислушиваясь к чему-то.

– Метушелах, – сказала она. – Я забыла налить ему воды, он ничего не пил с самого утра.

– Да что ему делается, – усмехнулся Моше. – Спит, небось, и видит во сне мышей в сметане.

В Бней-Брак они вернулись уже под утро. Хедва никак не могла попасть ключом в замочную скважину, и он принялся помогать. Их руки столкнулись, переплелись, давно иссушенное болезнью желание вдруг проснулось и приподняло голову. Открыв, наконец, дверь, он повлек ее вглубь дома.

– Подожди, сумасшедший, – смеялась Хедва, – дай свет включить, еще зацепишься за что-нибудь.

– Да ведь я вырос на этом полу, ходить на нем учился.

Хедва вдруг перестала смеяться.

– Что это, – испуганно спросила она. – Вот здесь, у стола, под ногами. Включи скорее свет.

Метушелах лежал на боку, оскалив зубы. От его ноздрей и глаз муравьи уже успели протянуть к щели плинтуса свои ниточки.

Моше побежал в туалет. Едва успев приподнять крышку унитаза, он выплеснул в него весь ужин. Тошнота накатывала волнами, накрывая его с головой. В желудке уже давно было пусто, но рвота не останавливалась. Прижимая руки к горлу и животу, он исходил слюной и зеленой желчью. Через полчаса Хедва вызвала «скорую», и Моше увезли в больницу.

Пришел лечащий врач. Как ни в чем не бывало, он улыбнулся Моше, взглянул на показания приборов и присел на краешек кровати.

– Болит? – спросил он, осторожно прокалывая иглой кожу на сгибе локтя. – Сейчас станет легче.

У Моше вдруг перехватило горло. Укол всколыхнул доселе скрытые глубины понимания. Причина его болезни и смысл внезапного «выздоровления» вдруг предстали перед ним так же отчетливо и ясно, как пустая ампула из-под морфия на столике. Это было так просто, что он изумился, как он не понимал этого раньше и почему другие не разделяют его понимания. Словно платок из шляпы фокусника, прозрение потянуло за собой понимание других проблем. Оно шло обвалом, расширяясь и захватывая весь мир, такой непонятный и таинственный прежде и столь прозрачный и объяснимый теперь.

Врач поднялся с постели и приказал задернуть занавеску. Хедву вывели в коридор. Уже не сдерживая рыданий, она говорила медсестре:

– Если б вы видели, как он смотрит. Словно не я его жалею, а он меня.

Пряди седых волос выбились из-под парика цвета галилейской земли. Хедва уже не поправляла их, а только плакала, сжимая в горячей руке промокший от слез платок.

Врач прикоснулся к панели магнитофона. Кассета остановилась.

– Не бойся, сынок, – сказал он, опуская руку на лоб Моше. – Это ведь только начало.

Моше уже не сомневался, кто стоит перед ним.

ЛИХОЛЕТЬЕ

Áëääèì èð Ñíáëääì àí

1

Èç äëáëí ú èáëíã äáëà
Ñí íòðþ íà ýòíò óçëë äáíð?
Ì äëäó äíì àì è áíáòíý ýòí,
Ñëëíí èëíý òíííëü íà çáííð
Ñëðáí ú áíé íðíòèáíí çáííé,
È èíì èòíý èçäëáëà
Íí á óøè ì äëü:èëà ìí ðííííé
Á íáýðëíì ìáòà íí:íéëà
È ðáçë:ááò ì äëü:èé ìíííúé
Ñëáíçí èáí áíðèè çàèðúò úó ááé,
× òí, áíéãé æéçíþ óòíì èáííúé,
Í ðëííì èíááò ÷ äëíáé,
Èáé òíííëü èëííèòíý è íáääá
Èáé áíé èáòèò èçäëáëà
Òðáííæà ì äëü:èëà á èðíááòè
Á íáýíííì ìáòà íí:íéëà,
Ñááý, íááòíã ííí'áóíí,
È ìíááà í óáí úé çéíáí úé ááá,
Ñííááé, ÷ òí áí òíí á èðíí áóííé
Á ííááé íí èáíòí èòá áááò.

2

«Óà» çíà:èò íí-ááðéíéè òèøá
Ííéí áááóøèà áíáíðèò: «Óà».

À i ú, àà i àèúòà,

Àðííàí èàòòúè íàèí ñý é íàí ó

ííáéèæá

Ó í àí ñààý-ñààý áí òí àà

È í àààí í ñéó-èèàíí áààà:

Í í àéà í à ó òí ò á ñò àðèàý

áí ó-èà Áàíý.

Í í à ñ' ààà ó-èèàíí á ààý ò ñ èèàííà,

À í í ò ñí áúèà á í í èàíí à ñ ñ è ò àéá

ì áàíí ò òà

Ðàí úòá àíá áá-àòà

Í ñéí áààóèà Òí òó ÷ è ò àé

(Òí òà - áàðéèèàý éí è à í òí Á-àà)

È í àí àí àíá í á çàí á-àé,

À àíé çàòòí èì, èç í íá í-éíá

ñ í ò òàé ñò òí à.

Çà ò í ò àí à òí í í ÷ àí ò í

ðàííèàçí áààò í àí,

Èàé áúé ñàéàí ñàí úé í áðàíé

÷ àé í àé Áààí,

Èàé Ì í èíé óààðéé í àééíé í í èàí í ð -

è í í éó-èéíý òí áí èé

Ì í èíé - ò àéíé æá ñò àðéé

Èàé Ì ñéí áààóèà, ñ í èì àí àí ò á

áðàéíý ñ áàéúí è è áúé éí í ò óæáí.

Ñ ò àá í í ò ó í àí áàðààòíý í í ñ

èàé áúò ò í àí ààà í òí ñò óæáí.

Èí ààá ý àéæó Ì í èíý, í òàí ò ààéý ð,

εαε ιι ιαεειε ιι εαι ιρ αυαο,

Α εδωρι οτειεοιγ

επι εαιιυε ιαδτα

Ναι ιι ι-αιυινοδαιυεεε, ε ι ια

αα αεεει.

Ιι οαε ογαεει ιι εδωοιγ ια ιαεεε

Ε, εττα αη αοδεααοιγ,

αι οτα η αοιι υοδεο ααα

×οι εαε-οι ια ααδεοιγ

α αααοεει δαηαα

Οι ογ ε ιαι ιια ηοδαιιι: α ααα

εγ-ιια αα ιαεεε ατα ααααο

Ε ιεαιρ εααο εδδ αευαο.

3

Β ιιδτε εοου αααα αεδρ,

Αιιααοιγ εγ ααευ αα ααοηοα:

«×οι α ηοαι οεγ?»

«×εηοια ιιεα».

«Ιι-αι οηοιει?»

«Ιαεαηοιι».

Ε α εαειι -οι ηοδαιιι η υοαιυα

Ιο ι αεηιι υετα ιαδεα

Ιι οαιεοεα ι α-οοιγ οαιε.

Α ι ια ααδει, ι ια ι-αιυααδει.

Β, ιαααδι ια αιεαι ι-αι υ

Ε ιιγοιι ο ιαα ηαιε

Αεαο ααη ιεεει υα ι-ε,

Ι ααααι ιυα ηειααιε.

Ī īī īp ò òyīēó, ēāē īā óóāāáó,

Āīçá íá:ēē áēēēē īāy,

Ē :óēāy ōñòāēāy áááá

Ī īò èōī īūó ēōāñò èò ī āīy.

Ñēúóóóāīō: «Ī īé īīā Ī īñēāīp...»

«Ī īé īā īēóáò...» - ē āçāīō: «Āááá».

Òāē īāñēī īāñāñçī īé āīēī īp

Ēēōīēāò ūā Ā-ā āāñò ū ēōāā

Ē āñīāāēīy ā mī āīñ'āēāī ūé

Ī āñīāīçā īāñāī ūé āīāīē.

Āāēóāī Dīññē ēēē īā āīñò īé

Āīðāī īīēī ūā yōāēīī ū.

4

Ī īāī ó īòóó

Ēīñāēó Ī īēñāāē:ó

Ī āī yòè òāē ī āēī īāāī,

× ò īāū mī òīōāāēā

Óò ðā āāāī āā ī òīōēāāā

Ī yāēī īāīyēā

Bāī ē mī īāñāī āōāēēñī

Ē īāñāā īēīīī

Ī āīēīīē óēāñō ū āāðēñ

Ā ēēāī āññò īāīī.

Ī āīy ī āī ū çā ñò āī īp.

Ñ:āñòūp īāò ēīīōā

Ēāēū īòāó ē īēīó mī ēīīp -

Ī ā āēāāò ū ēēōā

Āīò īñē:āñīī īīāāñī āòīy,

Áèèæá í íáíéääò...

Áúêí éáòí, óòðí, ìéí óá

Ñíðíé í áðáíé ãä

Í è í íæèú, í è í íòòðáòà

Í á í ñò àéí ñíí í á

Òíèúêí í í í í þ: èèáí ú ñáòà

Ñèèóòò á í é í á

ÑÒÀÐÀÐ ÒÍ ÒÍ ÁÐÀ ÒÈÈ

Ñò á í á æóóáÿ óáíò á ááæ.

Í ðáá í áé, èáé í èí á èèè éíðí á

Í á ìéí óá çíèí ò è ò ñÿ í éáòú

Ñí ñáá, áááá Ááðí á

Áéàçà í ðèæí óðáí ú ÷ óó í é.

Ááðíò àé ñáí í æ í ú é ó éí é á í á

Ááá óéú áááò ñÿ áéàæ á í í,

Óñáò è ñí á ìéí á: í ú é í í ò í é.

Í ÿòú é áò, èáé í óó è è í á í á è ÿ ò.

Æèçí ú áðí á è ò á í í ðí ó í í á í í áá

Èç í ò áá è á í ú ó í á ñò í á ç á á

Á í ó é á í ðí ò è è ñÿ, ñè á á á Á-áí

Í í í ò á ú é ñðí é ááí ú á ááí ú ÷ áí á ÷ áí ñ

Í ðeσæ æeáti, íí:òè çãíðíáti.

Êæ íðææá, ííá áæíúí eðíáti

Ñái úy áy áí áñò á ñáðæáñú

Áúé æéííáò íí eèè íáò, -

Í á:æúí eèè, eçáñò íí, í ðááti.

À í íæáò, í áñò ó:æ ñííá

Òáí áðí óæá í á ñú ù áøú í ðááú.

À þí íñò ú øeá í íá ðáíñò éíò ó

Êíáá í æú:è øéó çáñò ááýýeè

Áíáò ú í í ðí ó í á eáñí í í áæá

Ñ í øe:é í áí è á í áí í í ðyáá

Í í í eéíñò eá ðáí ðáó: áí í í é

Í ðí áðæñý áí óé ñeáí çú éí çí è ááeá

Í á eáæáúé ááí ú ááí í ñáúáí é

Òæí á ñ: áñò úí ÷ æí ááeá

Áñò ú í áí ñeý.

À ááú í á áàò ú

Í í áeè.

Ê í í áðááí ò àò ú í í æ í í.

Êí áá í á ñáðæá ááñò ðeáí æ í í,

È àòü, í ààðí í, áéàá ààòü

- È mí ààí èü, í íéàá í èé, í á ààðá

ПРО ЧЕРНОВА И ШВАРЦА

В середине XX века арабист Чернов (по матушке – Шварц) приехал на международную конференцию. Она состоялась в городе N, и наш семитолог долго бродил по предместью, где проживало некогда семитское население. Остались четыре синагоги, и ни одной не удавалось найти.

Местный славянский язык схож с русским, но прохожие пожимали плечами и разводили руками – nie wiem – не знаю, не понимаю, не вем.

Это повальное неведение казалось подозрительным, и арабист-семитолог вспомнил одно семейное предание. Перед Большой войной родители получили комнату в коммунальной квартире. А вскоре наведался человек, спрашивает Исаака Абрамовича...

Родителям по слухам известно, что Исаак Абрамович занимал эту комнату раньше. К нему пришли глубокой ночью и увели под утро, произведя обыск в присутствии понятых и дворника...

– Какой Исаак Абрамович? – изуми

лась мамаша Шварц.

– У нас таких нет! – буркнул папаша Чернов.

И упрямый семитолог бросался на каждого, кого видел. Орал и махал руками, привлекая внимание, как потерпевший кораблекрушение...

– Co pan szuka?

«Шукать» по-украински и южнорусски – «искать». Чернов растолковал, что, собственно, ищет.

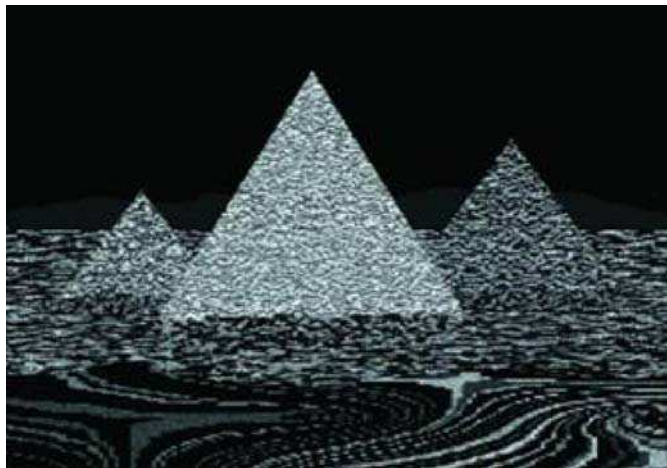
– Pan jest Zydem?

– Нет, – сказал Чернов, – я не еврей.

И готовился к дальнейшим объяснениям: зачем нееврею синагога.

– А почему вы обратились ко мне?

– спросил прохожий.

Чернов усмехнулся и стрельнул черным глазом. Дескать, к кому же еще? На улице ни души.

– Ну, хорошо, идемте.

Они обошли четыре забытые синагоги, в которых никто не молился из-за отсутствия прихожан. В пятой (самой древней) – мемориальная выставка. Поспели к закрытию. Мельком глянули на священные свитки, талес, подсвечники...

– Здесь немцы планировали музей, – сказал прохожий. – В память об исчезнувшем народе... Я три года сидел в концлагере. А когда вышел, женился на местной славянской женщине, взял ее фамилию, принял христианство. Мои дети ходят в костел. Я – здешний коренной житель, а Вы кидаетесь точно разбойник из подворотни: где синагога?.. И почему ко мне? У меня что, на лбу написано?.. Я не еврей, ясно вам? Не еврей, не еврей, не еврей!

Ī āēāñōēī nēīā īīāāī dīā

На переломе века, в 1950 году, некто Шварц (Чернов – по матушке) закончил среднюю школу. И получил золотую медаль... При врожденном сердечном пороке с длительным уединением на дому, да еще в постели, оно вроде и не заслуга. В больнице тоже всего и забот – книжки листать...

Золотой медалист наметился в МГУ, на физмат, да аккурат в ту весну навестили выпускников университетские эмиссары, и черноглазый ворон-доцент прокаркал, не управляясь со звуком «р», что как раз ему, Шварцу, не рекомендуется...

– А куда? – растерялся Шварц.

И скосивши агатовые глаза, ворон прокаркал, по-прежнему упирая на «р»:

– Торфяной, строительный, горный... Под вопросом – железнодорожного транспорта...

Поскольку Шварц грассировал почище доцента, то и выбрал МАИ – Московский авиационный институт – ласковое, певучее имя... Но если так уж боялся рокошущего картового «р», пошел бы в Финансово-экономический, в Стали и сплавов, в Цветные металлы с золотом...

А то – Авиационный! Секретный и запретный!.. Куда, спрашивается, смотрели родители?

Ну, мама – ладно, смотрела на папу. А папа?

Старший Шварц – человек с допуском и пропуском. Учинил бы вселенский скандал, унюхавши про инцидент с вороном. Но каркающий доцент истребовал страшную клятву, что Шварц-младший будет молчать.

Картавый доверился картовому, а в слове «тайна» нет звука «р». И младший картавец Шварц не нарушил зарока.

А папа Шварц полетел с работы. Его понизили в должности, пока еще не прогнав из полузакрытого гуманитарного учреждения, где собиралась зарубежная печатная информация и распределялась-дозировалась: что – высокому начальству, что – в среднее звено, что – на низовку, для массового употребления.

Папа Шварц служил в той конторе с основания. Числился и в параллельном заведении, закрытом сполна, но тоже гуманитарном. Опекал молодую журналистку, которая перед Большою войной, порвав с родителями, примчалась из эмиграции. Счастливая и свободная – некуда приткнуться, никого знакомых, беспомощная житейски и профессионально...

Вскоре девушку посадили, и папа Шварц вступил с нею в переписку, регулярно снабжая посылками.

Мама Чернова ни о чем не догадывалась, обставляла квартиру. Им предоставили ведомственную, на Бульварном кольце. Старый, заново облицованный дом с коридорной системой – бывшая монастырская гостиница для паломников. Отсюда – на Брянский вокзал и в Одессу, а там парходом – ко Святым местам... За окном коптила труба – бывший Храм, переоборудованный под бойлерную-котельную.

Мама ластилась к папе: не предвидится ли командировка в Прибалтику (только-только присоединенную) или в Западную Украину (триумфально освобожденную)? Болтают, что во Львове – уютные галицийские коврики карпатской ручной работы, а в Риге – масса бесхозных мебельных гарнитуров, которые малой скоростью, по особому разрешению...

Всегда сдержанный, папа затопал и заорал, метнувшись, будто назло, в противоположную сторону, – на Дальний Восток и в Сибирь. Пропадал, с малыми перерывами, месяца три и вернулся накануне войны.

Тут мама что-то учуяла. Тем более папа сразу же записался в ополчение, а перед уходом строго-настрого наказал ежемесячно направлять посылки по такому-то сибирскому адресу для заключенного получателя с женской фамилией... Причем не из дома, а перемещаться для верности куда-нибудь на К – Коломна, Кашира, Калуга...

Мама исполнила в точности. Стояла под окном, глядя на церковь-котельную. Еще не топили, труба отдыхала. По облупившейся дранке – белые меловые кресты. Люди прикладывались и молились. Молодая женщина плакала. Здоровенный мужик грохнулся на колени. И мама лепетала, словно в беспамятстве:

– Спаси и сохрани... спаси и сохрани...

Папа вынырнул из Вяземского котла, собрав в окружении – с бору по сосенке – партизанскую роту. Полгода валялся в госпитале, удостоился почти ордена – солдатской медали «За отвагу» и земляничной нашивки за ранение («цвета fraise», как сообщил по-французски в сибирский лагерь).

Сославшись на инвалидность, уклонился от службы в закрытом гуманитарном заведении, но восстановился в родном, не менее гуманитарном, информационно-распределительном. Однако же потерял руководящее положение. Ибо все высшие чины поменяли фамилии.

Ὁ ἀεὶ Παιεὶά Αἰὸν ἰὶδοῦσάο.

Глава учреждения, которого папа Шварц продвинул некогда в штат вопреки непролетарскому происхождению («из семьи мелкого торговца»), глава учреждения – рыжий и светлокожий Хавкин именовался, под стать наружности, Марьиным. Правда, не вышел носом – с горбинкою и висит...

– Ну, ты же читал их листовки! – И почесал свой горбатый нос французского грязно-земляничного цвета «фрез». – Вперед на врага – против жидов и НКВД!.. Возьми фамилию жены, и дело с концом! В России нужно быть русским!

– На фронте читать вражеские листовки запрещено, – сказал папа Шварц. – Я не читал их листовок.

И ничего не предпринял. Может быть, потому что, покуда сражался да лечился, к младшему Шварцу привалило совершеннолетие. Ни минуты не сомневаясь, мама оформила его по отцу. Коль папа – Шварц, так и сын – Шварц. При соответствующей национальности... Мама Чернова, видать, не смекнула, кем надобно быть в России!

И младший Шварц провалился в МАИ.

Папа двинулся по инстанциям, не убоившись конфуза, угроз и знамений. План такой: пристроить наследника – и прощай, Москва, ради Сибири! Бывшая эмигрантка и журналистка отбыла срок, вышла на поселение, и папа Шварц размечтался о новой жизни.

Реализуя сибирские намерения, обошел старых влиятельных друзей и добился повторного собеседования. Пригласили нейтральное лицо – картавого университетского доцента, и оба пернатых, ворон и вороненок с черным огнем в глазах, громко каркали друг на друга.

В результате младший Шварц оказался в МАИ – единственный картавец на курсе. Старший – последний в родном учреждении – прилюдно разоблачен как махровый космополит, ярый сионист, исключен, лишен пенсии... Только Сибирь уже ни к чему: бывшую эмигрантку засудили по второму разу...

Папа Шварц добровольно ушел из жизни. Мама Чернова последовала за ним посредством сердечной болезни, завещавши сыну новый адрес для регулярных заполярных сношений.

В эпоху позднего Реабилитанса, за неимением иного пристанища, бывшая эмигрантка заночевала у младшего Шварца.

– Ох, вылитый папа...

Как всякий мальчик, картавец Шварц больше был похож на маму, но с возрастом отцовские черты, правда что, проступили. А с мамою эмигрантка никогда не встречалась.

– Боже, какое у вас прирожденное французское «р»! – И поставила Шварцу безукоризненное произношение. Так, из любви к искусству...

Матери, конечно, не заменила, но Шварцевы отпрыски, натурально и без натуги, окликали ее баби (с ударением на последнем слог). А Шварцева жена воевала с нею естественно и непримиримо, как с родною свекровью.

По тайной характеристике секретного заведения, на основании вечно хранимых отчетов покойного Шварца, бывшую эмигрантку как невинно пострадавшую пригласили в режимное информационно-распределительное учреждение, глава которого Марьян лично представил новую сотрудницу, победоносно прочистивши бурый висячий нос.

«Цвета fraise», – подумала бывшая эмигрантка.

В качестве компенсации ей доверили переводить с одного родного языка на другой, дозволив – за безотказность и добросовестность – посетить зарубежных сестер и теток, особо не упирая (с почесыванием земляничного носа) на заполярно-сибирское житье-бытье. И бабулька поехала, прихватив внучку – старшую Шварцеву дочь.

Та внезапно окрестилась и громогласно ратовала возвратить дом в изначальное положение. Пускай опять будет монастырский отель, приют для паломников. Пусть потянутся отовсюду жаждущие узреть Святые места! И взамен черной трубы воссияет золотой купол!

– Ну, пускай, пускай! – согласился Шварц, привычно избежав карканья. – Ты, ясное дело, выйдешь замуж. А нам куда деваться – маме, бабушке, мне? Где жить-то?

– Не знаю! – беспечно махнула рукой дочка.

– Чистый дедушка! – восхитилась бывшая эмигрантка.

Дом забрала Патриархия. Храм освятили. Дочка сделалась попадъей – женой молодого священника. Квартира тоже досталась бабушке.

Старого Шварца поместили в кардио-центр. На зятевы православные доходы произвели рядовую сердечную операцию, вогнав для бодрости пять шунтов.

Дед и прадед, заслуженный авиастроитель, он покоится в мягких креслах, перекаывая искусственными челюстями прирожденное галльское «г», под колокольный благовест декламирует в пустоте Макса Жакоба, французского поэта, католического монаха, еврея, погибшего в лагере 5 марта 1944 года:

Кто видел, как жаба – прыг-скок через улицу?

Жаба – маленький человек размером с детскую куклу. И ползет-волочится чуть ли не на коленях. Ему стыдно, скажете вы... Нет, попросту ревматизм. Одна нога вечно отстает, и надобно подтянуть.

Куда ж поспешает сей ползун-волочильщик? Б-г вестъ. А вылез из сточного желоба. О, бедный клоун! Никто не заметил тебя, жалкую куколку-жабу.

Как никто раньше не замечал меня.

А теперь даже девочка с куклой потешается над желтой моею звездой.

О счастливая жаба! У тебя нет желтой звезды.

ЛАГ БА-ОМЕР

Илана Арци

«ЕАА АА-ІІ АД» - ааіеіе і дааіеіе Аа іоі а:ао 18 еуа (а уоіі аао - 9 і ау). І і аа і і іоуаеа Ніа:аеа дааааа іу п і аааі еаі. А еаеа а аеаі еі ао ÷ еіеіаа а:а:аіеа: Еаі аа - 30, Аеі е - 3, а аі аіа «ЕАА» - 32 Оаі ааі іп аеііі аіуіі еоу ÷ оі оаеіа «Аа-іі ад». «Аа» - уоі і дааеіа «а», а «іі ад» - уоі ііі.

На исходе первого дня праздника Пейсах жали снопы ячменя, молотили и получали приблизительно четыре килограмма зерен. Из них мололи муку и приносили в Храм. Тут же начинали считать «омеры». Считали 49 дней. А на пятидесятый – в праздник Швуэс – доставляли халы из «первинок» пшеницы и другие дары. Куда? В Храм, конечно. Ячмень – пища скота, а пшеница – еда человека. Каждый год в Пейсах мы выходим из духовного Египта. В момент Исхода мы как бы находимся на уровне животного, а к Швуэсу вырастаем до Человека. Сегодня у нас нет Храма, но мы по-прежнему отсчитываем 49 «омеров» – от Пейсаха до Швуэса. «Омеры» обязаны считать мужчины, но при желании могут и женщины. Говорят, что, если жена правильно отсчитает «омеры» и не собьется, муж сам испечет ей пирог из нового урожая пшеницы.

Все бы хорошо, да вот жизнь наша – как есть тельняшка! В полосочку. Только что радовались. И тут же, начиная «счет омера», – скорбим. Именно в этот период – Между Пейсахом и Швуэсом – в эпидемии погибли 24 тысячи учеников рабби Акивы. Время траура: не стрижем волосы. Даже те мужчины, что бреются ежедневно, отращивают бороды. В эту пору не принято устраивать свадьбы. Радость покидает наши дома. Многие не ходят в театр, не слушают музыку. Новая одежда, обувь под запретом. Искупаться в море, поплавать в бассейне тоже нельзя.

Вдруг, стоп. «Ляг ба-омер». Эпидемия среди учеников рабби Акивы прекратилась. Ура! Можно играть свадьбы, просто отдохнуть и повеселиться, выехать за город и устроить пикник на лоне природы. Дети стреляют из лука, зажигают костры, пляшут вокруг огня.

Почему принято стрелять из лука? Да потому, что лук похож на радугу, а та, в свою очередь, напоминает о договоре с Творцом. Творец обещал, что не найдет больше на землю потоп. Зато всякий раз, когда мы нагрешим, будет показывать нам радугу.

ОАА

Вспоминаю Израиль: спуск с горы Арбель, зеркальную гладь озера Кинерет, прогулки по ночному Цфату, гору Мерон, молитву у могил праведников, блеск костров «Ляг ба-омера», а еще милую ясноглазую девушку Двору – нашего экскурсовода. Она нам рассказала, что Цфат – один из четырех священных для евреев городов (наряду с Иерусалимом, Хевроном и Тверией). Название города происходит от глагола «лицпот» – наблюдать. Красивейшие пейзажи открываются со всех террас, вырубленных в скале. Кроме того, Цфат расшифровывают так: Ц (цви) – краса; Ф или П (пеэр) – великолепие; Т

(тиферет) – слава.

Город – бесконечная, похожая на знаменитую одесскую, лестница, идущая вверх. Цфат – просто рай земной, когда в нем собираются клейзмерские ансамбли и соревнуются друг с другом. Многие израильские молодожены отправляются именно из Цфата в свадебное путешествие. Считают своим долгом побывать на могиле Шимона бар Йохая на горе Мерон. Туда же устремляются и молодые родители со своими трехлетними сынишками, чтобы совершить обряд «обшерниш»: отрезают у своих отпрысков первую прядку волос.

ΔΑΔΔΕ ΘΕΙ Ι Ι ΑΔΕΙΘΑΕ

Поднявшись на гору Мерон, мы уселись вокруг костра. Отблески пламени играли на наших лицах и золотых волосах Дворы. Она взяла гитару и сыграла несколько нигуним (мелодий) к знаменитому гимну Субботе – «Лехо Доди». Когда отзвенел последний аккорд, мы услышали пение цикад. На черном бархате небосвода, словно белые жемчужины, сияли звезды. Зачарованные, мы молчали. И тут Двора нам поведала историю рабби Шимона бар Йохая. Он был одним из последних учеников рабби Акивы и известный раввин.

Как-то рабби Шимон занимался с друзьями Торой. Вдруг один из них говорит:

– Римляне – молодцы: построили дороги, рынки, бани.

– Дороги вымостили для своих колесниц, рынки открыли для блудниц да и бани служат тому же разврату, – не утерпел рабби Шимон.

Третий мудрец промолчал, а четвертый донес куда следует. Римляне рассудили так: тот, что речь держал и нас хвалил, впредь на всех собраниях талмудистов первым выступать будет. Который промолчал – пусть катится куда подальше, а тому, кто нас хулил, – высшая мера.

Пришлось рабби Шимону с сыном в подполье уходить. Как видите, диссиденты были и две тысячи с хвостиком лет назад. Сначала скрывались в «Бейс Мидраше» – Доме собраний и учения. Потом пришлось уносить ноги и оттуда. Поселились в горах, в пещере. Занимались Талмудом и Торой, зарывшись по грудь в песок. Рубахи надевали только на молитву. Воздухом сыт не будешь. Случилось чудо – забил возле пещеры родник, выросло рожковое дерево. Так в учении прошло двенадцать лет.

Однажды появился у входа в пещеру пророк Илья и позвал:

– Кто скажет Шимону бар Йохая, что император умер и его указ отменен?

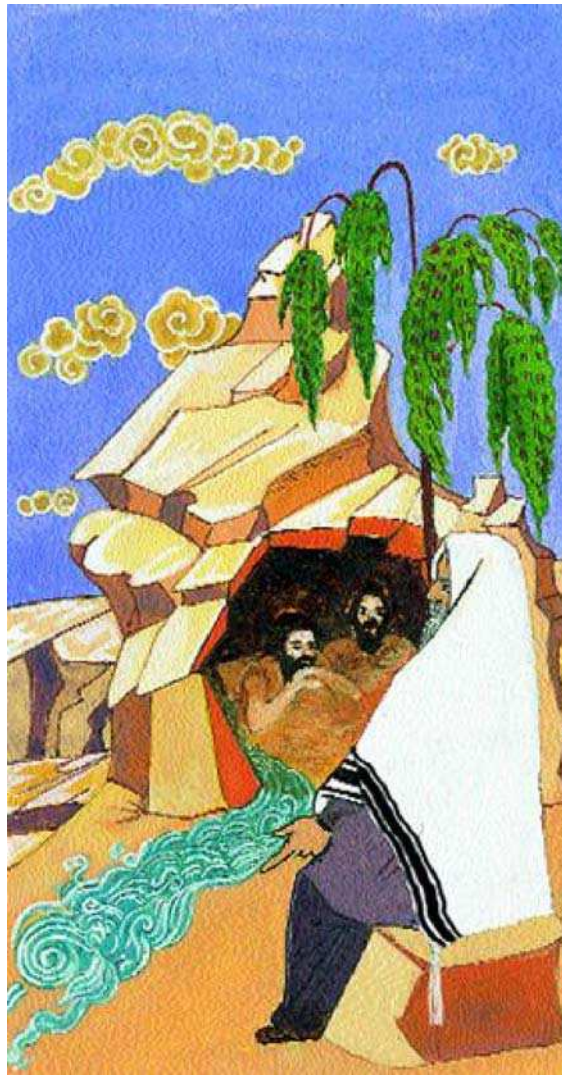
Затворники вышли из пещеры и побрели домой. Вдруг видят они мужчин на поле: один за волами идет – землю пашет, другой следом зерна сеет.

Как такое – непорядок?! Евреи от изучения Торы уклоняются, на мирские дела их потянуло! В гневе глянули на селян – осталась от тех кучка пепла.

Раздался голос с неба:

– Неужели вышли на вольный простор только затем, чтоб мой мир разрушить? Возвращайтесь назад в пещеру и учитесь там еще год.

Рабби Шимон с сыном повиновались. Когда положенный срок истек, вышли на свободу и уже спокойно относились к желанию людей зарабатывать себе на жизнь и удовольствия.

ΝΑΙ ΙΑ ΕΡΑΕΙ ΙΑ

Рабби Шимон стал одним из глав поколения. Сидел в «Бейс Мидраше» и разбирал тяжбы между евреями. Раз пришла к нему пара. Говорят, уже десять лет нет у них детей. Просят оформить развод. Сказал им рабби:

– Когда-то вы начинали совместную жизнь с пира, – вот и отдельную свою жизнь начните с того же.

Супруги последовали его совету. Устроили застолье. Хорошо стало мужу от вина. Он развеселился, разнежился и говорит жене:

– Дорогая, кроме суммы, записанной в нашем брачном контракте, ты можешь забрать в дом твоего отца все, что больше всего любишь.

Как вы думаете, она поступила? Еще не догадались?

Проснувшись, муж с удивлением посмотрел вокруг. Ковер, на котором он лежал, был тот же, но...

– Любимая, где я? – обратился он к жене, которая сидела рядом.

– В доме моего отца, – ответила женщина.

– Но что я тут делаю?

– Ты разрешил мне взять из нашего жилища то, что я люблю больше всего на свете. Вот я и велела слугам перенести сюда тебя.

Они снова пришли к рабби Шимону бар Йохою. Тот помолился за них, и женщина забеременела.

Рабби Шимон был великим праведником и кабалистом. Он вознесся на небеса и завещал своим ученикам веселиться в день его смерти – 18 ияра. Так «Лаг ба-омер» превратился в праздник.

ÊDÁÑËÎ

– Идите пить чай! – звала тетя Фира.

Вставать с кресла-качалки и уходить со двора не хотелось. Сидишь, а кажется, что плетешься по узеньким улочкам, упираясь руками в каменные стены и все ниже кланяясь древним плитам.

... Чай замечательный, но хочется скорей на воздух.

– Ой!.. Тетя Фира, а где кресло?

– Вейз мир! Я забыла, что завтра Лаг ба-омер. Чтоб их дождь намочил!

– ???

– Ты же видишь, в Израиле всюду камень, хвороста не найдешь, колючки горят плохо. Ну, вот и воруют все деревянное и соломенное на завтрашние костры. Я это кресло через три границы провезла.

– Не горюй. Найдем что-нибудь похожее. А костры пойдем смотреть?

– Обязательно!

Î à Êãããã-îî àð áãó

çà ãîðã

Ñî î îîð ããã î îè áðççç.

Óðà!

Â êîè-áí áð ñò ðãè ó í ãñ ãñ ñò àð î-îî,

È óããî î îè î é îðãã

Áà-ãã!

Ëç ñ î ãè óàóèúèà

Í àããããã.

Çãæàðè èóðéóóííòîî

Ñ àèíî.

Ï ðí áàð Êíóãý ãññ î î è î óáðãã

È ñò ðæù í ò ñ è ì í à à

è ñ ò ð ñ ì .

КНЯЗЬ ИЗ КУСИ

י אדוני עני אי

I

Невиданное дело: в маленьком французском городке Куси (впрочем, в эпоху, о которой наш рассказ, городок этот находился под властью английского короля вместе со многими другими городами и областями Франции) примерно в одно и то же время жили четыре известных на весь мир человека. А ведь ни до того, ни после городок этот не подарил земле ни единой знаменитости. Первым среди них следует назвать прославленного своими подвигами рыцаря и полководца Рауля I, сеньора де Куси, в 1191 году героически погибшего при осаде крепости Акко. Его кастелян Рено де Куси, тоже участвовавший в третьем Крестовом походе в Святую землю, был одним из популярнейших французских менестрелей. Он и его подруга, девица Де Фаэль, которую он перевозил в своих песнях подобно Тристану и Изольде, стали неумирающим символом несчастных влюбленных. Их знает мир, и о них говорится в каждом учебнике по истории литературы. И еще два весьма незаурядных человека жили тогда же в Куси, их слава и влияние были огромны – однако, только среди евреев. Одного из них звали рабби Моше из Куси; его почитали как автора Семага (Великой Книги Заповедей). Другой же, свояк рабби Моше, был выдающийся тосафист рабби Шимшон из Куси.

Известна ли тебе, дорогой читатель, славная французская школа тосафистов, гордость Израиля? Если изучение Талмуда сделалось для лучших мужей Израиля радостью и наслаждением, то воистину не последняя заслуга в этом деле принадлежит тосафистам. Благодаря им толкователи Б-жественного учения пошли по новому пути; погрузившись в море безбрежной мудрости Талмуда, они выявили места, казавшиеся на первый взгляд противоречивыми, и продемонстрировали выдающуюся остроту ума, сняв мнимые противоречия и научив нас постигать и ценить по достоинству самые изощренные ходы религиозно-философской мысли. Основателями уникальной школы тосафистов были три брата, внуки самого Раши (рабби Шломо Ицхака), знаменитого комментатора Библии и Талмуда, – рабби Шмуэл (Рашбам), рабби Ицхак (Рибам) и рабби Яков (Рабейну Там). Все трое – сыновья рабби Меира, зятя Раши. Одним из самых одаренных учеников этих мужей и самым младшим среди них был наш рабби Шимшон из Куси.

Великая ученость и громкая слава рабби Шимшона никак не повлияли на его доходы: он жил в неслыханной бедности, и, если бы Хаим, богатый его брат, не подкидывал ему время от времени немного денег, ему с женой и детьми пришлось бы попросту голодать.

Трудно представить себе двух более несхожих людей, чем эти родные братья. Даже внешне они самым решительным образом отличались друг от друга. Рабби Шимшон был высок и хорош собой. Черты лица его поражали благородством. Лоб мыслителя, большие черные глаза... Хаима, напротив, природа наделила малым ростом и весьма непривлекательной физиономией с низким уродливым лбом. Маленькие серые глазки, беспокойно бегающие по сторонам, выдавали в этом человеке скорее стремление к наживе, нежели работу хоть какой-нибудь серьезной и уж тем более благородной мысли..

Однажды рабби Шимшон сидел у себя в рабочем кабинете. На столе перед ним лежал открытый трактат Талмуда, поля которого пестрели множеством пометок. Подперев голову рукой, рабби глядел в текст Учения, глубоко погруженный в решение сложной проблемы. Потому-то он и не услышал, как отворилась дверь и вошел Хаим.

– Ага! – закричал тот прямо с порога. – Опять сидишь с многдумным видом, ученый мой братец, ничего не видишь, ничего не слышишь?! Хотел бы я знать, какая польза от этого вечного учения?! Да твоя жена и дети твои голодали бы день за днем, если бы я над ними не сжалился.

– Доброе утро, Хаим, – с кроткой улыбкой отвечал рабби Шимшон, – спасибо тебе, что вошел, не поприветствовав меня, и тем дал мне возможность сделать это первым, как нам предписывает Мишна в трактате Авот.

– Да брось ты свои шуточки! Что такое приветствие? Ничто! Может ли человек приветствием насытиться, утолить жажду или прикрыть наготу? Я тут принес тебе кое-что получше приветствия! Деньги принес, дабы ты и твоя семья могли есть, пить и одеваться!

С этими словами он бросил на стол два золотых дублона.

– Спасибо тебе, добрый брат, – проговорил рабби Шимшон. – В том, что я заслужил у небес усердным, постоянным изучением Торы, есть и твоя доля. Ты подобен Звулону, который занимался торговлей, чтобы Иссахар мог жить ради постижения небесной мудрости; ты схож с Азарией, заботившимся о своем брате Шимоне... Но я вижу ты дал сегодня непривычно много денег. Как это понимать?

– Ая-яй, да ты хитрее, чем я думал. Сразу догадался, что у такого человека, как я, все необычное обязательно имеет и причиной что-то не такое, как у всех. Ты прав, я не мечтатель вроде тебя, и одной похвалы Господней, которую ты мне обещаешь, недостаточно для того, чтобы я расстался с двумя дублонами. Нет, эта крупная сумма пойдет на то, чтобы твоя семья могла довольно долго жить безбедно. Дело в том, что мне предстоит отправиться в Англию, и я хотел просить тебя поехать со мной.

– Брат, ты не станешь этого требовать.

– Почему же?

– Как я могу уехать в путешествие, плыть по морю и неизвестно, на сколько дней или месяцев прервать свои занятия?

– Разве нельзя заниматься в дороге?

– Можно. Но не так усердно, не так прилежно, спокойно и вдумчиво, как дома.

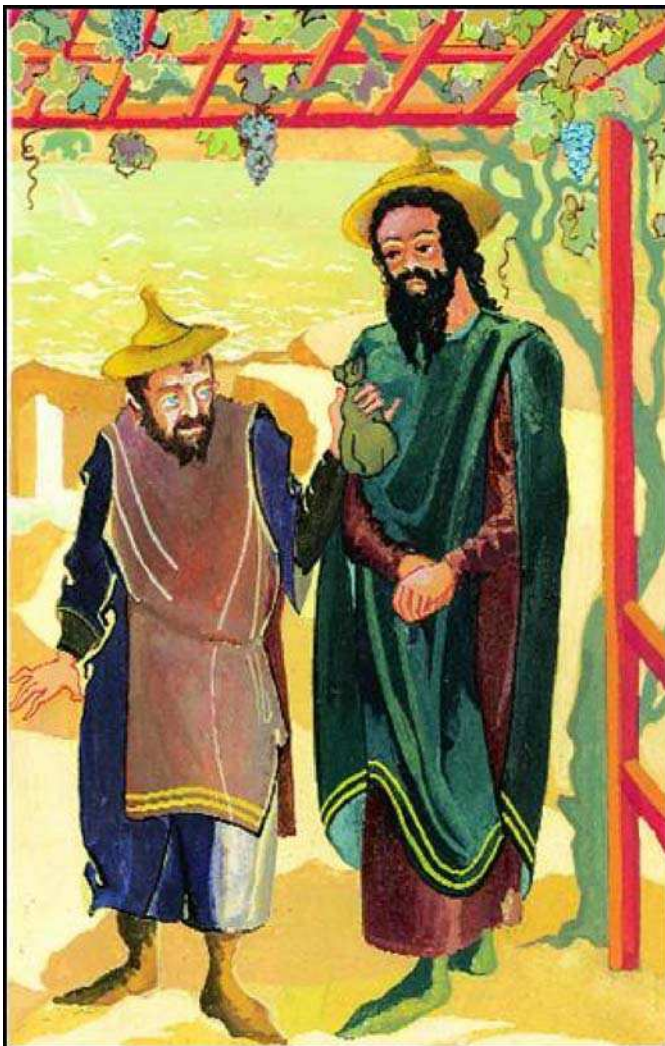
– Ты что, зубрила-школьник, которому непременно нужно выучить урок?

– День короткий, работы много. И хозяин подгоняет! А мои питомцы, как смогут они обойтись без учителя?

– Тебе, значит, эти мальчишки дороже родного брата, без забот которого ты бы так и терпел нужду до конца времен? Ты же не в состоянии заработать даже мало-мальски приличные деньги. Тебе радоваться надо, что ты можешь хоть в чем-то, по крайней мере, быть мне полезным.

– И как же я, непрактичный ум которого ты сам все время бранишь, могу быть полезен тебе в делах?

– Мне нужно в Лондон. Я собираюсь заключить одну крупную сделку; для этого мне понадобится содействие наших единомышленников, живущих там, а для этого опять-таки нужно, чтобы кто-то замолвил за меня словечко. Раввин Лондона, рабби Яков из Орлеана, – твой друг, твой давний коллега. Если ты поедешь со мной, он примет тебя в Лондоне с великими почестями. Все лондонские евреи почтут для себя за счастье вступить в деловые отношения с тобой, а стало быть, и со мной, твоим братом и спутником.

– Но, может быть, достаточно просто моего письма к рабби Якову?

– Нет, письмо и личное общение – совсем не одно и то же. Кроме того, мне нужен человек, которому бы я доверял, с которым мог бы посоветоваться. Сделку я собираюсь заключить крупную, значительную, она может удвоить мое состояние. Однако я должен подходить к делу осторожно, должен обдумать все до мелочей и обсудить. Мне предстоит передавать разным людям большие суммы, иной раз очень большие, их нельзя доверить кому попало. Так что оставь свои сомнения и решайся: отдай нужные распоряжения в доме, прощайся со своими и едем. Если все пройдет хорошо, я тебя щедро награжу. Твоя семья никогда больше не будет нуждаться.

– Ты хочешь ехать именно в Лондон?

– В Лондон.

– Возможность снова увидеться с рабби Яковом из Орлеана, обсудить с близким другом результаты моих изысканий, узнать, что он сам открыл за долгие годы, пока мы не виделись, – все это побуждает меня невзирая ни на что принять твоё предложение. Как ты думаешь, сколько времени продлится наше отсутствие?

– Не больше полугода.

– И я должен на столь длительный срок оставить своих учеников?

– Опять твои ученики! Они что, платят тебе за учебу?

– Как ты только можешь говорить такие вещи! Ты прекрасно знаешь...

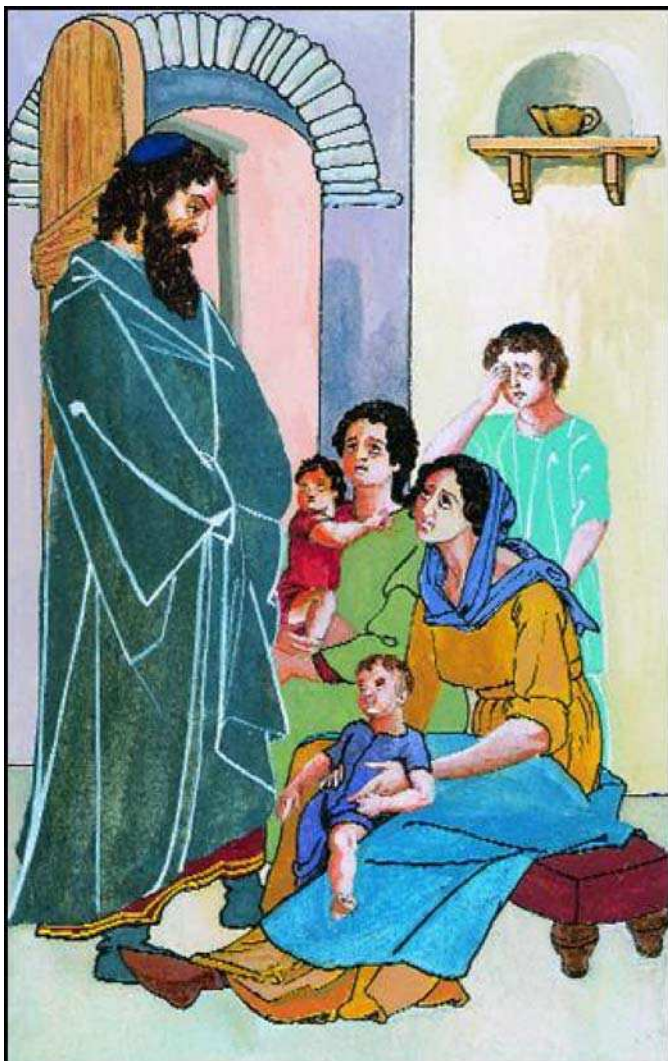
– Именно потому, что знаю – уроки твои тебе ничего не дадут, и даже теми деньгами, которые тебе отстегиваю я, ты делишься с бедными учениками... Так вот, именно поэтому я прошу тебя вспомнить, что кое-чем ты мне все-таки обязан. А ученики могут пока поучиться у твоего свояка, у рабби Моше.

– Это вряд ли возможно; у Моше другая система преподавания, он сефард.

– Тем лучше, твоим ученикам будет полезно познакомиться с различными школами обучения. Если, вернувшись, ты найдешь, что твой метод все-таки лучше, чем у свояка, то просто порадуешься, ибо сумел найти правильный путь. Если же увидишь, что молодые люди при рабби Моше продвинулись в науках дальше, чем при тебе, то откажешься от своего подхода к делу и станешь учить, как он.

Рабби Шимшон рассмеялся.

– В этих вещах, милый брат, – проговорил он, – ты и вовсе ничего не смыслишь. Моя система обучения – это я сам. Такой, какой есть, каким стал благодаря учителям, своим товарищам и своим ученикам; я должен придерживаться пути, по которому шел, иначе мне не добиться даже самых незначительных успехов. Ты мог бы пожелать, чтобы я водрузил

себе на плечи другую голову, но я не могу это сделать и точно так же не могу перейти к другим методам преподавания. Но не будем больше об этом. Я твердо решил пренебречь своими сомнениями и отправиться с тобой. Когда ты предполагаешь сесть на корабль?

– В ближайшее воскресенье.

– Сегодня среда... Мне нужно будет переделать кучу дел.

– Тогда я тебя оставляю с твоими заботами, у меня тоже имеются кое-какие неотложные делишки. Прощай!

– Б-г да пребудет с тобой.

II

– Дина, – сказал рабби Шимшон, входя в комнату, где в окружении детей сидела его жена. – Дина, жена моя, Хаим только что был здесь, он принес мне две эти золотые монеты. Возьми их и оплати расходы по хозяйству. Только будь экономна: Хаим полгода проведет в чужих краях, и денег должно хватить на все это время.

– Твой брат собирается на полгода уехать?!

– Да, он плывет через море в Англию и хочет, чтоб я непременно отправился вместе с ним.

– Но ты ведь не согласился?

– Да как же я мог не согласиться? Разве мы не зависим целиком и полностью от моего брата? Кроме того, он пообещал после возвращения так щедро наградить меня, что впредь мы не будем знать ни бедности, ни забот. Сдается мне, это неплохая цена за недолгую разлуку.

– И все-таки я бы хотела, чтоб ты остался с нами! Полгода ты будешь так далеко... В море человека подстерегают ужасные опасности!

– Узкая полоска воды, отделяющая нас от Англии, вряд ли заслуживает названия моря.

– Однако пересечь эту узкую полоску часто бывает трудно и небезопасно!

– Где бы мы ни находились, мы все равно во власти Б-жьей. На Его милость я уповаю. Он благополучно приведет меня к вам обратно и, надеюсь, в добром здравии.

– Подумать страшно, что я должна остаться одна с детьми! Наш Яков подрастает, скоро ему понадобится учитель.

– Я поговорю со своим учеником, с Ицхаком, чтобы он занимался с ним, пока я буду в отъезде. Наша дочь Цaira уже почти совсем взрослая, она может помогать тебе в воспитании младших детей.

– Ах, она сама еще ребенок.

– Совсе нет, дорогая мама, – живо откликнулась Цaira. – Мне целых одиннадцать лет, и в следующий День Искупления я уже буду поститься!

Рабби Шимшон привлек ее к себе и поцеловал.

– Ты моя большая дочка, – проговорил он с нежностью, – ты сможешь помочь матери. Будь послушной и набожной, и тогда я тебе привезу из Англии какой-нибудь замечательный подарок. Что ты хочешь, чтобы я привез?

– Ничего, возвращайся сам целым и невредимым.

Рабби Шимшон смахнул слезу с ресниц.

– Дети, – сказал он погодя, – оставьте нас ненадолго. Мне надо поговорить с вашей матерью.

Дети вышли.

– Дина, – начал рабби Шимшон, – я очень неохотно еду с Хаимом, но я не могу и не вправе отказать ему. При моем положении его просьба – это, считай, все равно что приказ. А предчувствия у меня весьма мрачные. Все дороги, говорят мудрецы, таят опасности, путешествие по морю опасно вдвойне, а тот остров, который хоть и зовется Англией, Ангельской страной, населяет дикий, варварский народ. Он веселит и взбадривает себя горьким напитком, сваренным из ячменя, и в таком состоянии представляет немалую угрозу для сынов нашего народа... Впрочем, на все Б-жья воля. Если со мной что-нибудь случится, если мне не суждено вернуться домой из этой поездки, обещаю воспитать наших сыновей в духе Торы и выдать дочерей замуж только за ученых-талмудистов. Обещаю же мне это, возлюбленная жена моя!

– Ты пугаешь меня, Шимшон. Остайся, не плыви за море с братом!

– Я должен, даже обязан поехать с ним. Но я спокойно взгляну в глаза смерти, зная, что ты позаботишься, чтобы мои сыновья постигли мудрость Талмуда.

– О мой возлюбленный супруг, неужели ты сомневаешься, что дочь великого рабби Хаима а-Коена станет думать о чем-нибудь ином, кроме своего священного долга воспитать детей согласно твоим убеждениям и взглядам моего почившего отца?

– Конечно же, не сомневаюсь, дорогая Дина! Ты лучшая среди женщин, такую, как ты, воспел царь Соломон, и я, обладатель ее, счастливее владеющего драгоценным жемчугом... Но теперь, когда я позаботился о детях, надо позаботиться и об учениках. Я отправляюсь к рабби Моше, супругу твоей сестры, буду просить его, чтобы он взял к себе моих воспитанников и учил их до дня моего, если будет угодно Б-гу, благополучного возвращения.

Рабби Шимшон поступил, как и собирался. Что касается его свояка, то последний с величайшей готовностью пошел навстречу любимому родственнику. Затем рабби Шимшон привел в порядок свои рукописи, сложил их в тщательно запертый ящик и передал ящик жене. Дина за эти дни собрала для мужа все необходимые в плавании вещи. Тем временем подошла суббота – последняя суббота, которую рабби Шимшон провел с семьей и учениками. После нее началась долгая разлука.

Вся община провожала братьев до самого берега, где, подняв паруса, путешественников ждал галеон. Не будем описывать сцену прощания. В наши дни, в эпоху железных дорог, пароходов и телеграфа, езда из страны в страну стала настолько обычным делом, что, отправляясь в короткую поездку из Франции в Англию, люди уже не считают нужным прощаться с остающимися. Теперь паром за пару часов перевозит пассажиров из Кале в Дувр, и французский берег еще не успевает скрыться из виду, как вдали уже поднимаются белые меловые скалы гористого побережья Англии. Иначе обстояло дело семь столетий назад. Большого труда стоило тогда гребцам провести суда от берега к берегу, и самое короткое путешествие по морю было труднее и опаснее, чем сейчас перемещение из одной части земного шара в другую.

Стоял чудесный, солнечный летний день, яркий свет и свежий морской ветерок успокаивающе действовали на рабби Шимшона. И все-таки не без боли в сердце смотрел он на французский берег, откуда близкие махали ему платками на прощанье. Корабль потихоньку покидал бухту, и скоро вдали уже ничего нельзя было различить.

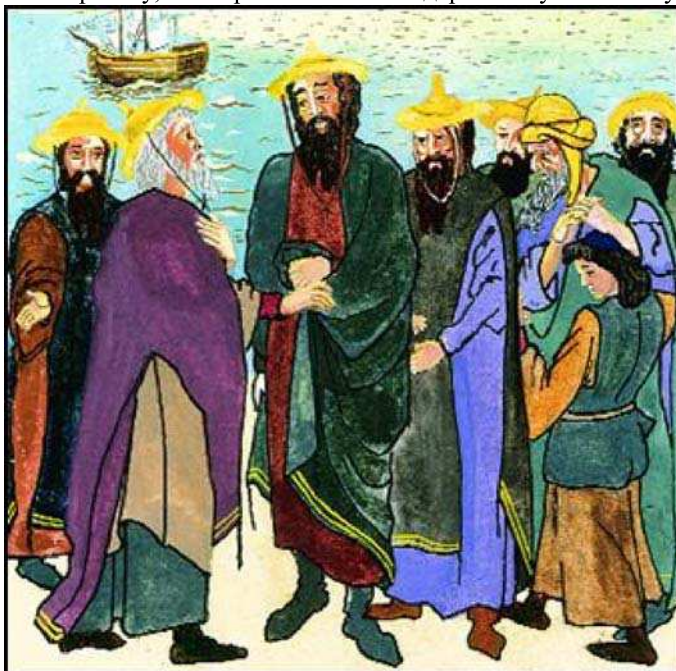
– Пошли, – сказал Хаим, – спустимся в каюту. Я ведь тебе так и не сказал, что это за дело, ради которого я собрался в Англию.

Рабби Шимшон двинулся следом за братом. Хаим накрыл на стол, достал из большой корзины вино, мясо и хлеб.

– Ступай, вымой руки, – велел он рабби Шимшону. – И давай поедим. Морской воздух рождает аппетит. Кроме того, поев и выпив, легче вести беседу.

Братья поели, выпили, а когда, закончив трапезу, оба произнесли благодарственную молитву, Хаим сказал:

– Тебе известно, что у нас во Франции очень плохие лошади. При этом на протяжении восьмидесяти с лишним лет цвет французского рыцарства устремляется в Святую землю, и каждый едет со свитой, и все на лошадях. Редко кто-нибудь из паломников возвращается назад. Ежели такое случается, этот человек на корабле переплывает море и бредет по суше пешком, потому что, коли ему и удастся выжить, то лошадь уж точно не может выдержать жаркого климата: ее труп гниет в пустыне или его сбрасывают в море, где он становится добычей хищных рыб. Поэтому сейчас во Франции, как никогда, велик спрос на лошадей. За хороших, пригодных к тому, чтобы ходить под седлом, коней платят золотом, и стоят они в три с лишним раза дороже, чем в Англии. Так вот, приняв во внимание эти обстоятельства, множество наших богатых единоверцев из Иль-де-Франса, Бургундии, Прованса, Наварры и других французских земель объединились и дали мне деньги, чтобы я провел крупные закупки лошадей в Англии. Меня потому выбрали для этой сделки, что мы, живущие в Куси, – подданные английского короля, значит, никто и не усмотрит ничего предосудительного в том, что я по ту сторону пролива стану покупать лошадей для подданных его величества, живущих по эту сторону. А как только мы переправим скакунов через море, то перевезти их из Куси дальше – в Париж, Лион, Марсель, Дижон, Авиньон и другие города Франции, уже ничего не стоит.

– И все-таки, – возразил рабб

и Шимшон, выслушав брата, – это предприятие не вполне безопасное. Ты знаешь, как ревностно следят правители за тем, чтобы кони, которые им позарез нужны для многочисленных войн, не вывозились из страны.

– Знаю, поэтому и подхожу к делу с великой осторожностью. Из Лондона мои люди отправятся по всей Англии. Однако, покупая лошадей, они нигде не будут называть мое имя. У всех влиятельных английских аристократов – у герцогов Суссекского, Эсекского и Нортумберлендского, у графов Уорвика, Дерби и Лестера, у лордов Шефтсбери, Бофора, Ричмонда и многих других, у каждого из этих больших господ есть свой придворный еврей, занимающийся закупками всего необходимого. Вот с этими людьми я и думаю завязать деловые отношения. Когда придворный еврей, например, графа Йоркского покупает лошадей, то всем понятно, что это делается для его господина. Лошадей потом доставят мне, а я переправлю их во Францию. Замечательная сделка, и она принесет, если все удастся, значительную прибыль.

– Да, если все удастся.

– Ты, брат, не торговый человек. Ты слишком малодушен, слишком пуглив. Без риска же ни одно серьезное дело не делается.

– Мне, однако, кажется, Хаим, что риск слишком велик. Ты ставишь на карту не только свое состояние и состояние друзей, но еще и жизнь многих людей. Если о том, что ты задумал, станет известно, то говорить будут не о том, что Хаим из Куси намеревается вывезти лошадей и тем самым ослабить оборону страны. Скажут – и немедленно – совсем другое: «Это хотят сделать евреи! Это еврейская махинация!» Ненависть к нашему народу дремлет в сердцах людей, и достаточно самого незначительного повода, чтобы она вспыхнула, и тогда разгорится губительное, всепожирающее пламя. Своим рискованным предприятием ты подвергаешь опасности всех евреев Англии!

– До пожара не дойдет, и, кроме того, обещаю тебе, я приму все необходимые меры предосторожности. Поэтому перестань мучиться сомнениями и, пожалуйста, не говори ничего лишнего нашим английским единоверцам.

– Я считаю своим долгом рассказать обо всем своему другу, лондонскому раввину.

– Ты этого не сделаешь.

– Обязательно сделаю!

– Ты что, хочешь расстроить мне сделку?

– Я лучше расстрою твою сделку, чем стану участвовать в том, что грозит нашим братьям величайшей опасностью.

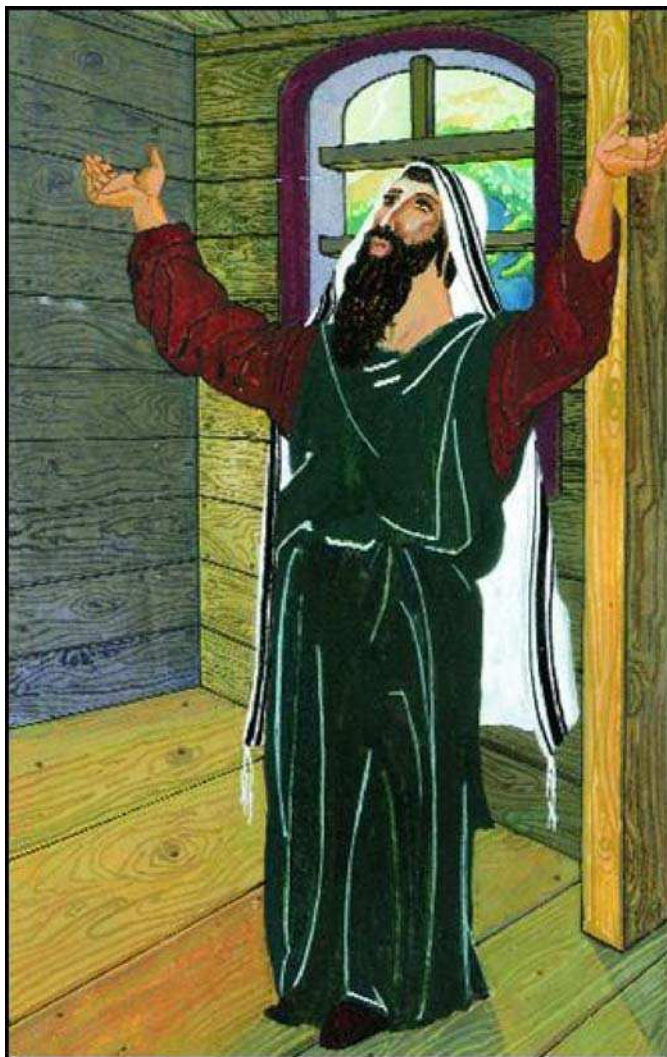
Хаим вскочил.

– Лучше бы я вообще вместе с тобой ничего не затевал, – крикнул он, – лучше бы оставил тебя дома – с «яйцами, отложенными в праздник», с «платьем, из-за которого спорят двое нашедших его», с «собакой, проглотившей кусок падали»! Или про что там еще толкуют твои высокоученые труды?! Про «мышь, утачившую кусок хомеца», или «корову, у которой тяжелые роды»! Да что ты вообще понимаешь в сделках? Разве в торговых делах думают о чем-нибудь, кроме того, какой куш можно сорвать? Хорошо еще, что я не сказал тебе правду. Я лишь решил подшутить над тобой, у меня и в мыслях не было скупать лошадей.

– Я рад. Тем не менее, я все-таки попрошу лондонского раввина предостеречь тамошних евреев от этой опасной операции.

– Несмотря на то что я, как сказал, вовсе не собираюсь делать ничего подобного? Ты что же, не веришь мне?

– Да, не верю.

– Ты неблагодарный человек, ты плохой брат! Если б не я, ты давно бы уже помирал с голоду, а теперь хочешь погубить меня, собираешься чинить мне препятствия в делах!

– Послушай, Хаим. Я благодарный человек и отнюдь не плохой брат. И ты сделал для моих близких действительно много хорошего. Но совесть не позволяет мне молча смотреть, как из-за тебя станут несчастными, может быть, тысячи семей! Я не допущу, чтобы ты и твои торговые дела стали поводом для гонений на евреев, для их изгнания! И раз я могу этому помешать, я обязан это сделать!

– Тогда знай: все мое имущество, а также и имущество моих компаньонов, с которыми я давно веду дела, зависит от успеха этой поездки. И я скорее задушу тебя вот этими самыми руками, чем позволю расстроить сделку.

– Ты страшен, брат, и ты говоришь слова, которые уже сами по себе – тяжкое преступление.

– Слова – это еще не все. Слова – только начало. Увидишь: дела у меня не замедлят последовать за ними!

– Тогда я стану молить Б-га, чтобы мы никогда не увидели берегов Англии, никогда не ступили бы на английскую землю!

III

Страшный раскат грома прервал разговор братьев. Поглощенные беседой, они и не заметили, как разразилась невероятная гроза. Молнии блистали не переставая, громовые удары следовали один за другим, почти без перерыва. Шторм ревел и бушевал над морем, швыряя легкий галеон. Волны вздымались пугающе высоко, поднимая суденышко почти под облака, чтобы тут же бросить его обратно в разверстую пучину. Рабби Шимшон и Хаим в испуге выбежали на палубу. Жуткая картина представилась им. Паруса изорвало в клочья, мачта сломалась, гребцы сидели на скамьях с белыми от страха лицами, безвольно опустив руки на колени.

– Молитесь! – закричал братьям капитан корабля. – Молитесь Б-гу, чтобы непогода улеглась! Иначе мы пропали!

Рабби Шимшон стоял спокойно и каким-то просветленным взглядом молча смотрел на шторм. С ужасом воззрел на него Хаим.

– Ты проклял нас, – пробормотал он заплетающимся языком. – Твои опрометчивые слова обрекли нас всех на смерть.

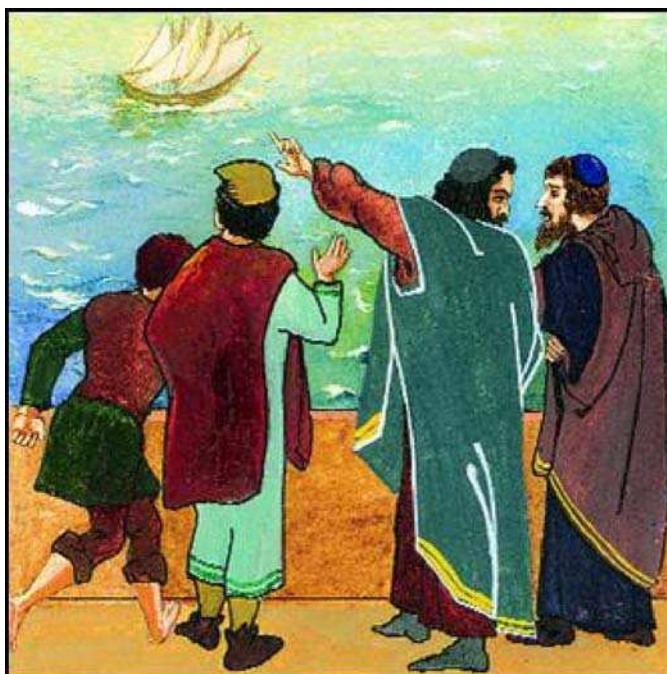
– Кто сказал тебе, – величественно произнес рабби Шимшон, – что я говорил опрометчиво? Лучше я погибну от руки Б-жьей, чем ты задушишь меня своими руками.

Хаим в отчаянии бросился в ноги брату.

– Прости меня! – вопил он. – Прости мои злобные, заслужившие проклятие слова! Не казни меня так жестоко! Никогда не осмелился бы я поднять на тебя руку! Это была всего лишь угроза, я надеялся тебя утратить! Помолись Б-гу, Шимшон, чтобы стихла буря и мы избежали смерти в волнах!

– А что будет, едва мы сойдем на берег в Англии?

– Я стану делать только то, что ты мне разрешишь. Да не медли же, проси Бга! Что для тебя умереть? Ты отправишься в рай...

А я только сейчас насмеялся над Торой! Г-споди, как я согрешил!

И, громко зарыдав, он стал бить себя кулаком в грудь, да так сильно, что в ней, похоже, загнуло.

Яростнее забушевал шторм, еще сильнее загрохотал гром, ярче блеснула молния.

– Ты слышишь, как гневается Б-г? – прокричал, рыдая, Хаим, – Почему ты не молишься, жестокосердый брат? Б-г послушает тебя, если ты воззовешь к Нему. Он ведь всегда делает то, чего ты хочешь.

– Б-г делает то, чего я хочу? Да откуда мне это знать? Это я стараюсь делать то, чего хочет Б-г, и поэтому я буду умолять Его о милости к тебе и ко всем нам.

Он спустился в каюту, горячо помолился, и – надо же! – тут же шторм прекратился, тучи рассеялись, и уже лишь издалека доносились слабые раскаты грома. Несколько минут спустя выглянуло солнце, позолотив своими лучами широкую водную гладь.

Все это изумленно и с восхищением наблюдали капитан корабля, матросы и пассажиры. Когда опасность миновала, они со всех сторон обступили рабби Шимшона, желая поблагодарить его, выразить ему свой восторг. Но он отклонил выражения признательности.

– Благодарите Б-га, – сказал он, – а не меня. Да, переплывая море, мы своими глазами увидели чудо Всемогущего. Он приказал, и разыгралась буря, и морские волны вздымались на невиданную высоту. До самых небес поднимали они наш углый корабль, чтоб обрушить его затем в морскую пучину, и наши души в этот миг замирали от страха и ужаса. Мы качались, мы валились на пол, как пьяные, и всей нашей мудрости настал конец. Тогда воззвали мы к Б-гу в своей нужде, и Он избавил нас от напасти. Он заставил улечься бурю и лишил силы морские волны. Возблагодарим же Его все вместе за незаслуженную милость! Хвала Б-гу Израиля, слава Имени Его Святому!

И капитан корабля вместе с матросами и пассажирами пали ниц и возгласили громкими голосами:

– Хвала Б-гу Израиля, который услышал молитву рабби Шимшона и спас нас от страшной беды!

Но состояние корабля было ужасным и команда, не падая духом, принялась исправлять повреждения. Кое-как установили на прежнее место мачту, паруса починили, какие-то заменили новыми.

После бури наступил полный штиль, паруса не надувались, и корабль медленно продвигался вперед лишь благодаря усилиям гребцов, усердно налегавших на весла.

– Скоро ли мы увидим побережье Англии? – спросил Хаим капитана.

– Берега Англии? – усмехнулся тот. – Кто знает, увидим ли мы их вообще когда-нибудь... Корабль вынесло далеко в Атлантический океан, если мы и дальше будем двигаться на север, чтобы снова попасть в пролив между Англией и Францией, то при таком штиле нам предстоит еще не одна неделя плавания. А запасов у нас на такой срок недостаточно. Скоро будет не хватать пищи и воды. Поэтому я отдал приказ грести на восток. Мы, вероятно, находимся не очень далеко от Португалии. Там я надеюсь войти в какую-нибудь гавань, восстановим запасы, починим корабль и дождемся свежего бриза, а уж он понесет нас обратно к английским берегам.

И он крикнул гребцам, чтоб сильнее работали веслами. Несмотря на все усилия корабль, однако, очень медленно продвигался вперед, а португальский берег все никак не желал показываться. Запасы пищи понемногу подходили к концу, скоро закончилась и вода. Солнце безжалостно палило над головами гребцов, и ни один живительный глоток влаги больше не освежал бедняг. Капитан сам сел на весла, пассажиры последовали его примеру, чтобы матросы смогли хоть немного восстановить силы и отдышаться от жары в нижних помещениях корабля. Впрочем, непривычная работа на страшном солнцепеке быстро изнурила путешественников, и команда, и пассажиры только напрасно измучили себя.

Невозможно без ужаса представить себе положение, в котором оказались несчастные! Судьба обрекла их погибать от жажды посреди бескрайних водных просторов, и они даже не могли взять в рот глоток соленой жидкости, чтобы смочить прилипающий к деснам язык! Один из гребцов, когда жажда сделалась нестерпимой, все же попытался напиться морской воды. Это обернулось для него катастрофой. И дело не только в том, что после соленой воды жажда еще сильнее стала мучить его. Случилось нечто худшее: этот легкомысленный человек заболел и умер, тело его опустили в море. Остальные почти завидовали покойному: отныне он был свободен от страданий.

Большинство путешественников терпеливо сносили выпавшие на их долю лишения, Хаим, напротив, вел себя неразумно и даже недостойно. Он плакал, громко сетовал, рвал на себе волосы, валился то и дело навзничь и бился головой об пол, всем этим многократно умножая свои муки. Брата он без конца изводил упреками:

– Это ты своими словами навлек на нас беду, – рыдая, говорил он. – Это ты вслух пожелал, чтобы мы никогда не ступили на английский берег! Спаси же нас теперь от несчастья, которое сам наслал на наши головы.

– Что я должен делать? – кротко возражал ему рабби Шимшон. – Часами я молю Б-га, чтобы Он послал нам помощь! Я тоже не хочу умереть от голода и жажды, я тоже хочу когда-нибудь обрести вечный покой в родной земле, рядом с могилами предков. Но как я, по-твоему, должен поступить, брат мой? Не могу же я поменяться местами с Б-гом, который отказывает нам в помощи.

– О, если бы ты захотел помолиться как следует, Б-г бы нам уже помог. Но ты не хочешь, ты ожесточен против меня, а когда я и все остальные будем уже мертвы, вот тогда ты найдешь способ выжить.

Подобные речи, столь же злые, сколь и безрассудные, Хаим повторял так часто, что команда тоже их услышала и, в конце концов, поверила, что он говорит правду. Матросы окружили рабби Шимшона и начали требовать, чтобы он во что бы то ни стало их спас и пригрозил ему смертью.

– Мы бросим тебя в воду, – сказал капитан, – как когда-то моряки бросили в воду Иону, если ты нам не поможешь.

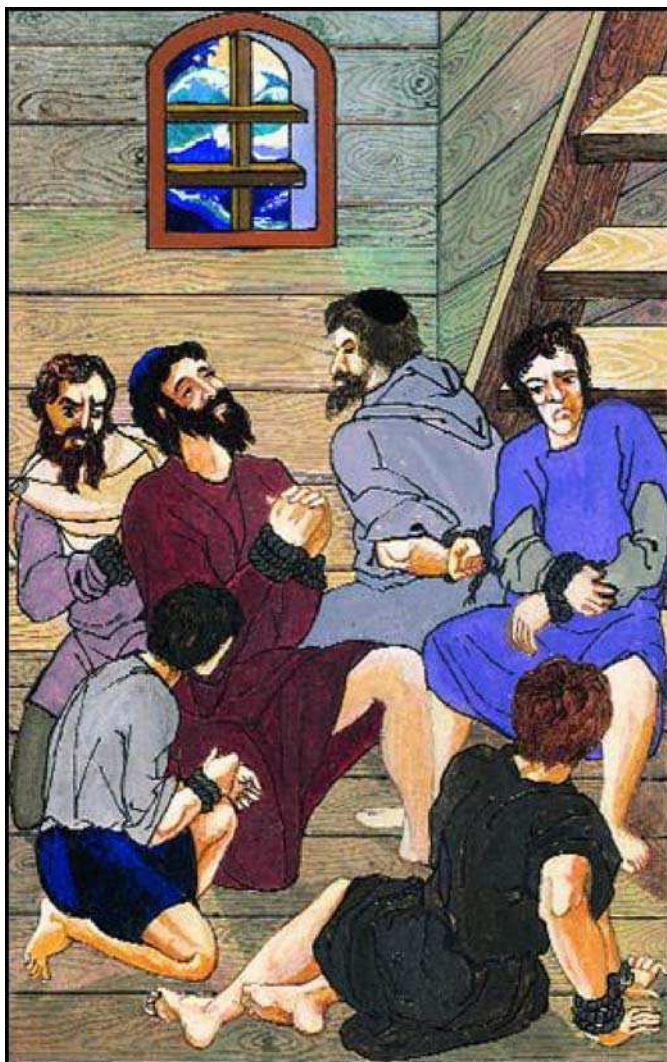
– Не будьте безрассудными до такой степени, – отвечал рабби Шимшон. – Я не могу помочь ни вам, ни себе. Я только человек, такой же смертный, как и вы.

– Но разве буря не утихла, когда ты молился Б-гу?

– Но теперь Б-г не слышит моей молитвы. Что же я могу поделать?

– А вот посмотрим. Хватайте его, ребята, и бросайте в море!

Матросы подступили к рабби, стоявшему спокойно и бестрепетно глядевшему на них, собираясь схватить его и швырнуть в пучину. А ведь всего две недели назад он считался у них почти равным Б-гу! Сейчас они были готовы погубить его без раздумий!

– Подождите! – закричал Хаим. – Не кидайте его в море! Явится рыба и проглотит его, чтобы затем целым и невредимым извергнуть из своего чрева на твердую землю. Мы же только вернее погибнем!

– Тогда мы его сначала прикончим! – воскликнул капитан.

Он схватил топор, намереваясь раскрыть голову рабби Шимшону.

Тот, не двигаясь с места, стоял с прежним спокойствием, и взгляд его не отрывался от горизонта. Вдруг он поднял руку и показал ею куда-то вдаль.

– Посмотрите, – проговорил рабби, – что-то движется к нам вон с той стороны!

Взгляды присутствующих устремились к горизонту. Капитан опустил руку, сжимавшую топор. Из груди у него вырвался громкий крик:

– Корабль, корабль! Мы спасены!

IV

Восторженный вопль разнесся над волнами, едва слуха измученных тяжкими испытаниями людей коснулись слова капитана. Те, что минуту назад буквально кипели гневом, распростерлись на палубе, горячо благодаря Б-га, даровавшего им надежду на спасение. Потом все попросили прощения у рабби Шимшона. Никто не сомневался, что спасением от неминуемой смерти они уже во второй раз обязаны лишь его заступничеству.

Капитан приказал подать сигнал бедствия, но с чужого корабля, по-видимому, уже заметили галеон, и расстояние между ними стало быстро сокращаться. Да, от смерти несчастные были спасены! Зато свободы и имущества им предстояло лишиться. Корабль, который захватил галеон, оказался африканским разбойничьим судном. После того как полумертвые от страха и голода люди были приняты на борт и подкрепили силы едой и питьем, их немедленно бросили в трюм. Пираты собирались отвезти их в Африку и там продать в рабство.

И вот теперь они лежали рядом – рабби Шимшон, Хаим, капитан, гребцы и пассажиры галеона. Руки у всех были связаны.

– Горе! – причитал Хаим. – Какое горе! Все мои деньги и деньги моих друзей пропали! Я должен буду влачить жалкое существование раба, который сам себе не принадлежит, жизнь которого целиком зависит от хозяина! И кого мне благодарить за все это? Только тебя, худший из братьев, потому что ты проклял нас всех и сделал так, чтобы мы никогда не ступили на английский берег!

Капитан заскрежетал зубами.

– Зачем я не раскрыл череп этому еврею!

– Чего вы хотите? – спросил рабби Шимшон. – Разве меня не постигла та же судьба?

– Ты в союзе с духами! – вскричал Хаим. – Они, конечно, освободят тебя, а нам предстоит погибать в нищете и унижениях!

– Позовите ваших духов, рабби! – взмолился капитан. – Пусть они разрежут наши путы, пусть помогут нам связать пиратов и сделают так, чтобы мы вернулись домой.

– Не слушайте, – возразил Шимшон, – не слушайте того, что болтает мой безрассудный брат. Лучше учите у меня, как примириться со своей жестокой участью. Я не заключал союза с духами, я полагаюсь на одного Всемогущего Б-га, который в одно мгновение может ослабить наши путы, вернуть нам свободу и привести обратно домой. А если воля Бжья в том, чтобы мы провели остаток жизни в рабстве, выполняя невыносимо тяжелую работу, то это все равно Его святая воля, и, конечно, она нам во благо. Все, что Он делает, все, что Он нам уготовил, несомненно к лучшему. Почему мы должны этому противиться?

Давайте будем учиться у Иосифа, не поколебавшегося в своей вере в Б-га, когда его бросили в темницу. И он был поднят из мрака и стал правителем Египта.

– Вы благочестивый, вы святой человек, рабби, – сказал капитан растроганно. Слезы, которые он не мог утереть, ибо руки его опутали веревкой, текли у него по щекам. – Как же получилось, что у вас такой нечестивый брат? Ведь он так настроен против вас, что чуть было не заставил меня взять на душу грех и зарубить вас топором.

– Ты слышишь, Хаим, – обратился рабби Шимшон к брату, – в каких страшных вещах обвиняет тебя нееврей? Ты ведь и вправду заслужил эти упреки! Его сердце принадлежит золоту, капитан, и эта пагубная страсть, худшая из страстей, заглушает в нем все доброе. Он мой брат, сын моего отца и моей матери, достойный пример которых был у него перед глазами – так же, как у меня. Как и я, он воспитан и обучен в духе учения нашего Б-га. Но когда он был еще ребенком, страсть к деньгам овладела его душой. О, если бы страдания, которые Б-г сейчас послал тебе, брат, послужили твоему исправлению, о, если бы потеря имущества и самой свободы помогли тебе понять, что все земные блага ничтожны и преходящи, что только...

– Перестань! – с горечью воскликнул Хаим. – Зачем ты мучаешь меня своими словами? Я и так достаточно несчастен, чтобы ты еще издевался надо мной и произносил тут свои обвинительные речи! И разве тебе хоть сколько-нибудь лучше, чем мне? Может твоя ученость спасти тебя от страшного рабского ярма? И если правда, что ты не заключал союза с духами, то может ли твое знание Торы развязать веревки, которыми ты связан? А когда тебя купит какой-нибудь разбойник-магометанин и заставит стирать себе одежду, подметать жилище, обрабатывать заступом поле, что пользы будет тебе от Абайи и Рабы, от Раши и Альфаси, которых ты так долго изучал? Если бы ты был ткачом, каменщиком, плотником или музыкантом, тебе бы сейчас было лучше: ты мог бы использовать искусство или свое ремесло, чтобы облегчить себе жизнь!

Рабби Шимшон промолчал. Что он мог сказать брату, каменное сердце которого даже в беде так и не смягчилось?

Пиратский корабль причалил к берегу в Могадоре. Пленников перевезли на африканскую землю и одели, как одевают рабов, собираясь затем переправить их на невольничий рынок в Александрию. С них сняли веревки: они ведь теперь все равно не могли убежать.

Следующим днем после дня прибытия оказалась суббота. Рабби Шимшон попросил для себя и брата позволения посетить синагогу. Их отпустили.

В той части города, где жили евреи, было тесно и грязно. Маленькие домишки выглядели жалко, судьбе могадорских евреев вряд ли можно было позавидовать.

Когда чужестранцы вошли в синагогу, на них почти никто не обратил внимания. Евреи в Могадоре привыкли видеть единоверцев в одежде рабов. Пираты все время заботились о том, чтобы это зрелище не становилось тут редкостью.

Закончили читать Тору. Перед началом мусафа могадорский раввин предложил собравшимся толкование одного места из Талмуда. Он говорил о жертвах и в связи с этим учил людей мудрости и выдержке. Его внимательно слушали, но порой прерывали возражениями, и это нередко вело к продолжительным диспутам. Рабби Шимшон тоже внимательно слушал, иногда на губах его появлялась улыбка, иногда он неодобрительно качал головой, но он так и не произнес ни единого слова.

– А теперь, слушатели мои и ученики, – сказал в конце раввин, – я прошу вас быть особенно внимательными, потому что я собираюсь задать вам вопрос, ответа на который мне пока и самому не удалось получить, хотя я уже и не раз пытался этого добиться. Так вот, в трактате Кидушин, во втором разделе, Гемора приводит четвертую Мишну из седьмого раздела Школим. И она звучит в целом так: голова бесхозной скотины, найденной в окрестностях Иерусалима, не доходя до Мигдал-Эдер (или на таком же расстоянии в любую сторону), должна быть принесена в жертву, потому что животное, возможно, было предназначено для жертвоприношения, но убежало. Если эта голова принадлежит животному мужского пола, то она становится жертвой всесожжения, а если женского – то жертвой мира, то есть зевах шломим. Так говорит Мишна. Гемора рассматривает разнообразные возражения на сей счет. Как, например, можно приносить голову скотины мужского пола в жертву всесожжения? Ведь нельзя исключить, что животное

было искупительной жертвой прокаженного? На это Гемора отвечает: такая искупительная жертва встречается очень редко, а потому ее не следует опасаться. Но если бы подобное случилось часто, то это животное в самом деле уже нельзя было бы сделать в жертву всесожжения. И вот теперь – слушайте внимательно! – я спрашиваю вас, почему даже в таком случае его нельзя было бы принести в жертву всесожжения? Ведь это можно было бы сделать, оговорив определенные условия. Можно было бы сказать: если это животное – искупительная жертва прокаженного, то пусть оно таковым и останется, а если нет – пусть это будет жертва всесожжения. Ибо знайте, ученики мои и остальные слушатели: обе жертвы – искупительная жертва прокаженного и жертва всесожжения – приносятся одинаковым образом. Даже жертвы возлияния одни и те же, а то, что кровью искупительной жертвы полагается смазать пальцы ног прокаженного, не может ни в коем случае служить помехой.

После этих слов в синагоге воцарилось глубокое молчание. Каждый пытался уяснить себе вопрос рабби. Некий ученик, явно плававший жаждой знаний, попросил еще раз повторить сказанное, что раввин тотчас же с готовностью исполнил. После этого кое-кто попытался так или иначе решить проблему, но все попытки в конце концов оказались неудачными.

– Увы, – сказал рабби, – вот уже год, как я задаю себе этот вопрос, и пока не нахожу ответа. Когда прошлой весной я был у великого рабби из Марокко, рабби Авиасафа, я задал свой вопрос и ему, и он попробовал на него ответить. Вопрос Геморы, по его словам, относится одновременно и к искупительной жертве посвященного, назира. Ответ же Геморы на вопрос об искупительной жертве прокаженного мог бы быть тот же, какой даю я. Гемора предпочитает ответить так, чтобы сказанное годилось для обоих видов жертвоприношения, а именно – что оба они встречаются редко. Решение рабби Авиасафа из Марокко до какой-то степени можно принять, но полностью оно меня не удовлетворяет, и я посчитал бы себя счастливым, если бы кто-нибудь смог предложить лучший вариант.

Тогда вперед вышел рабби Шимшон и сказал:

– Ты прав, рабби, что не удовлетворился предложенным решением. Позволь мне объяснить тебе, что я имею в виду. Ты говоришь, что такое животное можно принести в жертву и в качестве искупительной жертвы, и в качестве жертвы всесожжения, – нужно только оговорить условия. Но это не так. Сам посуди, ведь вполне возможно, что владелец отказался от надежды вернуть себе животное и принес другое в качестве своей искупительной жертвы, принес еще до того, как нашлось первое; и вот оно, второе, теперь является искупительной жертвой. Владелец уже получил искупление, и первое животное ни в коем случае не должно быть принесено в жертву, – ему следует дать умереть. Иначе с жертвами всесожжения: их-то можно приносить как добровольный дар. Так что ты видишь, что искупительную жертву прокаженного, даже оговорив условия, все равно нельзя приносить в качестве жертвы всесожжения и что Гемора целиком и полностью права.

– Ты верно говоришь, чужеземец, – в изумлении отвечал раввин, – позволь, я растолкую твои слова своим ученикам.

После того как раввин завершил объяснение, все воззрились на чужаков с удивлением и, конечно же, с глубоким уважением.

– Кто ты такой, чужеземец? – спросил раввин. – Ты, без сомнения, один из великих людей Израиля.

– Я пленник, раб.

– Как твое имя и каково имя страны, откуда ты родом?

– Меня зовут Шимшон, и я родился в Кузи, во Франции.

– Во Франции, где когда-то жил великий рабби Яков, которого называли Рабейну Там?

– Я его ученик.

– Ты достойный ученик великого наставника. Ты сам великий наставник. Друзья, ученики, братья! Б-г даровал нам великое счастье. Среди нас – один из величайших учителей в Израиле. Он в беде, он попал в рабство. Давайте сообща пожертвуем то, что имеем, чтобы выволить его, вернуть ему свободу!

– Мы согласны, мы согласны! – закричали все в один голос.

– А я, что будет со мной? – спросил Хаим.

– Кто этот человек? – спросил раввин.

– Это мой брат, – ответил рабби Шимшон, – он вместе со мной попал в беду.

– Освободить вас двоих, – сказал раввин, – не получится. Мы бедны, а ваши хозяева всегда просят большой выкуп.

V

После окончания службы могадорский раввин послал человека к пирату, велел просить разрешения, чтобы оба пленника весь оставшийся день провели со своими единовѣрцами. Разбойник сказал в ответ, что пленники могут оставаться среди евреев сколько пожелают, но что раввин отвечает за то, чтобы они не сбежали.

После того как оба брата пообедали в доме раввина, тот расспросил рабби Шимшона обо всем, что казалось ему сложным и не вполне ясным в глубинной и бескрайней мудрости Талмуда, и ученый житель Франции дал ему исчерпывающие ответы на все вопросы. Понемногу в дом к раввину собрались все ревностные талмудисты, старые и молодые. Полные изумления слушали они умную и блистательную речь великого тосафиста. Никогда прежде им не приходилось присутствовать при чем-либо подобном, никогда прежде не видели они человека, который, как рабби Шимшон, умел бы опускаться на дно безбрежного талмудического океана, доставая оттуда скрытые для обычного взгляда драгоценные жемчужины, который так владел бы огромным знанием, заключенным в Талмуде, в самых разных трактатах, в Мехилте и Сифре, к примеру, и объяснял бы искуснейшие ходы логической мысли, разрешая противоречия, казавшиеся неискусшенным неразрешимыми. Чья удивительная память, как книгохранилище, таила в себе неисчислимые религиозные истины.

– Остаься у нас, рабби, – сказал неожиданному гостю раввин, исполненный почтительного восхищения. – Будь нашим раввином, нашим учителем. Отныне я хочу стать твоим учеником.

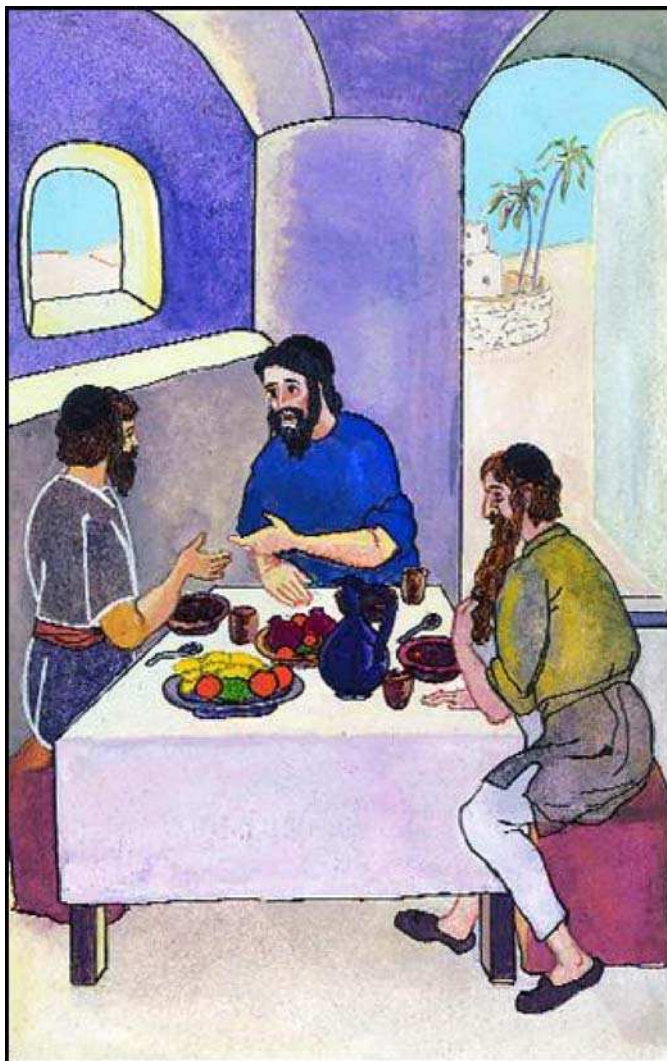
– Да, остаься у нас, рабби! – закричали в один голос все присутствующие.

Рабби Шимшон обнял раввина:

– Ты замечательный, достойный всяческого уважения человек. Прекраснейшее украшение твое – скромность. Б-г да благословит тебя! Вы, друзья, можете считать себя счастливыми, что у вас такой раввин. Цените его и почитайте! Я же, если вы меня освободите, вернусь на родину. Лишь там могу я жить и продвигаться далее в своих ученых занятиях. Там мой свояк рабби Моше, там мои друзья и товарищи – рабби Яков из Корбейля, рабби Иехил из Парижа, рабби Йосеф, который прежде жил в Иерусалиме, а теперь, после того как наших единоверцев, к несчастью, изгнали из Святой земли, живет в Нанси, в Лотарингии. Там мои ученики, некоторые из них когда-нибудь станут славой Израиля. Только в общении с этими людьми, в близости от них, только постоянно обмениваясь с ними идеями, могу я плодотворно работать. Если же вы хотите доказать, что вы ко мне расположены, выкупите вместе со мной и моего брата, чтобы мы вместе могли вернуться на землю возлюбленной нашей родины.

На следующий день начались переговоры с морским разбойником. Негодяй запросил тысячу драхм за рослого, красивого рабби Шимшона и семьсот – за маленького, невзрачного Хаима.

Было трогательно видеть, как люди старались побыстрее собрать нужную сумму. Мужчины пожертвовали все свои наличные деньги, но их, увы, оказалось слишком мало. Женщины отдавали свои украшения, но они тоже стоили не слишком дорого. Даже дети с радостью расставались с накопленными монетками. Все, что только можно было продать, превратили в деньги, но в конечном счете удалось собрать только семьсот драхм. Тогда община попыталась мольбами заставить пирата согласиться на меньший выкуп. Тот, однако, был неумолим. Последней возможностью достать остальную сумму и освободить рабби Шимшона, чтобы он смог вернуться на родину, стал домишко раввина. Он стоил как раз триста драхм, и раввин был готов отдать его во владение пирату.

Мрачно наблюдал Хаим за всей этой суетой. Он понимал, что возможности заплатить за свободу и для него у здешних людей нет. Значит, оставалось только смириться. Ему предстояло быть проданным в рабство, а рабби Шимшона ждало величайшее счастье: свободным человеком вернуться домой, обнять жену, детей и друзей. Зависть и гнев переполняли его сердце, день и ночь он думал о том, как обмануть брата.

«Несмотря на всю свою ученость, – говорил он себе, – мой высокоумный Шимшон, в сущности, наивный человек. Как бы мне исхитриться и подвести его к тому, чтобы он сам отказался от освобождения в мою пользу? История знает немало примеров, когда ум и сметливость позволяли достичь даже большего. Правда, стоит мне подумать, что он по доброй воле захочет вместо меня подставить шею под рабское ярмо, и я понимаю, что это совершенно несбыточно. Однако я знаю своего брата и сумею к нему подступиться. Я поймаю его на великодушии, это его слабое место. Но, с другой стороны, пусть он и согласится, здешние люди все равно захотят освободить его, а не меня. Глупцы! Их невозможно будет переубедить. Или очернить в их глазах брата? А что толку? Тогда они не станут освобождать ни его, ни меня. Нет, тут нужно действовать как-то иначе. Ум спасает жизнь лишь тому, у кого он есть».

– Брат, – сказал Хаим рабби Шимшону, когда они остались вдвоем, – как тебе повезло: скоро ты будешь свободен! А я... меня продадут в рабство, никогда больше не увидать мне ни жены, ни детей!

Он горько заплакал.

– Мне искренне жаль тебя, брат, – отвечал рабби Шимшон. – Утешься и примиришься с волей Б-жьей.

– Тебе хорошо говорить, тебя освободят! Каково-то мне будет одному! Я уже чувствую на своей спине удары надсмотрщика, потому что вряд ли научусь сразу делать непривычную работу.

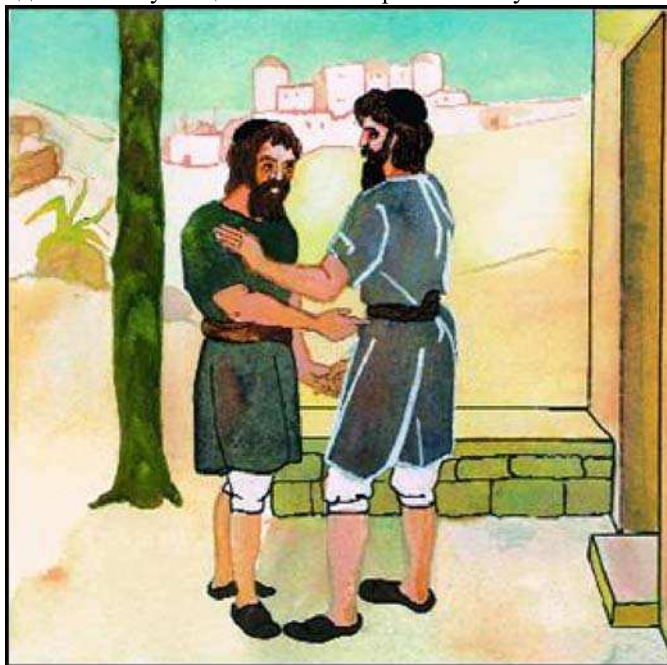
– Ты прав, это тяжело. Но ты же видишь – выкуп еще и за тебя собрать не получается. И так уже ради меня одного добрые здешние люди выбиваются из сил, идут на почти невозможные жертвы.

– Сказать откровенно, брат, меня удивляет, что ты с готовностью соглашаешься эти жертвы принять.

– А почему я не должен это делать? Ведь таков их долг, величайший из мицвоис, – освобождать пленников ценой всего своего имущества.

– А раввин тоже должен продать свой дом, чтобы и он, и его домашние лишились крыши над головой?

– Меня это самого очень печалит. Если бы только Б-г позволил мне обойтись без этого и не принимать такой жертвы!

– Ты можешь обойтись без этого, брат мой!

– Как же это?

– Видишь ли, если бы я был на твоём месте, я сказал бы раввину: оставь дом себе, а вместо меня выкупи моего брата, за которого просят всего семьсот драхм.

– Ты действительно поступил бы так, Хаим? Ты и впрямь полагаешь, что я настолько наивен, чтобы тебе поверить? Во время нашего путешествия ты не раз доказал мне, что, во-первых, ты великий эгоист, а, во-вторых, очень мало меня любишь!

– Ты ошибаешься, брат, я охотно бы отказался от свободы ради тебя, окажись я в твоём положении! Посмотри, ведь я же кормил в Куси тебя и твою семью. И я твой старший брат!

– Правильно, если бы ты был ученым-талмудистом, я бы, конечно, уступил тебе первенство как старшему брату, но...

– Именно потому, что я не талмудист, ты должен был бы уступить мне свою свободу. Где бы ты ни появился, тебя все равно освободят. То же самое, что сейчас делают для тебя могадорские евреи, с готовностью сделают евреи Александрии или Каира. А кто станет заботиться обо мне? От тебя свобода никуда не уйдет!

– Не каждый день случаются чудеса.

– А если даже и нет – чего ты хочешь от жизни? Изучать Тору? Так разве это нельзя делать, будучи рабом? Тебе для этого не нужно даже книг! Ведь ты уже знаешь наизусть весь Талмуд.

– Разве перед тем ты сам не сказал, что уже сейчас чувствуешь на своей спине удары надсмотрщика? Непривычная работа очень трудна. А если я, раб, трудясь в поте лица, в мыслях своих пребуду с Талмудом, то тут-то удары злобного надсмотрщика и вернут меня обратно к плугу.

Хаим прикусил язык.

– Я сам проговорился! – тихо сказал он. – Брат не так прост! Придется попробовать что-то еще. Но я должен добиться своего. Разве меня напрасно всю мою жизнь называли хитрым Хаимчиком, умным Хаимчиком? Разве все торговые люди Франции и Англии, Германии и Лотарингии не боялись, что я их перехитрю? Да чтоб я не смог обмануть своего глупого брата!

Слова Хаима, между тем, глубоко запали в душу рабби Шимшона. Благородного человека глубоко тронуло, что вся община Могадора ради него согласна обречь себя на нищету. Особенно грустно было ему оттого, что раввину придется продать свое жилье. Он видел, как беззвучно плакала жена раввина. Бедную женщину страшила мысль в скором времени лишиться дома, доставшегося ей в наследство от родителей. Ее слезы мучили рабби Шимшона, он стал раздумывать над тем, как их осушить.

– Послушай, брат, – сказал на другой день Хаим. – Я все же рад, что хоть один из нас вернется домой: будет кому кормить наших жен и детей. Я теперь беден, пираты захватили не только мои деньги, но и деньги чужих людей, данные мне для этой несчастной сделки с лошадьми. То немного, что я оставил жене, скоро иссякнет, ей хватит средств, наверное, как раз до твоего возвращения. Ты должен будешь сразу заняться торговлей. Тебе придется много работать. Конечно же, ты возьмешь на себя заботы и о моей семье! Правда, твоим ученым занятиям и преподаванию тогда наступит конец...

– Как, я не смогу больше изучать Талмуд? Зачем мне тогда свобода?

– Так что же, нашим женам и детям придется умереть?

– Но, брат мой, ты же знаешь, что я ничего не смыслю в торговле, в купле и продаже.

– Да, брат мой, я это знаю. Именно поэтому я думаю, что лучше бы мне отправиться домой и, как прежде, спокойно содержать обе семьи, свою и твою. Так было бы разумнее: ведь ты вернешься, чтобы голодать там вместе с нашими женами!

– В том, что ты говоришь, – ответил рабби Шимшон, подумав, – есть здравый смысл. Ты можешь стать надежным кормильцем наших семей, а я – нет. И к тому же тогда здешний раввин не должен будет продавать свой дом!

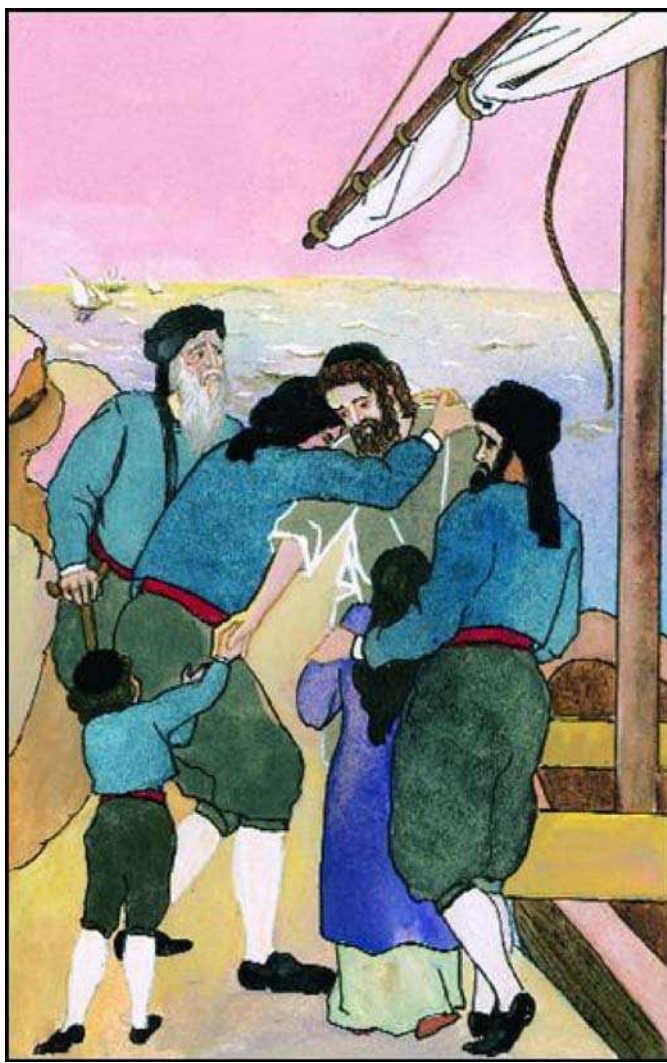
– Значит, ты согласен, чтобы меня выкупили вместо тебя?

– Согласен.

– Ты добрый, благородный, великодушный брат!

VI

С величайшим изумлением узнали жители Могадора о решении рабби Шимшона. Они воздавали должное выдающемуся душевному благородству этого человека, и все же им было больно слышать, что тяжкие жертвы, на которые они пошли ради него, на

самом деле оказались принесенными ради его брата, а тот не только не был ученым талмудистом, но и не сумел завоевать даже приязнь этих добрых, благочестивых и простодушных людей.

– Несправедливо, – говорили они друг другу. – Если бы нам хотелось освобождать из плена людей, похожих на этого Хаима, мы бы трудились весь год не покладая рук: таких слишком часто привозят сюда и продают в рабство. В самом деле, если мы дадим за него выкуп, это будет нечестно по отношению к другим пленникам-евреям. Даже тех, что лучше Хаима, мы за все прошлые годы так и не выкупили, да и не могли выкупить. Где денег набраться? А вот рабби Шимшон – человек необыкновенный. Наши внуки еще будут рассказывать своим внукам о том, что мы подарили свободу одному из величайших сынов Израиля. Про Хаима из Куси никому и говорить не захочется – ни сейчас, ни потом. Что про него вообще рассказывать?..

Раввин с трудом смог успокоить свою паству.

– Друзья, – сказал он, – если вы по просьбе рабби Шимшона освобождаете его брата, это все равно как если бы вы выпускали на свободу его самого. Ваша заслуга перед небесами от этого не стала меньше.

– Подумайте и о том, – вступил в разговор присутствовавший в синагоге рабби Шимшон, – что, выкупая моего брата, вы дарите мне нечто большее, чем просто свободу, ибо мой брат, вернувшись домой, защитит от голода моих любимых и близких.

– Рабби, – возразил на это какой-то старик, – прости, что перечу тебе. Ты один из великих в Израиле, мои же знания весьма и весьма скудны. Но я пожил достаточно и научился немного разбираться в людях. Поверь, твой брат лжет. Позволь, мы выкупим тебя. Ты получишь свободу и отправишься себе домой. Неужели наши братья во Франции до того бедствуют, что дадут умереть голодной смертью такому человеку, как ты, да еще с семьей только из-за того, что ты черпаешь из источника вечной жизни и потому не умеешь торговаться, продавать и менять? Нет, я не стану плохо думать о наших французских единоверцах. Они позаботятся о тебе и не допустят, чтобы бедствовали твоя жена и дети. Еще раз говорю: твой брат обманывает тебя из самых корыстных, самых низких побуждений.

– Друг мой, – ответил рабби Шимшон, – я уважаю твою мудрость и твой опыт. В своих суждениях о брате моем ты, – и мне больно, что я вынужден это признать, – может, и не так уж далек от истины, но все же именно то решение, которое я принял, единственно правильное. Люди, хорошо знающие Талмуд, – не редкость у меня на родине, и я ничем особенно среди них не выделяюсь. Разумеется, я не сомневаюсь, что мне с семьей не дадут умереть голодной смертью. Однако наши соплеменники и единоверцы во Франции бедны. В эти беспокойные времена их всячески преследуют, а помимо того, горек хлеб, полученный из рук благотворителя. Кроме прочего, я в долгу перед своим братом и хотел бы этот долг вернуть. Теперь же мне для этого представляется прекрасная возможность. Б-г будет помогать мне, Он станет меня хранить, Он не оставит меня. Защитит, как в давние времена защитил Иосифа, когда того продали в рабство, когда невинного бросили в тюрьму. Он – мое убежище, мой оплот, моя скала, мой спаситель!

– Какой ты благородный, какой благочестивый человек! – качая головой, вымолвил старик. – Если бы я мог отдать за тебя кровь своего сердца, я бы легко и с радостью это сделал.

– Если ты хочешь доказать мне свою любовь, – с горячностью попросил рабби Шимшон, – успокой своих земляков, убеди их не противиться моей воле и выкупить на свободу брата! А мне позволю отправиться в рабство...

Старик дал слово и сдержал его. Он добился, чтобы Хаима выкупили, дали ему полную свободу, а рабби Шимшон остался в руках у пирата.

То был печальный день для всех евреев Могадора. День, когда корабль с рабами должен был отчалить от берега, чтобы доставить свой «груз» в Александрию, на невольничий рынок. Длинной чередой всходили несчастные, все как один обряженные в серые одежды рабов, на корабль. Среди них был и рабби Шимшон. На берегу стояли могадорские евреи – мужчины, женщины, дети. Целая община. Немошные старики, которые уже почти не могли ходить, приковывали на костылях, больные попросили родных, чтобы те принесли их на берег. Когда рабби Шимшона должны были вот-вот вести на корабль, раввин с громким плачем подбежал и обнял его. И община, подхватив его плач, разразилась воплями и рыданиями.

– Горе, горе! – несло со всех сторон. – Великого в Израиле увозят от нас в ужасное рабство, а Б-г не дал нам ему помочь!

Когда этот всеобщий плач достиг ушей рабби Шимшона, тот был глубоко тронут, глаза его наполнились слезами.

– Спасибо вам, братья мои, спасибо вам, сестры! – крикнул он голосом, сдавленным от подступивших к горлу рыданий. – Не ваша вина, что меня сейчас повезут в рабство. Вы сделали все, что могли. Так решил Б-г, да прославится Его святое имя!

– Да прославится имя Его! – раздалось со всех сторон, но потом вопли и рыдания послышались снова.

– Какой человек! – крикнул кто-то. – Горе тому, кто равнодушно и со спокойным сердцем вкушает плоды, собранные для рабби Шимшона.

При этих словах взгляды всех устремились в сторону Хаима, который, сияя от радости, смотрел, как пленных ведут на корабль. Сейчас Хаим как раз думал о том, что, не будь он так хитер, пришлось бы и ему разделить судьбу этих несчастных. Думал и радовался, что удачно все рассчитал. Люди тем временем пристально и недружелюбно смотрели на него. Он был достаточно сообразителен и тотчас понял, что ведет себя несообразно моменту. В мгновение ока физиономия его выразила глубокую скорбь, он со всех ног бросился к брату, обнял его и поцеловал.

– Возлюбленный брат! – возопил он. – Как горько мне, что из-за меня ты должен принести столь великую жертву! Ах, если бы я мог вместо тебя уплыть в рабство на этом корабле! Но ведь ты хорошо знаешь, что я делаю это только ради твоей жены и детей, что я должен вернуться домой и стать им защитником, кормильцем. Всего тебе наилучшего, добрый брат, пусть Б-г хранит тебя и скоро освободит!

– А ты, Хаим, – отвечал рабби Шимшон, – выполни хотя бы свои обещания и, если Б-г приведет тебя благополучно на родину, замени моим детям отца, а жене – кормильца. Проследи, чтобы мои сыновья выросли, зная Тору, и выдай моих дочерей замуж только за юношей, сведущих в Талмуде.

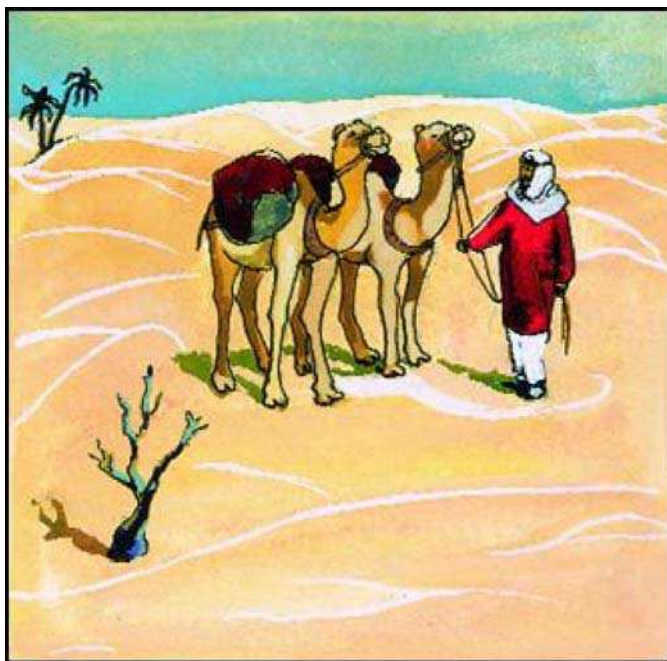
– Я обещаю тебе, я клянусь!

– Передай моим любимым последний привет от меня! Верно, я их больше никогда не увижу!

– Сколько еще времени, – прервал его подошедший пират, – вы собираетесь здесь стоять? Все рабы уже взошли на корабль! Иди сюда, еврей, а не то отведаешь кнута!

Со вздохом послушался рабби Шимшон грубого приказа. Поднявшись на корабль, он поднял вверх руки и благословил стоявших на берегу. Потом его затолкали в трюм.

С плачем и причитаниями разошлись иудеи по своим неказистым домам. Хаима повсюду встречали одни только гневные взгляды. Он решил как можно скорее выбраться из Могадора и пуститься в обратный путь на родину.

Впрочем, отправиться в путешествие – это была задача не из легких. Евреи Могадора сердились на Хаима, потому что видели его насквозь; кроме того, они не могли дать ему денег на дорогу: им и так пришлось многим пожертвовать ради его освобождения. Но именно теперь, когда он оказался предоставлен самому себе, проявился во всем блеске присущий ему талант торгового человека. Да, он был столь же велик этот Хаим на своем поприще, как и его брат – в науке. Ибо для того, чтобы, живя в окружении знакомых и

друзей и располагая большими средствами, заключать сделки, получая крупную прибыль, достаточно усердия, хитрости и ловкости. Достаточно умения вести дела и не нужно никакого особого искусства. Однако, если человек, не имея ни денег, ни друзей, ни возможности взять в долг в чужой стране, где он не знает людей и языка, при всем этом все же сумеет сколотить себе состояние, то он безусловно незаурядный профессионал в своем деле.

Таким человеком был Хаим. Прямо на родину из Могадора отправиться было нельзя, и он решил добраться до Марокко. За небольшую поденную плату Хаим нанялся погонщиком верблюдов в караване, который следовал именно туда, куда ему было нужно. Прежде никогда не видевший верблюдов, он быстро научился управляться с животными. По дороге он пил воду и питался черствым хлебом или финиками, которые в изобилии росли на деревьях в оазисах. На деньги, получаемые у караванщиков ежедневно, он скупал у встретившихся путешественников разные вещи, так что когда караван пришел в Марокко, у него был уже изрядный запас товаров. Тут он занялся продажей и перепродажей, постоянно умножая прибыль, и в самом скором времени не только смог заплатить за проезд в Южную Италию, но сверх того оставил себе весьма приличную сумму. Так, все время покупая и продавая, торгуя и обменивая товар, пересек Хаим Италию и Францию и через два года, уже состоятельным человеком, вернулся домой в Куси.

Ī ādāāā nī fāi ābēāā Ī ādēē Āēōēfāāēē.

Ī ōīāīēēāī ēā nēāāōōō

ИСКУССТВО ВЫЖИВАНИЯ В ИЗРАИЛЕ

ÊÐÀÒËËË ÊÓÐÑ

Ààò ïð à Êçðàëëà 12 éàò.

À ïðòëéé æéçé è ïéñàë æëÿ Á. Õàçàííàà, Ê. Ííàëéíàé (íñçàëé íàðàç òàò è Ñííé).

Ëàòàò èíéçòíà ðàíàòðéàí òíà ïéçòóéò ïà èàðéòà ïðàíççàííàà ààçòíé «Í ààðéà». Áóòòòàò (íà èàðéòà è ïí-òííé) ñ ààòòíéé èíéòàòòàè è ïí òðàíà Õàéíòó ïà-àòàéííè à èçðàëëüíéé ààçòà «Í ààðéà» è à ïàòíé èàðéòíéé ïðàíà Ìéòàò æëÿ àéòàðíà èçðàëëüíéé ÿòòàà.

Êçðàëëü - òðàíà, àà ñàéíÿòíÿ Áíòé è çàíà. Í àíòàéííòó èçðàëëüíéé íà-èòàéííè ïéé-ààòíÿ ïò ï àíòàéííòé ààííàéòà. Ííòíí ó è òðàòàéÿ ïíààíéÿ ÷àéíàéà à Êçðàëëà àíéàé à àíàéííè ñééííè ïéé-àòíÿ ïò àà ïíààíéÿ à ðííé èéè Áàííà

Ëàé ààòé ñàÿ, èàé æéòóè à Êçðàëëà, èàé òòðéòóè ñàíà íàíàéà ñ èðàíí è, èàé ðàòòóè àíçééàðóéà ïðàéàí ù? Ñ à ï àòò ñàéò ñéòíè ïòò ñéé, íàíàÿÿ ïíòò - ñàé è èðàé, èíòòòà ààííè æéàò à íàéàé òðàíà ïíòàðííè ïíàééòóíÿ ïàéàíéé è ñéòàòàè è èçðàëëüíéé æéçé, ÿéàí àíòàè è ðà-àííà ÿééàòà, èíòòòó àí íà íàéàòà àíéíààòó è ó-àáééàà

Êçðàëëü - ïðàéàííè ÿÿ òðàíà, ïí èéòóè æëÿ òàà, èòí àòíà è òí-àò à íàé æéòóè

ÊÇÐÀËËËËËËË - ÍÁÁÁÁ

Израильтяне произошли от евреев, как человек от обезьяны. Но разница между евреями и израильтянами не меньшая, чем между шимпанзе и человеком. Ментальность израильтян значительно отличается, а порой и прямо противоположна ментальности тех евреев, которых мы знаем по России.

Подходить к израильянину с привычными нам мерками и стереотипами еврея совершенно неверно. Типичный израильянин, особенно выходец из стран Северной Африки (а таких в Израиле – половина еврейского населения), по ментальности ближе к народам Средней Азии. Репатрианты и туристы в силу естественных обстоятельств мало контактируют с израильской интеллигенцией ашкеназского происхождения. Всевозможные подрядчики, агенты различных контор по трудоустройству – это либо русские, либо выходцы из стран Востока.

ÊÓËËËËË ÌÁÌ ÁÌÀ È Ì ÍÏÁÌ È×ÁÑÒÀÀ

Стремление обмануть ближнего – естественная и имманентная черта израильской ментальности, зафиксированная в научной и художественной литературе, эстраде, анекдотах. При любом

контакте с израильянами надо прежде всего подумать – как он может меня обмануть и как я могу от этого защититься. Одно из любимых слов израильского сленга – фраер – человек, который дает себя обмануть. Любимое изречение израильянина – «Что я – фраер?» Турист или иммигрант, не знающий иврита, а следовательно и израильских порядков, вызывает у нормального израильянина подсознательное желание «нагреть» фраера.

נֹדָאֹאֵב יִיָאָאֵב

Основой выживания в Израиле является так называемая «хуцпа», то есть естественная наглость, с которой ведут себя израильяне. Для того чтобы добиться успеха в Израиле, нужно полностью избавиться от привитой вам в прошлой жизни скромности и интеллигентности и привить себе ту естественную наглость, с которой ведут себя израильяне независимо от их происхождения, страны исхода, образования, возраста, пола и поголка. Израильяне ведут себя довольно раскованно, что на взгляд многих людей из России воспринимается как наглость или развязность.

Простой пример – вы пришли в учреждение, рядом со столом чиновника нет стула. Не ждите, пока он пригласит вас сесть, смело берите стул, стоящий у другого стола или зайдите в соседнюю комнату (но тогда надо спросить, можно ли взять стул). Именно такое поведение будет воспринято в Израиле как признак инициативного, самостоятельного человека.

Вынесенная нами из России скромность, интеллигентность воспринимаются израильянами как признак слабости и неуверенности в себе.

Оптимальная стратегия поведения в Израиле – спокойная уверенность в себе. С другой стороны, нельзя и давать себе излишне комплиментарных оценок: «Я – лучший, очень хороший работник, меня все уважают, замечательный». Этим вы настроите людей против себя. О своих успехах говорите всем, о неудачах – никому. Несколько подчеркнуть свои положительные качества, помалкивая о недостатках, лучшая стратегия при контактах с людьми. То, что в России считалось бы наглостью, у нас воспринимается как признак уверенности в себе.

«יִיָאָאֵב» יִדַּעַתְּ יִיָאָאֵב

При встрече даже малознакомые израильяне обмениваются несколькими ничего не значащими фразами. Тем не менее, эти фразы обязательны, если вы хотите поддерживать с этим человеком контакт, и чтобы вас не сочли угрюмым и невежливым букой:

– Шалом, ма нишма? А-коль беседер? Ма шломха? – Привет, как дела? Все нормально? Как здоровье?

На все эти вопросы существует единственный ответ: «Беседер», «Беседер гамур» (арабская версия: «Мабсут халас»).

Отвечать «беседер» нужно, даже если вас везут на кладбище.

עֹשֶׂהוּדָאֹאֵב

נֹדָאֹאֵב יִיָאָאֵב – אֵבֶבֶב.

יִיָאָאֵב

Если блат, по мнению классика, был среди российских лесов и болот, то в иудейской пустыне без него тем более не обойтись.

Взятки в Израиле не в ходу. То, что в России делается за деньги, у нас делается по блату. Даже в анкете при приеме на работу нередко есть пункт: «Кто из работников нашего предприятия может вас рекомендовать?» Израильянин постоянно опирается в своей жизни на знакомых по дому, саду, школе, армии, университету, курсам, кружкам, клубам, синагоге, работе.

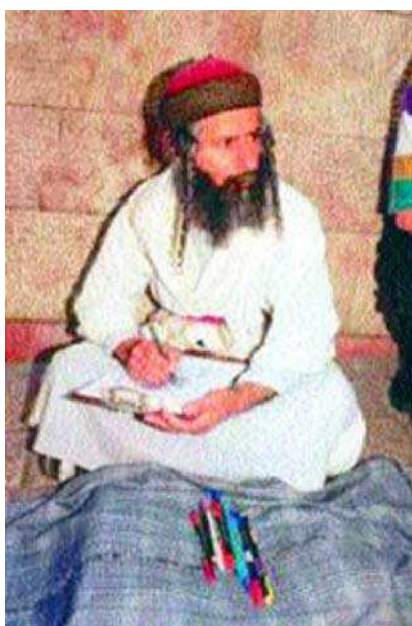
Поэтому одна из главных задач репатрианта – как можно быстрее обзавестись социальными связями, вступать в контакты с израильянами – на работе, по месту жительства, в магазине, синагоге и т. д. Случайный контакт может вывести вас на людей, которые помогут решить многие проблемы. Обращаться «от Моше» – это естественная и общепринятая форма решения проблем. Поэтому главное условие достижения успеха в Израиле – общительность, доброжелательность, контактность, умение и желание понравиться окружающим, особенно тем, от кого зависит решение ваших проблем. У неконтактного, угрюмого, замкнутого человека нет шансов на успех в нашей стране. Даже при назначении на должность министра используются личные связи, что уж говорить о других областях. «Неважно, что ты знаешь, – важно, кого ты знаешь» – это главный израильский принцип.

По благу у нас устраивают на престижную работу, повышают по службе, дают хорошую камеру в тюрьме, распределяют квартиры и материальную помощь, определяют в престижную боевую армейскую часть, хоронят. Поэтому важно с первого дня пребывания в Израиле стремиться к установлению контактов с израильянами, не замыкаться в кругу «русских». И неважно, что ваш знакомый торгует на рынке помидорами, возможно, его однокашник работает как раз в нужной вам отрасли.

ĪĀŪĀĪÈĀ Ñ × ÈĪĪĀĪÈÈĀĪ È

Израильский чиновник обладает большей свободой действий и полномочиями, чем российский на той же должности. «Пакиду» (чиновнику, служащему) даже на маленькой должности не свойственно отпихивать решение вопроса наверх.

Израильского чиновника часто называют «гвоздь без шляпки» – забить легко, вытащить невозможно. Он обращается к вышестоящему лишь в очень сложных случаях, превышающих его полномочия.

ĀŪ Ī ðÈØÈÈ Ā Ó × ðĀĒĀĪ ÈĀ

Как бы ни было неотложно ваше дело, не пытайтесь привлечь внимание чиновника ерзанием, покашливанием, поглядыванием на часы или прямым обращением. Если пакид занят с другим служащим или посетителем, вооружитесь терпением. Когда подойдет ваша очередь, он будет заниматься вами. Во время беседы с вами чиновник может отвлекаться на телефонные звонки или беседы с другими работниками, может оставить вас дожидаться его. Ваша задача – решить ваше дело, а не изменить израильские порядки. Поэтому ни в коем случае не критикуйте чиновника! Самый бесперспективный путь решения ваших проблем в учреждениях – устройство скандала.

Не угрожайте чиновнику жалобами – этим вы лишь настроите его против себя. Израильский чиновник жалоб не боится – его, как правило, нельзя уволить. Фраза «пожалуюсь начальству» вызывает у

него здоровый смех над «совком», не понимающим израильских порядков. Вы бы ему еще обкомом партии пригрозили.

Лучше всего пробудить в чиновнике симпатию, желание вам помочь. Для этого можно попытаться сразу же установить неформальный контакт.

Другой, менее эффективный путь – бить на жалость, вышибать слезу. «Вот я такая несчастная, одна с тремя детьми, денег нет, работы нет, никто мне кроме вас не может помочь, будьте человеком, на вас вся надежда, я к вам сразу прониклась доверием...»

Если и чиновник и посетитель – женщины, лучшая тема для контакта – дети. Особенно если у пакиды на столе фотография ее чада.

ЧИНОВНИК И ПОСЕТИТЕЛЬ – МУЖЧИНЫ

В этом случае темы общения – спорт, политика, машины, «эти проклятые арабы совсем обнаглели». В последнем случае главное – не нарваться на чиновника-араба. Впрочем, через несколько лет жизни в Израиле я легко определял араба, как, впрочем, и «русского», даже со спины.

Избегайте изложения своих политических и религиозных (антирелигиозных) взглядов незнакомым людям: вполне может оказаться, что ваша позиция противоположна позиции собеседника.

Ï ÎÑÀÒÈÒÁËÛ - ÆÁÍ ÛÈÍÀ, ×ÈÍÎÁÍÈË - Ì ÓÆ×ÈÍÀ

Женщина обязана хорошо выглядеть и пахнуть всегда, а особенно при посещении учреждения. Ссылки на тяжелую работу, бессонную ночь, домашние проблемы не помогут. Легкое кокетство, стрельба глазами при контакте с чиновником вполне допустимы. Большинство израильских мужчин (в том числе и женатых) полагают «русских» женщин легкой добычей.

Приглашение на чашечку кофе в Израиле означает приглашение к интимной связи. Если вы ничего такого не собираетесь делать, то не провоцируйте чиновника, дабы не вызывать у него напрасных иллюзий на ваш счет.

Ï ÎÑÀÒÈÒÁËÛ - Ì ÓÆ×ÈÍÀ, ×ÈÍÎÁÍÈË - ÆÁÍ ÛÈÍÀ

Израильские женщины в массе с презрением относятся к русским мужчинам.

Пытаться «клеить» израильскую чиновницу, да и вообще израильтянку, как правило, бесполезно.

Ï ÈÑÛÌ À Â Ó×ÐÁÆÄÁÍ ÈВ

В большинстве случаев для решения проблем можно не обращаться в учреждение, а отправить письмо. Грамотно составленное письмо найдет нужного адресата, сэкономит вам уйму времени, нервов и сил. Так же, как и в СССР, в Израиле действует закон, обязывающий должностных лиц отвечать на письма.

К письму надо приложить копии необходимых документов. Письмо, составленное по-русски, сегодня, как правило, доходит до адресата: во всех учреждениях есть русскоговорящие. Кроме того, в этом случае вы получите и ответ по-русски. Если вы не владеете ивритом, то не указывайте ваш телефон, а укажите телефон человека, которому вы доверяете при решении данной проблемы.

ÀÐÀÁÈÇÌ Û

Арабизмы в обыденной разговорной речи израильянина весьма распространены, однако из-за снобизма авторов словарей и разговорников вы их там не найдете. Поэтому привожу наиболее ходовые, звучащие по сто раз в день на улице.

ÀÈÀÍ - Ì ÐÈÁÁÒ!

Уалла! – Восклицание удивления.

Мениак, кус эммак, кус охтак, ахуль маньюки – выражения досады по любому поводу. Имеют сексуальную коннотацию. Услышав слово «киббинимат», не надо краснеть, это вполне литературное выражение, физического смысла которого израильяне не понимают.

Дир балак – угроза (смотри у меня! Тебе не поздоровится).

В женском роде– дир балек, во множ. – дир балкум.

Ахла, аль а кефак – Вот такой! Хороший! Классный! Напр., ахла аватиах – вот такой арбуз!
Ахла а-арец – вот такая страна!

Икса – грязь, мусор.

Я – обращение (Шма, я, идиот шекамоха – послушай ты, идиот такой).

Джама – братцы, ребята, друзья, мальчики – обращение к «своим», то же, что хевре на иврите.
Я, хевре, боу ниште машеу – ребята, пойдёмте выпьем чего-нибудь.

Чапха – дружеское похлопывание по плечу.

Мархабба (ответ: мархаббин) – то же, что шалом.

Мабсут халас – то же, что беседер гамур или о'кей.

Киф халак – как дела?

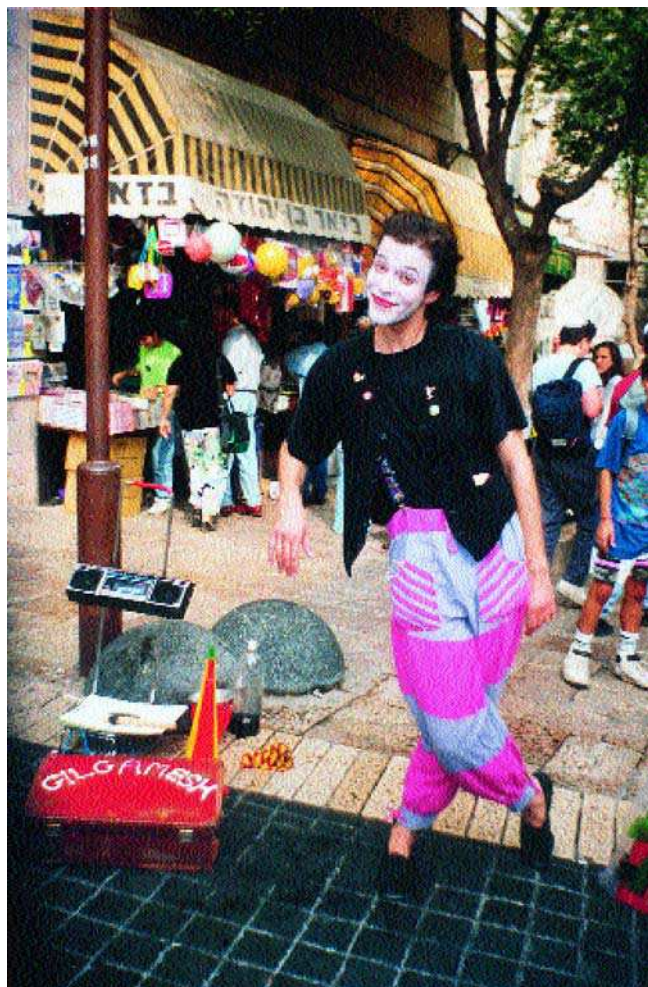
Аль а кефак – хорошо, отлично.

Î ÑÎÁÁÍ Í ÎÑÒÈ Ì ÐÌÈÇÌ Î ØÁÍ ÈВ

Половина израильян – арабы и евреи из стран Востока произносят гортанный «айн» и «хет», что поначалу сбивает с толку репатриантов, привыкших к дикторской речи на учебных кассетах. Из-за гортанных звуков самые обычные слова (поалим, авода) меняют свое звучание порой до неузнаваемости. К этому надо привыкнуть – в русском и европейских языках таких звуков нет. Выходцы из арабских стран часто произносят «с» вместо «ш» и «ц», что затрудняет понимание.

Ï ÎÈÓÏ ÈÀ ÒÎÁÀÐÎÁ È ÓÑËÓÃ

Жертвами мошенничества становятся люди, который показывают мошеннику, что они готовы попасться на его удочку. Для того чтобы избежать обмана, соблюдайте следующие простые правила.

יְיִי יְעֹזֵר

Каждый, кто стремится войти к вам в дом, остановить на улице, позвонить в надежде что-то вам продать, – мошенник.

Не оплачивайте товары и услуги, прежде чем товар доставлен или вы убедились, что все нормально и услуга оказана. Квитанция о приобретении товаров или услуг (кабала) является единственным документом, на основании которого вы можете потребовать возврата денег или обмена товаров, или переделки плохой работы, а также гарантийного ремонта. Без наличия кабалы ничего доказать нельзя.

С другой стороны, с продавцом или мастером можно договориться о сделке без квитанции (бли кабала). В этом случае цена как правило на 20 % ниже, но вы лишаетесь вышеописанных преимуществ. Поэтому на подобные сделки нужно идти, если вы знаете этого продавца или мастера и уверены, что он обменяет вам товар или переделает некачественную работу.

Как распознать мошенника и определить, что вас пытаются обмануть?

У опытных израильтян развита интуиция, и мошенников они определяют просто по внешнему виду.

Пользоваться рекомендациями ваших знакомых и родственников при покупке дорогих товаров и оказании дорогостоящих услуг.

Договариваться о цене работы заранее, оговорив, что цена эта окончательная и больше вы ничего платить не должны (А-махир софи). Заранее надо договариваться и о цене любых услуг – поездки в такси, цене блюд в ресторане, цене ремонтных работ и т.д.

Для того чтобы не стать жертвой мошенников, есть очень простое правило – при любых деловых контактах относиться к партнеру как к потенциальному мошеннику, просчитывать заранее, где и как он может вас обмануть и принимать соответствующие меры.

Стараться не покупать у арабов и не пользоваться их услугами.

Психологии араба и еврея разные. Еврей, как правило, полагает, что работу необходимо делать наилучшим образом, продавать качественные товары, тогда покупатель придет к нему еще раз или вызовет его еще раз и даст рекомендацию о нем своим знакомым. Исходя из этих же соображений цены на услуги и товары должны быть умеренными

Араб, как правило, полагает совсем иначе – сделать халтуру, продать негодный товар, урвать с клиента как можно больше, ибо неизвестно, что будет завтра.

ÊÀÊ ÐÀÑÌ ÎÇÌ ÀÒÛ ÀÐÀÁÁ?

1. Просто попросить теудат зеут. Если вы считаете, что это неудобно, вам лучше жить в другой стране.

2. По имени – Ахмед, Авад, Мохаммед. По фамилии – арабские фамилии часто кончаются на И – Дарауи, Ашрауи.

3. По внешнему виду и запаху. Это вовсе не расизм, а развитая интуиция.

Старайтесь не покупать товаров и продуктов, на которых нет ивритских надписей, несмотря на дешевизну этих товаров. Такие товары – вне сферы контроля израильских служб. Если товар, купленный в «нормальном» магазине, можно обменять, то товар, купленный у арабов, – только выбросить.

Игрушки, купленные в арабском секторе, могут быть опасными или выкрашенными ядовитой краской, продукты – с просроченным сроком годности. Обувь, купленная у араба, может развалиться на второй день, одежда – потерять вид, электротовары – испортиться, и все это придется выбросить.

ÊÀÊ ÐÀÇÀÒÛ ÁÛÒÌÁÛÁ ÌÐÌÁËÀÌ Û?

ÓÌ ÊÀÁÐÑÀËÛÌ ÛËÁÌÐÌÄÑËËË ÒÀËËÓÌÌ

Телефонный справочник Дапей заав содержит информацию о всех услугах, магазинах, госучреждениях, а также правила телефонной компании, инструкции по гражданской обороне, план города с указанием всех улиц и множество другой полезной информации. Русские и английские справочники – неполные, ибо содержат информацию лишь о русскоговорящих (англоговорящих). Справочник имеет алфавитный и тематический ключи.

ÁÁÌÊ

Несмотря на то что банки в Израиле– государственные, они нередко действуют в свою пользу. Существует служба контроля за деятельностью банков.

«Мисрад пикуах ал а-банким» – отдел контроля за деятельностью банков Банка Израиля, куда и надо обращаться, если вам кажется, что банк слишком много берет за те или иные услуги.

ÊÓÁÀ ÆÀËÌÁÀÒÛÑ?

Жалобу на деятельность госучреждений и госслужащих принимает госконтроль «Мисрад мевакер а-медина». Расследование может длиться несколько месяцев.

Невыплата зарплаты в срок – министерство труда, полиция, суд по трудовым спорам. Если вам не выплатили зарплату в обещанный срок, работу надо немедленно прекратить, а не ждать обещаний хозяина, что он вот-вот заплатит!

Жалобы на нарушение правил торговли принимает министерство промышленности и торговли.

Обманывают тех, кто к этому готов. Если работодатель видит по вашему поведению, что вы побежите в суд и в полицию, если не получите своих денег в указанный срок, он вам заплатит, ибо неприятностей у него будет в случае невыплаты множество, вплоть до закрытия его дела и тюрьмы. Если же он видит фраера, который ничего в израильской жизни не понимает, или видит по поведению жертвы, что она жаловаться не будет, он наглеет.

Интересно, что ни в одной израильской службе трудоустройства, где говорят на иврите, никто и не подумает брать какие-либо деньги за трудоустройство. Этим противозаконным делом занимаются лишь в «русских» фирмах.

Успешной абсорбции и не будьте фраерами!

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ МАЯ

1 МАЯ

90 *עאַר* *אַל* *אָיזערמאַן* *אָ* академика РАН, профессора МГУ, автора трудов по истории западно-европейской философии, лауреата Государственной премии СССР **Теодора Ильича Ойзермана** (р.1914, с. Петроверовка Одесской обл.).

4 МАЯ

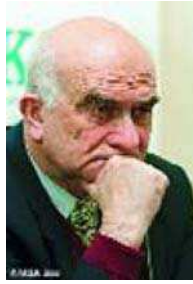

70 *עאַר* *אַל* *אָיזערמאַן* *אָ* режиссера, педагога, народного артиста России, профессора ГИТИСа (РАТИ), главного режиссера Центрального театра Российской армии, постановщика спектаклей «Смерть Иоанна Грозного», «Заговор Фиеско в Генуе», «Зыковы», «Павел I» и др. **Леонида Ефимовича Хейфеца** (р. 1934, Минск).

7 МАЯ

65 *עאַר* *אַל* *אָיזערמאַן* *אָ* молекулярного биолога, профессора Йельского университета, автора трудов по механизму биосинтеза нуклеиновых кислот, открывшего (одновременно с Т.Р. Чеком) ферментативную активность у рибонуклеиновых кислот (рибозимы), лауреата (совм. с Т.Р. Чеком) Нобелевской премии по химии 1989 года **Сидня Олтмена** (Altman; р. 1939, Монреаль).

70 ёаò ìì áìŷ ðìæááíéŷ государственного деятеля, экономиста, профессора Центрального экономико-математического института АН СССР, министра экономики РФ, основателя и директора Экспертного института РСПП **Евгения Григорьевича Ясина** (р. 1934, Одесса).

8 МАЯ

195 ёаò ìì áìŷ ðìááíéé национального героя Польши, кавалера ордена Почетного легиона Франции, прославившегося в борьбе за независимость Польши и в наполеоновских войнах, **Берека Иоселевича** (Бер бен Йосеф; 1764, Кретинген Ковенской губ. – 1809, Холм Берека под Коцком).

12 МАЯ

80 лет со дня рождения историка и культуролога, профессора МГУ, автора трудов по средневековой истории Скандинавии, истории народной культуры и общим проблемам европейского средневековья, лауреата Государственной премии РФ **Арона Яковлевича Гуревича** (р. 1924, Москва).

14 МАЯ

30 лет со дня смерти социального психолога и психиатра, основателя социометрии, организовавшего в США Институт социометрии и психодрамы, разработавшего социометрические методы для устранения конфликтов в малых группах и считавшего, что они применимы для разрешения противоречий в обществе в целом, **Якоба-Леви Морено** (Moreno; 1889, Бухарест – 1974, Бикон, США).

16 МАЯ

100 лет со дня рождения пианиста, педагога, профессора Московской консерватории, лауреата первого Международного конкурса пианистов имени Ф. Шопена в Варшаве, Государственной премии СССР **Григория Романовича Гинзбурга** (1904, Нижний Новгород – 1961, Москва).

19 МАЯ

65 ёаò ì ãÿ æááèè журналиста, деятеля международного социал-демократического движения, ректора Коммунистического университета стран Востока, автора сборника статей «Портреты и памфлеты» **Карла Бернгардовича Радека** (наст. фамилия Собельсон; 1885, Лемберг – 1939, убит в Верхнеуральске Челябинской обл.).

21 МАЯ

100 ёаò ì ãÿ ðæááèèÿ ученого, профессора МЭИСа, специалиста в области теории и техники антенн для радиосвязи, под руководством которого разработано большинство отечественных вещательных и связных аппаратов, в т. ч. для СВ, ДВ и КВ диапазонов, лауреата трех Государственных премий СССР **Григория Захаровича Айзенберга** (1904, Тимковичи Минской губ. – 1994, Москва).

28 МАЯ

40 יָאָרִים לְאַיִן דְּאַאַיִעֵי (7 תְּשׁוּבָה) общественного деятеля, главного раввина России, председателя Объединения раввинов СНГ, председателя Совета раввинов Всемирного конгресса русскоязычного еврейства **рабби Шлоймо-Дова-Пинхаса (Берла) Лазара** (р. 1964, Милан).

ИЗ НАШЕЙ МАЙСКОЙ ПОЧТЫ

נַאִי תַאִי עֵוּוֹ אִי עָא עִי אַאֲדִי

Уважаемые господа из журнала «Лехаим»! Позвольте мне, обыкновенному читателю, поделиться с вами кое-какими своими мыслями.

Никогда, быть может, еврейская религиозная и общественная жизнь в России не достигала такого уровня, как в наши дни. Открываются ешивы и синагоги, издается разнообразная литература, функционируют культурные центры.

Все это свершилось не само собой. Каждый шаг требовал усилий. Зачастую от людей, для коих теперешняя их профессиональная и общественная деятельность еще вчера представлялась лесом темным. Опыт же тех, кто так или иначе им обладал, не всегда востребовался. Однако, гласит пословица, свято место пусто не бывает. «Выдвиженцам» приходилось быстро осваиваться в своем новом качестве. Даже когда их деловые и этические наклонности не совсем соответствовали кругу непривычных обязанностей. Такое несоответствие, должно быть, не всегда ощущалось самими «выдвиженцами».

У главного раввина, поставившего на них, видимо, руки не доходят. Он поглощен едва не глобальными проблемами. Забот и трудностей ему, неوفиту в российской действительности, всегда хватало, а русифицированная, зачастую далекая от религии интеллигенция не спешила на помощь. И он не торопился ей навстречу. Насущно необходимый контакт не состоялся. Зато иные «выдвиженцы», сформировавшиеся в обстановке советского карьеризма, знают, с какой стороны хлеб мажут маслом. Одну из русскоязычных газет (они не редкость в Москве) редактируют люди, полагающие, будто словечко «жид» вполне уместно в названии публикуемой статьи. Но почему оно тогда неуместно на заборе?

Читатели «Лехаима», в свою очередь, наверно, приятно удивились, прочитав на обложке журнала почти знакомое: «Ханука шагает по стране». Подобно тому как тысячу раз «шагал» Октябрь или Первомай. Менее приятно, думаю, бывает им знакомиться с юмористическим разделом «Бекицер», убеждаясь: разделу катастрофически недостает юмора. И это в Москве, где телеканалы забиты смешными программами с участием евреев-сатириков! Неужто вы бессильны привлечь авторов? Или полагаете себя вполне самодостаточными? Или самодовольство входит в постоянную норму? Ведь то, сколько журнальной площади отводится у вас под один и тот же портрет с черной шляпой, разве не говорит о потере чувства реальности?

Остается признать, что главный раввин этого не замечает. Как и оплошностей в поведении, высказываниях иных самоуверенных деятелей еврейского движения.

Трудно объяснить, почему вне вашего внимания находится деятельность московского еврейского общинного центра. Хотя вряд ли в этой деятельности все на должном уровне. И вообще – почему вам недостает элементарной самокритики? Я имею в виду и такую, скажем, проблему, как бьющая в глаза узость авторского круга; ее отнюдь не компенсируют нарочито растянутые статьи иных сочинителей-историков.

Из-за трудно объяснимой несогласованности газета, выпускаемая под той же крышей и под тем же покровительством, что и журнал, не распределили между собой тематику и характер публикаций. Явно газетная информация съедает часть журнальной площади, иные чисто журнальные по типу статьи попадают на столбцы газеты. В таких условиях трудно ждать нового Жаботинского, умевшего, в частности, критиковать и еврейских деятелей. Ныне даже вообразить нечто подобное невозможно.

Как, кстати, и разговор о застывшей на месте численности еврейского населения в России. Несмотря не только на отсутствие эмиграции, но и на приток реэмигрантов.

Остается предположить, что пробил час, и «Лехаиму» пора отказаться от безразличия к русскоязычной еврейской периодике. Не полемика ради полемики, но деловая дружеская критика, помимо всего прочего, способная помочь журналу самоопределиться, поднять планку редакторской выскателности, обрести более стабильный читательский круг, извлечь уроки из ошибок и неудач. Отказаться от малейшего самообольщения.

И наконец. Покуда русскоязычная еврейская интеллигенция с ее достаточно высокими запросами не признает «Лехаим» своим журналом, давая понять, что он до нее не дорос, вы не имеете права считать собственный долг выполненным.

А. Ойаааа, I iпeаа

ŃĬ ĐĂĂĂĂĚĚĂĬ ĚĚ ƳŌĬ?

Прочитав в журнале «Лехаим» статью «“Белые пятна” компенсаций жертвам нацизма» (декабрь 2003 г.), решила написать о том, что мне пришлось пережить.

Я – Цыганская Ольга Израильевна, 1931 г. рождения. Я бежала из-под расстрела в Мариуполе Донецкой области в октябре 1941 г.

Отец, мать и я стояли раздетыми. Было очень холодно, мы ждали пули, ждали смерти. Я видела, как раненые люди падали в ров с живыми детьми, падали друг на друга. Их прямо так и закапывали. Говорят, земля дышала.

Наступил вечер, и нас, еще не убитых, погнали голыми в сараи. На ходу мы хватали чужую одежду, чтобы прикрыть тело. Из сарая потом убежали. Пошли к знакомым, в каждой семье нас держали по одному дню, а потом приходилось уйти. Ведь по всему городу были расклеены объявления: кто будет прятать евреев, тех расстреляют.

Отец и мать картавили, и вообще видно было, что евреи. Зима 1941-1942 года стояла лютая, а мы полураздетые, голодные и холодные бродили из села в село. Одни люди нас пускали, кормили, а другие гнали. Дошли мы пешком до Артемовска, там немцы забрали отца, и больше мы его не видели. Когда стали евреев забирать в Артемовске, мама не хотела уходить, а я не могла уже видеть дальше этот ужас. И стали мы с мамой опять каждый день ходить по деревням.

В Барвенково Харьковской области немцы схватили нас и оправили в Богодарово – в лагерь военнопленных. Там мы сидели вместе с пленными, а в конце января 1942 года нас освободил партизанский отряд им. Сталина. Руководил этим отрядом Глухов. У мамы не было никаких документов. Ведь все осталось на краю рва, где нас убивали. Глухов дал нам справку, где говорилось, что мы бежали из-под расстрела. Эта справка и сейчас у меня (правда, прошло 62 года и плохо видно написанное). Партизаны переправили нас через линию фронта, и мы попали в Алма-Ату. В 1944 году вернулись в Мариуполь. Нам оставили только одну комнату, вещи все были разграблены, и мы, нищие, стали жить вдвоем.

Как мы могли быть в оккупации 18 месяцев? Почему в основном получают компенсацию люди, у которых кто-то из родителей не был евреем?

Нас осталось очень мало, тех, кто пережил все ужасы войны. Ведь на территории СССР немцами проводился тотальный геноцид еврейского народа. Нас, евреев, собрали 18 октября 1941 года, а расстреливали 20 октября.

Сейчас мы все пожилые. Да и сколько нас? Неужели хоть какую-то часть компенсации нельзя получить?! Я одинокая, пенсия небольшая, здоровье плохое.

Ведь я ребенком десяти лет столько горя узнала, а немцы считают, что я должна была провести под ними полтора года. Справедливо ли это?

I eua Ōuāīīēay, I adeōīīēū